

Литературно-художественное издание

Иные берега

Vieraat Rannat

1 (22) 2017

**Журнал Объединения русскоязычных
литераторов Финляндии**

Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden lehti

**Хельсинки 2017
Helsinki 2017**

Главный редактор – Ольга Пуссинен
Päätoimittaja – Olga Pussinen

Редакционная коллегия – Л. Корниенко, М. Крошнева
Toimitusneuvosto – L. Kornienko, M. Kroschneva

Корректурa – О. Пуссинен
Korrehtuuri – O. Pussinen

Компьютерная верстка – Юлия Пярнянен
Tietokoneenmuotoilu – Julia Pärnänen

Журнал выходит два раза в год, весной и осенью.
Aikakauslehti ilmestyy kaksi kertaa vuodessa, keväällä ja syksyllä.

Подписка на журнал принимается по электронной почте:
Lehti tilaus e-mail:
inyeberega@gmail.com

Информация о журнале расположена на сайте:
Tiedonanto lehdestä:
<http://inyeberega.org>

Тексты для публикации принимаются по электронной почте:
Julkaistavia kirjoituksia otetaan vastaan osoitteessa:
inyeberega@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
Присланные материалы не рецензируются.
Издатель: Объединение русскоязычных литераторов Финляндии.

Lähde mainittava kirjoituksia lainattaessa.
Lehden kanta ei välttämättä ole sama kuin kirjoittajan kanta.
Lähetettyjä aineistoja ei arvioida.
Julkaisija: Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden yhdistys ry.

© Иные Берега Vieraat Rannat 1 (22) / 2017

© Inye Berega Vieraat Rannat, 1 (22) / 2017

СОДЕРЖАНИЕ • SISÄLTÖ

Проза и поэзия
Proosaa ja runoja

Александр Пахомов. Здесь был я. Роман. Продолжение. <i>Aleksandr Pahomov. Täällä olin minä. Romaani. Jatko-osa.</i>	6
Александр Добровольский. Стихотворения. <i>Aleksandr Dobrovolskij. Runoja.</i>	56
Книга. <i>Kirja.</i>	56
Стул. <i>Tuoli.</i>	57
Птица. <i>Lintu.</i>	57
Синий цветок. <i>Sininen kukka.</i>	58
Лучи. <i>Säteet.</i>	58
«клочок желтого ветра...» " <i>keltaisen tuulen palanen...</i> "	58
Пиксели души <i>Sielun pikselejä</i>	59
«великое доверие...» " <i>suuri luottamus...</i> "	59
Новогодний елочный шар " <i>Uusivuotinen koristepallo...</i> "	59
Александр Бунеев. Рассказы. <i>Aleksandr Buneev. Kertomuksia.</i>	60
Никогда не ходите в музеи. <i>Älkää koskaan käykö museoissa.</i>	60
День Кольцова, поэта и гражданина. <i>Koltsovin, runoilijan ja kansalaisen, päivä.</i>	64
Александр Раткевич. Лирика верлибра. Стихотворения. <i>Aleksandr Ratkevich. Vers libren lyriikka. Runoja</i>	71
Трехстишие. <i>Kolmisäe.</i>	71
Зеленый свет. <i>Vihreä valo.</i>	71
Ночью. <i>Yöllä.</i>	73
Сумрак. <i>Hämy.</i>	73
Днем. <i>Päivällä.</i>	73
Земля моя. <i>Maani.</i>	74
Шаги. <i>Askelet.</i>	74
Наталья Мери. Сахар крови. (Отрывок из романа) <i>Natalia Meri. Veren sokeri. (Katkelma romaanista)</i>	75

Дмитрий Близнюк. Стихотворения. Dmitry Bliznjuk. Runoja.	79
«Девушка в белом платье на пароходе...»	
" <i>Tyttö valkoinen mekko yllä laivalla...</i> "	79
«Наш дворик спит, будто каторжник...»	
" <i>Meidän pieni piha nukkuu kuin rakkotyövanki...</i> "	80
«Я вдохнул в тебя жизнь...» " <i>Hengitän sinun sisään elämän...</i> "	82

Алексей Ланцов. Миниатюры.

Aleksey Lantsov. Miniatuurreja	83
О личной жизни в течение суток в 2014 году.	
" <i>Vuorokauden yksityselämästä vuonna 2014.</i> "	83
Екатерина Ивановна <i>Ekaterina Ivanovna.</i>	84

Сестра Параскева (Вера Воробьева). Перелетные птицы. Повесть.

Nunna Paraskeva (Vera Vorobjova). Muuttolinnut. Piennoisromaani	
От автора. <i>Tekijän puolesta.</i>	87
Перелетные птицы. <i>Muuttolinnut.</i>	88

4

Людмила Яковлева. Стихотворения.

Ludmila Jakovleva. Runoja.	108
Сицилия. <i>Sisilia.</i>	108
Сфинкс. <i>Sfinksi.</i>	110
«Что такое пустота?» " <i>Mikä on tyhjuys?</i> "	111

«...и век минувший»
 "...*vuosisata mennytkin*"

Дмитрий Шляпентох. Фемистокл, сын Неокла. Повесть. Окончание.

Dmitri Shlyapentokh. Femistokl, Neoklin poika. Piennoisromaani.	
<i>Loppu-osa.</i>	112

«С Севера на Восток»-2016
 "*Pohjoisesta Itään*"-2016

Räivi Nenonen. Tornin Runo.	144
Елена Агинская. Башня. Elena Aginskaya. Tornin.	146
Николай Голь. Башня. Nikolay Gol. Tornin.	148
Вера Соломахина. Башня. Vera Solomakhina. Tornin.	150

**Критика и публицистика
Kritiikkiä ja lehtikirjoituksia**

Ольга Пуссинен. «Первое поколение новой страны»: <i>Молодая российская проза. Часть вторая.</i> Синдром Шекспира: Николай Васильев. Olga Pussinen. <i>"Uuden maan eka sukupolvi": Nuori Venäjän proosa.</i> <i>Osa 2. Hamletin syndrooma: Nikolai Vasiljev.</i>	152
Нина Гейдэ. Сюртук из Вечности.. Nina Gade. <i>Pitkätakki Ikuisuudesta.</i>	172

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Proosaa ja Runoja

Родился в Москве, детство провел в Финляндии. По образованию культуролог. Публиковался в антологиях современных авторов «Листья свет и тени» (2015). Победитель конкурса Литературного института «ЛитКонкурс. Стихи и проза» (2015). Живет в Подмосковье.

Александр Пахомов
Aleksandr Pahomov

Здесь был я

*(Продолжение. Начало
в номере 2 (21) 2016)*

Не все блуждающие – потеряны.

Мальчики играют во дворе. Они только что сложили свои игрушечные ружья. Война им надоела, к тому же они так и не определились, кто кого убил, а кого только ранили. Теперь они начинают играть в прятки. В этой игре правила действительно очевидней, и не зависят от рикошетов невидимых пуль и бронжилетов. Некоторое знакомые Рубашова говорят, что теперешние дети играют только в видео-игры и общаются

6

через социальные сети. Но ребятня бегают, как бегал сам Рубашов в их возрасте. И он стрелял, искал и прятался. Его любимая игра называлась «вышеземки». Правила были очень просты: добраться до определенной точки, не наступив на землю. С каждой игрой немного менялись условия, иногда под ногами была лава или кислота, и тогда можно было находиться на земле не более трех-четырех секунд, а иногда и вовсе ничего не было, только бездна, и если ты срывался, то должен был начать все сначала. Больше всего любили играть на стройке. Не «выше земли», а именно «вышеземки». А самым скверным ругательством, адресованным девчонке, было «сукина сынка». Почему не дочь или, например, тетя, неизвестно. Все всегда друг друга понимали. Дети до определенного возраста всегда умудряются понять друг друга, и все происходящее понимают куда лучше самих взрослых. На интуитивном уровне, на уровне первого впечатления. Еще дети обладают исключительной способностью прощать. Со временем это проходит. Если в порыве игры один случайно заденет другого до слез, то первым делом, как правило, сделает вид что и сам пострадал. Но потом обязательно подойдет, ибо ясно чувствует, что причинил боль. Спустя считанные минуты игра вновь продолжается, словно бы ничего не произошло. Дети во всем мире играют в одинаковые игры. Дети подражают взрослым. Они перенимают поведение взрослых и их слова, чтобы перенести все в свой мир. Например, когда дети в первый раз сталкиваются со смертью. Когда Рубашов

узнал, что жизнь конечна, он очень долго плакал. И сейчас эта мысль не проходит бесслезно. А когда они с ребятами нашли мертвого птенца, то похоронили его в обувной коробке. На могилку они положили полевые цветы.

Рубашов изобрел машину времени. Иногда она, правда, барахлит и сама включается. Он не так часто пользуется ее возможностями. Вдруг запахнет в воздухе так же, как несколько лет назад, и вот Рубашов уже в прошлом. Или он что-нибудь увидит, например, верхушки высоких сосен, раскачиваемых вечерним ветром. Они скрипят, как старые суставы. Бывает, что Рубашов нарочно возвращается на миг в прошлое. Когда готовит себе глазунью с черным хлебом и ест ее прямо со сковородки, и запивает горячим чаем. Таковую часто готовила ему бабушка. Или вот еще одна «зацепка»: чай комнатной температуры в пластиковой бутылке из-под газировки, с несколькими большими чайниками на дне. Прошлое как будто кричит внутри каждого человека, и иногда до наших ушей доходит только эхо далекого крика, но и его бывает достаточно, чтобы обернуться. Прошлое кричит, потому что мы что-то там забыли; забыли частицу себя.

Сидят и играют в интернете. Слишком рано подкралась к сверстникам Рубашова эта мысль. В ней нет ничего нового. Дело не в интернете, а в том, что дети делают другое, чего не делали сверстники Рубашова, чего у сверстников не было. Пусть сверстников с детьми и разделяет максимум двадцать лет. Не та нынче молодежь. Не та нынче Греция, добавляет Рубашов. Поколение Рубашова может быть последним, которое смотрело в детстве телевизор. Следующее рискует не застать ящик дома. Правда, радио уже больше сотни лет слушают, но оно буквально застряло в пробке.

Во всяком случае, дети быстрее взрослеют. Потому что все вокруг быстрее стареет. Хочет Рубашов сказать про технологии, но пока борется с порывом. Еще не до конца уверен. Да, были в его жизни аудио- и видео-кассеты, которых нынче не достать, и телефоны с антенной и черно-белым экраном. Но о чем это толком говорит? Можно сказать, что технический прогресс идет такими быстрыми темпами, что в течение одного только поколения полностью сменяются технологии, и что вчера было горой, сегодня оказывается холмом. И все знания, полученные в университете, устаревают еще до выпускного. Но наступившее будущее, которое все совсем недавно наблюдали в кинофильмах, распределилась на глобусе неравномерно. Есть космический туризм, и совсем скоро человечество долетит до марса, но не везде есть газ. Аналогии можно проводить бесконечно. Рубашов думает, что такими темпами человечество скоро достигнет тупика. Высаживаются космонавты на Марсе и говорят: «Ок, что дальше?» Один из них показывает на Венеру. Не долетим, отвечают ему. Прогресс замедлится. О чем можно совершенно точно сказать, так это о конкуренции.

Вот третья тема современности. Низкая самооценка, отсутствие гарантий и конкуренция. Все очень тесно связано друг с другом, все пункты внутривидовые. Все три вида можно отлично рассмотреть на книжных полках.

Кстати о полках... Рубашов отправил летом свой роман на конкурс. Так был уверен в победе, что стал мысленно растрчивать призовой фонд. Помимо необходимых вещей, он хотел отправиться в небольшое путешествие по Европе. У него была отличная идея книги. Вот это будет бомба. Но для работы необходимо поближе познакомиться со старым светом. Еще Рубашов надеялся, что одержав победу на конкурсе, он победит своих внутренних демонов: сомнения, неуверенность, низкую самооценку. Диплом победителя станет справкой о здоровье. Итоги предварительного

отбора будут объявлены в октябре, а пока обстоятельства заставляют Рубашова заняться поиском новой работы. Он делает творческое резюме. На кирпичном фоне размещает свою фотографию, ниже указывает опыт работы и образование. Подбирает специальный шрифт, напоминающий граффити. Указывает в резюме, что недостаток знаний он легко компенсирует быстрой обучаемостью и что его книга готовится к печати. Рассылает его в сотню компаний, независимо от наличия открытых там вакансий. Ждет. Ждет. Ждет. Пока Рубашов ждет, то рассылает свое обычное резюме в несколько ближайших магазинов. Резюме обычное по виду. В самом содержании он немного приврал, указав отличные знания тех программ, которые в глаза не видел, и добавив себе двухлетний опыт работы. Придумал отличную легенду, отвечающую на вопросы отсутствия записи, подтверждающей опыт работы, в трудовой. Хотел еще написать, что танцует чечетку, но менеджеры по подбору персонала, как он уже убедился, не обладают чувством юмора в рабочее время. О, вершители судеб.

Unknown author: "Office phone X-ray".

Ему позвонили из магазина электроники, поинтересовались его знаниями. Пригласили на разговор с директором. У Рубашова больше шансов получить должность после разговора с директором, чем после разговора с менеджером. Так всегда бывало. Рубашов разговаривает с директором магазина больше часа. Они переходят из одного отдела в другой. Директор магазина старше Рубашова максимум на пару лет. Он обещает огромный

процент от личных продаж и карьерную лестницу. Сказал, что он здесь совсем недавно, но уже успел уволить всех сотрудников и сейчас собирает новый штат. Говорит, что будет называть Рубашова бородачом и что бородач, молодец, не теряется во время разговора, хотя ничего толком про технику и не знает. Но это поправимо, главное не теряться с клиентом.

– А чего теряться с клиентом?

– Да приходят сюда... и двух слов связать не могут. Я у них спрашиваю, в чем разница между двумя телефонами, а они начинают потеть, как на экзамене. Ни бе, ни ме. Вот, – достает он с витрины телефоны, – в чем разница?

– В бренде.

– Это понятно, но конкретно в чем?

– В бренде.

Директор магазина объясняет конкретные и конкурентные отличия. В конце встречи говорит Рубашову, чтобы тот ему сам позвонил.

Это такая игра. Немногие компании готовы лично сообщить соискателю об отказе. Поэтому они велят ждать звонка. Рубашову всего несколько раз сообщали. Даже говорили причину. В первый раз ему отказали, так как он не производит впечатления человека способного пойти по головам. Блаженны кроткие. Второй раз, потому что он провалил экзамен. В той огромной компании (ее штаб-квартира была расположена на территории бывшего завода) отбор кандидатов состоял из трех этапов. Первый – экзамен по русскому языку. Кандидатов собрали в зале, выдали листы и ручки и читали им Чехова. Рубашов набрал проходной бал. Второй этап – ролевая игра. Соискателей поделили на две команды: одна должна была купить как можно дешевле картину, которая была у второй. Этот этап Рубашов не прошел, при том, что он уже «играл» в точно такую же игру в составе другой команды.

Если работодатель просит соискателя перезвонить, то таким образом он узнает о желании соискателя работать. Метод безотказный. Директор магазина электроники дал Рубашову свой номер и, как выяснилось впоследствии, попросил Рубашова позвонить именно в свой выходной. Рубашов справился. Его позвали во второй раз.

– Большинство не звонят. Им вообще наплевать, кем работать и что продавать.

Как Рубашову.

– Ты молодец, – директор дает Рубашову бумажку. – Поезжай завтра по этому адресу с документами. Тебя устроят. Подпишешь договор. По договору ты будешь получать сорок рублей в час, остальное – премии.

Это была типичная схема. По документам все получают минимально допустимую правительством зарплату. Сверх того – бонусы. Везде одни сплошные бонусы, как мыльные пузыри на детском утреннике. Еще никогда прежде много зарабатывать не было так просто. Продавай телевизоры и получишь бонусы, не забудь только настоять на покупке специальной тряпки для очистки экрана от пыли и отпечатков пальцев. Ведь экраны не терпят чужих отпечатков пальцев. При продаже одной вещи ты должен продать еще одну вещь. Или услугу. Например, пожизненную гарантию или чехольчик, или упомянутую тряпочку, или батарейки, или провод, потому что в комплекте плохого качества. Есть импульсивные покупки, совершаемые покупателями случайно, по наитию. Ерунда в красочной обертке, безделушка. Все продажи начинаются с того, чтобы вызвать этот импульс у покупателя. Никому не нужны батарейки для пульта только что купленного телевизора. Какими плохими бы ни были батарейки в комплекте, они проработают несколько лет. И уж тем более никому не потребуется дополнительная гарантия на телефон, который перестанет работать через год. Рубашов отрывается от земли – ведь и он большой мыльный пузырь. Сейчас лопнет под потолком. Когда поступал в институт, он видел что-то очаровательное в рекламе. С каждого плаката на

Рубашова смотрят счастливые лица. Красивые, счастливые лица. Если реклама стоматологии, то на плакате женщина, откусывающая зеленое яблоко. Если реклама бытовой химии, то в ролике или на плакате счастливая домохозяйка в кругу семьи. В рекламных роликах все человеческие проблемы решаются удивительно быстро. Да и сами проблемы мимолетны. Диарея или изжога – это грустное лицо и рука, потирающая живот; одна таблетка и все прошло. Жажда, голод, импотенция, насморк, кашель, менструация, нервы, плохой запах изо рта – больше не проблемы. Реклама толком перестала продавать товар, она продает образ счастья. Все подсознательно стремятся быть похожими на персонажей рекламы, в этом нет абсолютно ничего плохого. Разве Рубашов не хотел бы стать тем красавцем за рулем роскошного седана? Он выходит из своего особняка в деловом костюме, ездит по пустым дорогам и очаровывает всех в округе. Это потрясающе, и любой человек подсознательно уверен, что купив именно эту машину, впридачу получит все остальное из ролика. Реклама стала столь однотипной, точно ее всю делают по общему шаблону. Рубашов как-то видел штендер с рекламой химчистки:

VIP эксклюзивное индивидуальное обслуживание

Чистка эксклюзивного меха

Индивидуальная стирка премиального белья

Все стало эксклюзивным, индивидуальным и очень важным. Никуда он не поехал, ничего не подписывал. Директор магазина звонил ему, требовал объяснений. Рубашов неразборчиво сказал что-то про семейные обстоятельства, про болезнь, здесь плохая связь.

На эксклюзивное, индивидуальное и очень важное для Рубашова резюме ответили только из одной компании. Из школы дизайна. Расположенная в самом центре столицы, в старом особняке, школа предлагала всем желающим пройти курсы обучения ландшафтному и интерьерному дизайну, дизайну одежды и еще какому-то дизайну.

Где бы что не находилось, Рубашов не может дойти до этого места единственной правильной дорогой. Даже если он изучил маршрут и взял с собой карту, он рискует свернуть не на том перекрестке, выйти из другого подземного перехода и так далее. Слово бы его голова находится не на плечах, поэтому ноги, не получая сигнала, вынуждены отмерять огромные расстояния без идеи. Как в школе, если кто-либо забывал дневник дома, учитель всегда спрашивал: «А голову ты не забыл?» Из некоторых так и сыпались риторические вопросы. Как ты сможешь съесть пудинг, если не доел обед?

Сознание вернулось, когда ноги Рубашова сели на лавку. Больше идти они не могли. За десять минут до собеседования. Рубашов был разочарован. Так бывало каждый раз. Мимо Рубашова проезжают автомобили, как в рекламе. Суммарной стоимости всех автомобилей в радиусе ста метров хватит для утоления голода населения небольшой республики хотя бы на день. Один сытый день. Как вообще могут существовать голод и полуразрушенные хибары, способные похоронить под собой целые семьи от одной только вспышки фотоаппарата, когда есть сияющая сторона наполненных до краев всевозможными деликатесами тарелок? Стало быть, кто-то из них врет?

Либо вздутые от голода животы, либо вздутые от чревоугодия. Как могут существовать эпидемии, неизлечимые болезни, голод, нищета, безработица, войны, перенаселение, глобальное потепление, техногенные катастрофы, отравляющие почву свалки, зашкаливающий уровень преступности, самоубийства, отсутствия образования и медицины, несчастья и депрессия, как это все может так спокойно уживаться с роскошными бутиками и ресторанами, сотнями тысяч за год обучения, с квартирами за несколько миллионов, чудесами медицины, вечеринками, отдыхом на островах, профессиональной охраной? Причем это как-то уживается в одной программе новостей. Она начинается за упокой павших на бесконечном поле брани и кончается неминуемым хэппи-эндом. Кажется, что по обе стороны перегибают палку. Рубашов понимает, что если в одной стране кто-то купит себе яхту, это не означает, что в другой кто-то умрет от голода, причем именно в тот самый момент, когда документ купли-продажи будет подписан. Возможно, яхты и голодная смерть не так поэтичны. Рубашова больше интересует другой факт: никто из рабочих, собирающих яхту, никогда не сможет купить себе такую яхту. И официанты, разносящие фуагру, не каждый день сами ее едят, и строители особняков не живут в них, и так далее, и типа того. И Рубашов не каждый день ходит на собеседование, не каждый раз устраивается на работу после собеседования, но каждый раз сидит так и размышляет. И если он поделится своими размышлениями с любым из прохожих, то тот скажет ему: не заморачивайся. Поэтому мы и не водим дружбы с каждым прохожим — чтобы чувствовать условную уникальность наших мыслей.

Он решает побороться с городом еще несколько минут, ему уже интересно расположение переулка больше, чем условия работы. Он заворачивает за угол, проходит несколько метров и нужный особняк оказывается напротив него. Он нашел его случайно, а разочарование и усталость в ногах настигли Рубашова на параллельной улице. Он заходит в ателье, расположенное на первом этаже и спрашивает:

– Это вы школа дизайна?

– Нет.

– А кто?

– Не знаю. Спросите выше.

– Спросить молитвой или этажом? – улыбается Рубашов и поднимается по лестнице.

Однажды, жарким летом, семнадцатилетний Рубашов работал курьером и искал одну охранную контору. Очень долго искал, потому что контора не обременяла себя вывеской и город не обременял себя табличками с названиями улиц, и жители не обременяли себя знаниями улиц. И карта в руках Рубашова не обременяла себя номерами домов. Никто никого не обременял, кроме документов конторы, обременяющих Рубашова. Наконец измученный Рубашов буквально выбивает ногой последнюю дверь на последнем этаже офисного здания и обращается к первой же попавшейся женщине. У нее была короткая стрижка, большая родинка под губой и не было шеи. Она была очень похожа на бульдога.

– Это вы цербер? – спросил Рубашов.

– Ну не я конкретно... Но компания так и называется, – ответила женщина. Было жарко, как в аду, и Рубашов искал цербера, чтобы передать ему документы.

– Школа дизайна? – спрашивает Рубашов у девушки за столом на втором этаже.

– Да. Вы по какому вопросу?

– По вопросу трудоустройства. Мне нужна некая, – читает он в скомканной бумажке, – Лена.

Девушка с улыбкой приглашает Рубашова пройти за ней. Буквально весь этаж заставлен старой мебелью. И новой, выдающей себя за старую. Клетки для птиц, стеллажи, глобусы, картины, торшеры, ковры, кожаные кресла, – все, как в антикварном магазине, только все расставлено со смыслом. Иногда среди антиквариата Рубашов видел молодых девушек, сидящих за дубовыми столами с самыми современным компьютерами. Помещение было хорошо проветриваемым, воздух свежим, вопреки ожиданиям любого входящего. Среди старья ожидаешь ветхого и пыльного воздуха, с ароматом мокрой древесины и прохладой заплесневелого подвала. Если и искать смысл жизни, думает Рубашов, то только здесь, среди торшеров и журнальных столиков, которые были созданы лет сто назад, без всякой задней мысли, много держали и освещали на своем веку, а теперь, больные артритом, морщинистые и шепелявящие, стоят среди молодых, но искусственно состаренных вещей. Каблуки так громко стучат по паркету, что невольно хочется ходить на цыпочках. В конце этой длинной антикварной лавки их уже ждала другая девушка.

– Вы, должно быть, Лена? – спрашивает Рубашов.

Провожатая пошла обратно.

– Нет, я Юлия. Лена заболела, но предупредила меня. Вы, должно быть, Рупешов?

– Рупешов не смог прийти, я Рубашов.

Юлия растерялась, и Рубашов решил оставить шутку в стороне.

– В смысле, Лена неправильно записала мою фамилию. Я – Рубашов, как в резюме.

– Ой, извините. Нам очень понравилось ваше резюме. Вы можете подождать пять минут, пока я предупрежу директора?

– Да, разумеется. Здесь подождать?

– Там, у главного входа, откуда вы пришли, есть кресло. Подождите там.

Рубашов повернулся и прошел всю лавку в обратном направлении. Дошел до конца, которое недавно было началом, и уселся в кресло, напротив той самой девушки, у которой спрашивал про школу дизайна. Ему здесь нравится. В своем твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, бородой и оттиском интеллигентности на лице он здесь неплохо смотрится. Он как искусственно состаренная вещь. Он не подровнял бороду и не почистил кеды,

но зато помыл голову и надел чистую рубашку. Только забыл ее погладить.

Послышались шаги. Юля шла к Рубашова. Походка ровная, в такт секундой стрелке.

– Я предупредила. Пойдемте, я вас провожу.

Они опять прошли все лавку, спустились по спиральной лестнице на первый этаж и вошли в комнату. Юля представила Рубашова двум сидящим женщинам и ушла. Его передавали из рук в руки, как эстафету.

– Здравствуйте! Меня тоже зовут Юля, и я зам директора.

– А меня зовут Лена, я зам зама директора.

– Я просто Рубашов, мой зам заболел.

– В смысле заболел? Вы болеете?

– Шучу, не обращайтесь внимания.

Все сели на белые кухонные деревянные стулья. На стеклянном журнальном столике, очень низком, стояла заполненная пепельница. В углу диван и еще один столик. Во все стену расположился огромный книжный шкаф, забитый каталогами и альбомами. У противоположной стены – дубовый стол, весивший, должно быть, целую тонну. В комнате было очень уютно, тепло, небольшой творческий беспорядок как-то располагал к работе.

– Не обращайтесь внимания на беспорядок, мы все в работе, скоро начало учебного года.

– Понимаю.

– Должна сказать, – начинает первая зам, – что нас всех поразило ваше резюме. Вообще на эту должность мы рассматриваем только девушек, но тут не могли устоять.

– Да, мы очень хотели на вас посмотреть, – продолжает вторая зам.

Им обоим чуть за сорок. Первый зам с русыми волосами, очками в черной оправе и шелковым платком на плечах, в бежевой юбке и туфельках: видно, что она следит за собой, за фигурой, питанием и головой. Вторая немного поглубе: с очень короткой стрижкой, в джинсах и кроссовках, без косметики, но с лишним весом.

– В резюме вы написали, что вы писатель.

– Нет, я не писатель. Я только написал первый роман.

– Должно быть трагический роман. Вы производите впечатление очень серьезного человека, – говорит вторая.

– Я просто не причесался.

– В смысле?

– Я произвожу такое впечатление в начале, когда привыкаю. На самом деле я постоянно шучу и легок в общении.

– А что вас привело сюда?

– Лена хочет спросить, почему вы решили работать здесь администратором, раз, как вы говорите, вы писатель.

– Роман пока не публикуют, а кушать хочется. Тем более у меня очень большой опыт подобной работы.

– Ну а вы не пробовали писать статьи или устроиться куда-нибудь в издательство, например?

– Конечно пробовал, это никого не интересует.

Рубашову неудобно на стуле. Не знает куда девать руки и как сложить ноги. Для комфортного общения всегда требуется личное пространство, способное защитить психологически. Например, переговорный стол. Таким образом между собеседниками будет как минимум целый метр ничейной территории, и можно положить руки на стол и чуть наклониться к собеседнику – эта поза означает большой интерес к разговору. Можно скрестить ноги, в конце концов. Видно из-за такого стола только голову, грудь и руки, весь интим закрыт. А сейчас как на иголках. У Рубашова был знакомый, который во время разговора подходил очень близко, практически вплотную. Это давит и очень раздражает. Всегда должно быть личное пространство.

– Правда?

– Да, – Рубашов решает раскрыть все карты, – вы единственные, кто ответил на мое резюме. Сомневаюсь, что остальные даже читали отклики на вакансию.

– У нас работа не очень творческая.

– Даже совсем не творческая, – добавляет вторая.

– Если я написал роман и сделал такое резюме, это не значит, что претендую только на творческие должности. Тем более я работал не на творческих должностях.

– Понимаете, вакансия называется администратор. Но по факту вы секретарь.

– Тогда почему вы указали, что ищете администратора?

– Это лучше звучит. На секретаря почти никто не откликается.

– В ваши обязанности входит отвечать на звонки клиентов, распечатывать что-то, точить карандаши. Я шучу, конечно.

– Хорошо, не проблема.

– Вы любите людей?

– В смысле? – удивляется Рубашов.

– Должность подразумевает общение с людьми. Надо будет отвечать на глупые вопросы, обладать терпением. Так что без любви к людям долго не протяните.

Обе смеются.

– Так вы любите людей?

- Жить без них не могу.
- Мы просто не уверены, что вам будет интересно. В день бывает больше сотни звонков. Мы обе работали здесь секретарями и вечером, когда приходили домой, не могли разговаривать. Язык буквально болел. А вы какой-то немногословный.
- Обе смеются.
- Я работал в продажах. И каждый день у нас бывало больше трехсот клиентов. И каждый у меня что-то спрашивал. Так что вы меня не испугали.
- Наверно, в продажах больше определенных вопросов. А здесь задают иной раз очень странные вопросы.
- Вы не поверите, о чем меня только не спрашивали.
- Иногда, требуется общаться на английском языке. Какой у вас уровень?
- Неограниченный.
- Какой?
- Вполне свободный.
- То есть вы сможете что-то ответить?
- Не что-то, а вполне конкретно. Это не проблема.
- Еще надо часто переписываться, как у вас с этим обстоят дела?
- Ну, раз он романы пишет...
- Логично. Иногда еще надо составлять рекламные брошюры. У нас часто появляются новые курсы...
- Я изучал рекламу, так что тоже без проблем.
- Рекламу? Правда?
- Да, в резюме указано.
- Что бы ни было написано в резюме, его никто не читает.
- Я изучал рекламу, поэтому знаю, как составлять брошюры. Еще я изучал живопись, архитектуру и немного дизайна.
- То есть вам не составит больших трудов что-то порекомендовать.
- Конечно нет. Я посмотрел на все эти книги здесь, на полках, и все что там написано, для меня не пустой звук. То есть это не высшая математика, я здесь ориентируюсь.
- А как у вас обстоят дела с офисной техникой и офисными программами?
- Отлично обстоят. Не хакер, конечно, но разбираюсь.
- Хакер? – спрашивает первая.
- Это тот, кто взламывает сайты, как в кино, – объясняет вторая. – То есть вы сможете сделать брошюру в фотошопе?

– В фотошопе? – спрашивает первая.

– Да, это специальная программа, в которой делают фотографии и все остальное, – объясняет вторая.

– Ничего я не понимаю в этих компьютерах, – говорит первая.

– То резюме, которое вам понравилось, я сделал в самом простом и бесплатном редакторе.

– А в фотошопе?

– Без проблем, я изучал эту программу, – врет Рубашов. Все занятия он прогуливал.

– Работа немного скучная, вы все-таки творческая личность.

Рубашов терпеть не мог это словосочетание.

– Творчеством я занимаюсь в свободное от работы время. Работаю ответственно. У меня, кстати, есть рекомендации.

Он потянулся к портфелю.

– Не надо, мы охотно верим. Все-таки работа предполагает большой уровень стресса...

– Я сталкивался с этим. Я очень спокойный человек.

– Понятно. Ну что же, мы поговорим с директором, она не смогла сегодня приехать. Она принимает решения, не мы.

– Я понимаю.

– Ну хорошо.

Все втроем поднимаются.

– Кстати, вы бывали за границей? – спрашивает вторая зам.

– Я жил в Европе больше пяти лет.

– Просто как-то чувствуется, что бывали.

– Вы сможете сделать несколько рекламных брошюр? Самых простых, как у нас на сайте?

– Без проблем.

– Вот и отличненько, – первая зам передают Рубашову свою визитку, – отправьте их на мой электронный почтовый ящик.

– Надо говорить: на почту. Нам было очень приятно с вами познакомиться.

– И мне. Спасибо за ваше время. Выход через вход?

– В смысле?

– Как мне выйти отсюда?

– Здесь есть выход, я вам покажу.

И первая зам показывает выход Рубашову. Выход за старой дверью в ка-

бинете, между книжным шкафом и дубовым столом.

– Всего доброго.

– До свидания, ждем от вас брошюр.

Во дворе школы стоял роскошный спортивный «Бентли» ярко-красного цвета, с огромными черными дисками. Рубашов заметил православные иконы на дверце отделения для перчаток. Практически у каждой второй машины есть иконы. Православные предпочитают ездить на иностранных машинах. Некоторые из этих машин, надо признать, собирают в православной стране, под чутким руководством католиков. Атеист Рубашов не понимает, почему вероисповедание выставляют напоказ. Он сомневается, что иконы уберегут от аварии, но им вполне под силу уберечь от автомобильного вора, если он верующий. Перед тем, как разбить окно и вытащить магнитолу, возможно, он подумает о небесной каре за свои грехи.

Тем же вечером Рубашов делает в бесплатном редакторе обещанные брошюры и отправляет их по указанному на визитке адресу. Он делает шесть штук. Не самого лучшего качества, но с интересными идеями. Скорее это наброски, о чем он сообщает в письме. Через день он позвонил по указанному на визитке номеру. Первая зам директора сказала, что они посмотрели его брошюры, но предложение сделать не готовы, так как считают, что Рубашову будет не интересно и что он слишком творческий для них. Рубашов подавлен, ведь он очень рассчитывал на эту должность. Ему там очень понравилось. Он даже стал представлять, как ездит туда по утрам и возвращается вечером домой, как он там работает. Он всегда все детально представляет, после довольно расплывчатых и условных намеков. В этом одна из моих проблем, думает он. В воображении собственной жизни – в надежде. Одно дело творческое воображение, без него и строчки не написать. Но совсем другое дело — воображать ближайшее собственное будущее. Реальность и его представление реальности еще никогда не совпадали, реальность всегда была несколько хуже. Ожидания исходят изнутри, а разочарования извне. Извне всегда больше чем изнутри. Но как что-то можно начинать делать, не имея ожиданий? Разве в таком случае само действие не будет изначально лишено смысла? Как можно готовить обед, не веря в то, что он будет вкусным, или, как минимум, не утолит голод? В качестве опровержения гипотезы можно сказать о конвейере: о механическом действии, совершаемом человеком. Например, рабочий, собирающий дверные петли на заводе, не надеется на то, что на этих петлях будут висеть лучшие двери на планете. Возможно даже, что этот условный рабочий вообще ни о чем не думает, в том числе и об отдыхе или об оплате своего труда. Однако от этого собранные им петли не становятся хуже. Но Рубашов думает, что на то он и конвейер. Он остроумно отвечал на вопросы и его идеями восхищались – в воображении, на деле же его ни о чем не спрашивали, а остроумные замечания в лучшем случае не понимали. Как на следующем собеседовании.

Крохотная комната некогда жилого дома, отведенная под офис. Главный директор фирмы, куда пригласили Рубашова, снимал в этой комнатке стол. Класс Б. После приветствия директор спросил Рубашова:

– Какие, на ваш взгляд, три ваших главных недостатка?

К тому времени Рубашов решил кардинально изменить свое поведение, о чем неустанно твердила ему Арлова. Раньше он делал вид заинтересованного в работе человека, согласного на все условия. Как собака, выполняющая любую команду хозяина ради косточки. Ничего из этого не получилось. Рубашов понял, что нет определенного поведения, способного устроить всех, нет никаких правил, гарантирующих тебе трудоустройство, толком нет дресс-кода. Однажды он не понравился, потому что был в джинсах, на другом собеседовании он не понравился, потому что бы костюме. Раз так, то он будет вести себя по-своему. Шансы равны, как в игре в кости: либо ты каждый раз перед броском загадываешь новое число, либо всегда придерживаешься одного. Еще Рубашова стали раздражать такие вопросы: он понимал, как надо было отвечать, но не мог сделать этого по упрямости своего характера. Игры, в которые играют взрослые, извращенная версия «вышеземки». Твой недостаток, каждый из трех, должен быть на самом деле достоинством. Например, с кислым лицом, ты выдавливаешь из себя мокрые от слез слова: главный мой недостаток в перфекционизме – я не могу выполнить что-либо, не будучи уверенным в том, что выполнил это совершенно. Еще я чрезмерно обязательный, в ущерб личной жизни. Вот как ответил Рубашов на вопрос о своих недостатках:

– Во-первых, я не читал Булгакова. Во-вторых, я не хочу читать Булгакова. В-третьих, и это самый главный мой недостаток, я не понимаю подобных вопросов.

18

У него была абсурдная теория насчет Булгакова. Он заметил, что «Мастер и Маргарита» является, как правило, любимой книгой для тех, кто очень мало прочитал в своей жизни.

Его позвали на вакансию копирайтера. Он представлял, как в творческой атмосфере будет лепить из слов волшебные предложения, участвовать в так называемых «мозговых штурмах», ездить по командировкам. Так он представлял свою жизнь в университете. Пока в какой-то день все это не закончилось. Надо было снизить дозу окружающих его рекламных образов, слезть с иглы собственных представлений, перестать пить ту дрянь всеобщего счастья, которую подмешивают в питьевую воду. Что-то в этом было от когнитивного диссонанса: лобовое столкновение на огромной скорости двух враждующих между собой представлений с возможностью собрать из оставшихся осколков треть, прочное и отвечающее требованиям разбившихся. Но больше было от теории диффузии идентичности, предложенной, кажется, Эриксоном. Рассеивание не остановилось в юношеском возрасте, напротив, оно тогда только началось. Рубашов, как бездарный врач, не сможет поставить сам себе диагноз на основании субъективного анамнеза, но почему бы не поставить этот диагноз всей стране? Если не принимать во внимание население, отвлечься от этой мысли, если считать, что вся страна – это живой организм, страдающий кризисом диффузий самоидентичности. И дело во все не в западничестве и славянофильстве, дело не в терминах, от социализма до капитализма: ведь все они были неправы, они не учитывали человеческий фактор. Дело не в них, сейчас очень много терминов, этих ярлыков. Конечно, это удобно и экономит время, но это также создает впечатление всеобщего

помешательства. Может, страна – это всего лишь подросток, который провел свое детство где-то далеко-далеко, а сейчас слушает от совершенно чужих людей, которым почему-то все на свете виднее, нескончаемые советы о своем будущем.

Надо уходить, думает Рубашов, от оценок в романе, сосредоточиться на главном герое, если только главный герой в современной литературе может существовать вне времени, оценок и вне политических границ. С другой стороны, главный герой есть отражение времени, его причуд и условностей. Рубашов — как психотерапевт, страдающий депрессией. Как писатель и литературный критик в одном лице, пытающийся предвидеть недостатки в собственном произведении. Критик Рубашов спрашивает у Рубашова-писателя, где же в романе любовная линия? И сам отвечает:

вот же она —

Критик Рубашов ругает Рубашова-писателя за форму ненаписанного романа. Говорит, что никак не разобрать: этот роман – размышление главного героя с вкраплениями сюжета или сюжет с вкраплениями размышлений? И почему события непоследовательны? Рубашов-писатель отвечает Рубашову-критику, как отвечали хотя бы раз в жизни все художники своим критикам: раз такой умный, то сам пиши. Рубашов – палач, сложивший голову на гильотину и пытающийся дотянуться до спускового крючка. Рубашов-неведающий – после прочтения столько книг и размышлений единственное, на что он способен, так это развести в стороны руки, приподнять плечи, вытянуть нижнюю губу. Рубашов, спрашивающий себя, что же было дальше. Рубашов, отвечающий: дальше были прогулки под звездами, крушение, новый год и все остальное.

Прогулки под звездами

Дима был вторым читателем романа. Они познакомились еще год назад на дне рождения Арловой, но в алкогольных парах умудрились не заметить друг друга. Рубашов прозвал его поручиком за сердечное сочувствие к белым.

В конце августа они гуляли большой компании сверстников. После празднования собственного дня рождения город медленно остывал, ветер лениво гонял по улицам мусор. Кое-где еще встречались группы таких же молодых людей, которые из последних сил допивали виски с колой. В центре города рабочие демонтировали сцену – весь день на ней выступали местные музыкальные коллективы, представляя себя местной власти: что одни, что другие играли всем знакомые песни. Звезды на небе светили не ярче надежд каждого из прохожих. Рубашову очень нравятся такие ленивые и порочные вечера, как этот. Ничто так не объединяет незнакомых людей, как общий праздник, траур или победа сборной. Алкоголь размягчает индивидуальность, а общая тема празднования или горя притягивает незнакомцев.

Они сидели у фонтана, пили виски и вино. Рубашов с поручиком долго рассматривали работу местного художника (Рубашов назвал его самодуром), выставленную в честь праздника. Это был здоровый лебедь, метр в длину, сделанный из пластиковых бутылок.

– Как тебе современное искусство? – спрашивает Рубашов.

– Слишком пластиковое, – отвечает поручик.

Работы этого художника часто встречались в городе. Сам он жил в модельном домике, тоже своего рода предмете искусства. Шарообразный, без окон, расписан маслом. Поручик с Рубашовым прошли чуть дальше и наткнулись на еще одно произведение: большой советский фотоаппарат на треножнике. Он был сделан из картона, и на его фоне все фотографировались, не задумываясь о том, что все значило. Они зацепились за местную выставку и, не успев окончательно опьянеть, стали рассуждать о современном искусстве.

– Главная проблема, — если есть главные среди проблем и проблемы вообще, — заключается в том, — начинает издаലെка Рубашов, — что современное искусство – это идея. То есть предметом современного искусства является идея.

– Предположим.

– Предположим. А идея не может быть предметом искусства. Сама по себе идея ничего не стоит и начисто лишена смысла.

– А как же тогда Поллок?

– У него была не только идея. Впрочем, у него могло и не быть никаких идей. Проблема в том, что идея временна, а современное искусство очень зависит от времени и отвечает этому времени, и слишком надеется на современного зрителя.

– А Дюшан в таком случае? Это было еще лет сто назад.

– Вот с тех пор все и пошло лесом. После его писсуара и фабрики Уорхола. Терпеть их не могу. Но у них идеи были большими и не отвечающими конкретному времени. Они говорили о том, что искусством может быть все, что угодно, пока оно выставлено в музее. И что искусство стало слишком массовым, фабричным. И что банка томатного супа – тоже искусство.

– Может быть, один говорил, что искусство – это все, что в музее, а второй, что это все за пределами музея?

– Может быть. Вот смотри. Представь себе серию из восемнадцати фотографий. На первой фотографии изображен младенец, он только что родился. Лежит в кроватке, в роддоме, среди таких же новорожденных. На стене, на заднем фоне, висит портрет нашего президента, его только что избрали.

– Ага.

– Вторая фотография. Младенцу год, он среди родителей, подарков и гостей. А в центре торт с одной свечкой. Все счастливы. На стене, на заднем фоне, портрет президента. Может быть, родители этого младенца – госслужащие. На третьей фотографии младенцу два года. На седьмой он или она торжественно держит букет цветов на линейке перед школой. Он или она пошли в первый класс. На заднем фоне всем известный портрет.

– Я понял.

– Второй, третий класс, четвертый, если есть сейчас такие, и так далее. То есть на фотографиях мы наблюдаем за всей жизнью того некогда младенца вплоть до поступления в институт. Например, на последней фотографии он пьет пиво с новыми друзьями во двореке, а на заднем фоне...

– Интересно.

– Стало быть, неправильный пример. Вот та пластиковая утка... Что это такое? Я хотел сказать, — мне кажется, — потому что я уже запутался, — что искусство сейчас — это не то куда ты смотришь, а то, что появляется в твоей голове, пока ты смотришь. Ах, эта природа из пластика, ах, тот фотоаппарат, этот картонный памятник хипстерам. И кто они вообще такие?

– Знаешь, если в этом смысл тех работ, то смысл интересный.

– Мои мысли разбились со скрипом, как пенопласт. Я, наверное, вот что хотел сказать, в чем моя главная претензия: искусство перестало на что-либо претендовать. Оно стало теперешним.

– На что претендовать, например?

– На вечность.

Поручик был на два года младше Рубашова. Он занимался музыкой и у него не было отца. Рассказывал, что его старик в тридцать лет пошел утром за водкой, по дороге упал и умер. Поручик был безумно влюблен в одну девушку, у нее тоже не было отца. Но девушка не любила его в ответ. Об этом все знали. Поручик никогда не скрывал своих чувств, но и не подходил к каждому с рассказом. А когда Рубашов узнал об этой трагической и незавершенной истории, он задумчиво сказал Арловой:

– Что в нашем мире может быть хуже неразделенной любви?

– Спид.

Но это касается только их двоих. Поэтому Рубашов даже личного мнения не имеет на этот счет. В ту же ночь Рубашов отправил ему свой роман. Через неделю поручик приехал к ним с Арловой домой.

– Слишком американский роман.

- Да?
- Да. Мне понравилась сцена в ресторане.
- Мне тоже. Долго над ней работал.
- И конец. Как бы параллельный монтаж.
- Да?
- Да.

Затем у них вошло в привычку встречаться раз в одну-две недели на сиреновой кухне Рубашова и распивать бутылку водки за тысячу рублей. Говорили о политике, литературе и музыке, а когда водка заканчивалась, они слегка затрагивали темы личной жизни.

По будням Рубашов отправлял несколько десятков своих резюме в разные фирмы. Чаще он откликался на вакансии в разделе «Искусство / СМИ / Развлечения». Судя по его резюме, он плохо подходил для продаж. Несмотря на его пятилетний опыт работы в магазинах. Потому что он, во-первых, работал там только продавцом, а во-вторых, имел неподходящее образование. Незаконченное высшее на факультете рекламы, высшее на искусствоведении, фотокурсы и курсы сценарного мастерства. В-третьих, у него была борода. Не подходил он и для вакансий из раздела «Искусство». Потому что он работал только в продажах, для которых не подходил из-за образования. Иногда у него спрашивали, отчего такая несостыковочка между опытом и дипломом. И вновь Рубашов разводил руки в стороны и бормотал невнятное «пытаюсь выжить».

– Кого выжать?

Однажды, когда он дошел до собеседования на позицию копирайтера, у него спросили, почему он хочет заниматься писаниной. Так и спросили:

– Почему вы хотите заниматься писаниной?

– Я начал писать с третьего класса, до этого придумывал истории, и я хотел бы заниматься в жизни тем, к чему как бы расположен.

– Мы здесь вообще-то ради денег.

Рубашов тогда сорвался. Он порядком устал от всего этого бреда.

– У меня есть один знакомый. Он работает начальником вино-водочного склада и зарабатывает столько денег, до сколько вы досчитать не сможете. Поэтому не надо мне...

И затем он сказал несколько вульгарных слов, запрещенных нынче поправкой к закону, и громко хлопнул дверью. Когда он решил действовать решительней на собеседованиях, то не предполагал такого поведения. Никак не мог разобраться, чего от него хотели. Среди его знакомых не было ни одного начальника вино-водочного склада, но был один грузчик. И он действительно прилично зарабатывал. Он даже как-то приглашал к себе на работу самого Рубашова, но тот отказался. Приехал, осмотрелся и не смог. Ничего против такой работы не имел, просто не был уверен в своих силах. Не в физических силах.

Хорошо бы иметь наставника, думает Рубашов. Вообще, у него много наставников, завернутых в офсетную бумагу – они все толпятся на полках. Был бы кто-нибудь конкретный... Например, старик с седой бородой. Он бы говорил Рубашову: используй силу, не сомневайся, держись, гни свою линию. Сейчас он сказал бы Рубашову: не перечитывай того, что было написано вчера. Потому что Рубашову хочется все удалить и начать все заново. На этот раз надо написать гениально и осторожно. Старик ответил бы, что гениальное – в глазах смотрящих, как красота, как все остальное и что кроме твоих собственных глаз, больше нет ничего. Объективный седовласый наставник.

Сосед Рубашова – пятидесятилетний мужчина с седыми усами. Рубашов хочет придумать слово, наиболее точно отображающее соседа. Придумать, не подобрать. Одно слово, состоящее из трех: объект, субъект, собутыльник. Обьетильник, суббутыльник. Светильник.

Они познакомились, когда Рубашов вкручивал лампочку на лестничной площадке. Через год после переезда. В темноте с вытянутыми руками искать дверь в квартиру было крайне опасно из-за самого разнообразного хлама, расставленного в коридоре. Коробки, пакеты, три велосипеда, один из них детский, люлька, две стиральных машины, самокат, санки, три клетки для канареек, лыжи, лестница, десятки пятилитровых бутылок, один книжный шкаф, забитый учебниками, две автомобильных шины, несколько плетеных корзин и коробка с гвоздями. Квартиры были слишком тесными для жителей. Это тот случай, когда личная жизнь выходит из квартиры и распространяется, как плесень, на подъезд, двор и парковочное место. Рубашов думает, что еще ни одна вещь не хотела бы стать хламом, выставленным в подъезд или на чердак, или в подвал. Но тут же душит эту мысль еще в зачатке, ведь сейчас тысячи и тысячи магазинов с таким хламом. И не только магазины, даже книги полны разного ненужного хлама, но об этом Рубашов порассуждает позже, сейчас он вкручивает лампочку, а ее белый энергосберегающий свет ляжет на хлам в подъезде и на усы соседа, и на его слова:

– Ну это правильно, а то я вчера чуть было нос не расшиб, пока пытался дойти до двери. Главное – всем наплевать. Ну что за люди?

Они пожали друг другу руки и выяснили некоторые детали биографий. Рубашов сказал, что сам он из столицы, снимает эту квартиру под новой лампочкой со своей девушкой. Живут здесь уже год. Сосед сказал, что его зовут Андреем, он живет здесь с женой и дочкой уже лет двадцать и что большая часть этого хлама принадлежит ему. Точнее, его жене, ведь именно она не разрешает ему выкинуть все из окна. В конце разговора сосед одолжил у Рубашова сто рублей. Впоследствии он каждую неделю то одалживал деньги, то их возвращал. Очень часто, независимо от времени суток, он был пьян. Держался на ногах, лицо было красным, пытался завести задушевные разговоры, но в задушевных разговорах всегда держался только нескольких тем, за пределы которых выходил крайне редко. От задушевных разговоров пахло водкой. Под хмелем они кружили в воздухе, выполняя фигуры высшего пилотажа. Их стойкости можно было позавидовать. Он говорил, что устал от жизни, устал от жены, от отношений и от работы. Родился, отслужил, женился, родил, работал, ушел с работы, устал, собирается умереть. Андрей часто предлагал выпить Рубашову. И Рубашов порой соглашался. Ему был

интересен Андрей в целом, а не в чем-то определенном. Как и каждый человек. Рубашов всегда внимательно слушал Андрея, не спорил и не осуждал ни в мыслях, ни на словах. Однажды, после очередной рюмки дешевой водки, которую Андрей прятал от жены в барабане одной из двух стиральных машин, он сказал, что десять лет назад потерял младшего сына. Ему только исполнилось восемнадцать лет и он собирался пойти в армию, но вместо этого напоролся на чей-то нож во время драки.

– С тех пор я пью, – сказал сосед.

Больше об этом они никогда не говорили. У Андрея была десятилетняя дочка. По утрам он отводил ее в школу, днем забирал. Он хвастался Рубашову ее успехами. Говорил, она отличница, но сетовал на то, что дочка слушается только свою мать. Она очень часто видела своего отца пьяным. Андрей работал дворником и ночным сторожем в поликлинике. До этого был краснодеревщиком.

На свете очень много людей и каждый со своими трагедиями. Но сколько их упало в эту бездну?

Во время очередного визита поручика радостный Рубашов рассказал ему про суверенную демократию. Рассказывал так, словно бы понял одну из вечных загадок нашего мира. Он сказал:

– У нас в ванной комнате долго жил большой паук. Я в них не разбираюсь, но тот был величиной с фалангу мизинца. Жрал мух. Он свил себе паутину под ванной. Я ему уже несколько раз спасал жизнь – он часто, видимо, от голода срывался с крана и падал в чугунную бездну. Вообще, эта тварь пугающая. Я понимаю, что он мне ничего не сделает, но его наружность... эти глазки, лапки, брюшко, – Рубашов скривился. – Он часто Арлову пугал, когда она мылась. И вот я понял, что мы не уживемся. Все-таки это паук, а не попугай. Я поймал его в банку и отнес в лес. Вот что такое суверенная демократия. При коммунизме мне бы пришлось его расстрелять. При демократической демократии он бы жил там дальше.

Крушение

Наступил октябрь. Рубашов по-прежнему искал работу, одалживал соседу сто рублей, встречался с поручиком и раз в две недели виделся с родителями на нейтральной территории. С тех пор как отправил роман на конкурс, не написал ни строчки, не считая сопроводительных писем. Он слишком много поставил на победу. И проиграл.

На сайте конкурса объявили длинный список номинантов, и Рубашова среди них не оказалось. Они с Арловой несколько раз перечитали список из пятнадцати фамилий, но нужной не обнаружили.

– Может, это ошибка? – спросила Арлова.

– Никакой ошибки нет, – ответил Рубашов.

В тот же день, когда Арлова ушла к своим родителям, оставленный наеди-

не с собой Рубашов заплакал. Изю всех сил старался сдержаться, но что-то внутри как будто взорвалось. Взрывом изуродовало лицо, и слезы полились ручьем. Вдруг безработица, банкротство, расклеивающиеся отношения с Арловой, все его внешние проблемы, на которые он старался не обращать никакого внимания, стали в одночасье центром солнечной системы, и Рубашов начал кружиться вокруг них. Он захлебывается, его тянет ко дну. Дело не в призовом фонде и даже не в том, что победа на конкурсе помогла бы найти хорошую работу. Дело в том, что победа смогла бы хоть немного утихомирить боль внутри Рубашова, накормить его демонов: всю жизнь они шепчут ему, что все его действия – лишь прах, его мысли – пепел. Что он бездарен, как валенок, и то в валенке больше проку. И что это вовсе никакое не искусство, его «роман» – жалкая писанина, школьное изложение, рассказы – список покупок, это не состояние души, он не художник, не шестое чувство мира, нет в его словах откровения, нет в нем таланта, настоящего таланта, только копейка, все это — кулич из песка. Публикация – не свет маяка, а блуждающий в ночи светлячок. Рубашов на дне. Хромает среди развалин воздушного замка. Старается взять себя в руки. Еще есть издательства. Он пока не пробовал рассылать свой роман в издательства.

Среди всех его сопроводительных писем, выделялось одно, очень короткое, хрупкое и честное. Он написал его несколько недель назад, еще до итогов конкурса. Письмо было адресовано одной очень известной компании, занимавшейся промышленным и веб-дизайном. У компании было несколько магазинов, реализующих исключительно товар собственного производства. Им требовался продавец. Вакансия была опубликована у них на сайте, и в ней было сказано, что им нужен исключительный продавец, и работа очень сложная и ответственная, и если вы не уверены в своих силах, не стоит даже пробовать. Главное требование к кандидатам – это небольшой рассказ о себе и своих достижениях. Рубашов принял вызов и написал рассказ о себе. Вот он:

Рассказ о себе и своих достижениях

Амбициозность поставленных целей при неустойчивом вращении нашего мира и скромность их изложения перед незнакомыми лицами — уже достижение. И все от того, что мне решительно не понятно, как небольшой рассказ о себе повлияет на мое дальнейшее трудоустройство. Речь здесь идет скорее о критериях отбора: должность займет красноречивый рассказчик или человек с внушительным списком достижений? И какие фрагменты своей биографии следует выделить перед лицом возможного начальства? Факты жизни за границей в хрупкий период становления личности и влияние старой буржуазной Европы на мой характер или большой опыт работы в продажах — от музыкальных дисков, через строительство, прямиком к дорогому алкоголю? Следует ли к достижениям отнести мой доход на последнем месте? — он в два раза превышал зарплату остальных сотрудников, а я работал так, словно бы мне платили сотни тысяч. Или достижение — это мой первый художественный роман и карандашные наброски речи, которую я произнесу при получении Нобелевской через несколько лет (это обязательно)? А может быть, достижение покоится в моих словах, адресованных вам: не стоит пугать меня ответственностью и тем, что работать за прилавком трудно, и сложностью испытательного срока... проходил и не через это.

За сим благодарю за внимание, с убедительной просьбой не терять наше с вами время и ответить о любом принятом решении —

Рубашов

Конечно, никаких карандашных набросков речи он не делал. Но на нобелевскую рассчитывал. А на ответ не рассчитывал. Не все работодатели любят такой подход. Но этим такой подход понравился, и Рубашову позвонили. Пригласили прийти на собеседование в удобное для него время, но пока не в офис, а в магазин. Рубашов думал, что будет разговаривать с директором.

В тот день шел проливной дождь. Магазин находился в самом центре столицы, в одном из старейших переулков. Рубашов целый час искал этот переулок, сверяясь то с распечатанной картой, то со своим телефоном. Выйдя из метро, он вновь пошел в противоположную сторону и чуть было не заплакал от своей глупости. В конце концов он вышел к магазину — самым странным и противоречивым из всех возможных способов. Он вспотел, промок под дождем до нитки и был зол до последней клетки своего несовершенного тела. Магазин располагался в подвале ветхого здания, на первом этаже которого находилось модное кафе. Модное кафе принадлежало компании. Его интерьер был своего рода апофеозом стиля «лофт». Кованая лестница, кирпичные стены, состаренная мебель, — типичные представители западного стиля, — были скрещены с типичными представителями советского времени — холодильниками «Минск», разнообразными плакатами той эпохи, посудой и меню (Рубашов заметил это позже). Он спустился в подвал, подошел к единственному продавцу и сказал:

— Я на собеседование. К Сергею.

Продавец ответил:

— Вы, должно быть, Рубашов. А я Сергей.

Он предложил Рубашову снять пальто и выпить кофе. Рубашов отказался от кофе, но пальто снял.

— Откуда вы знаете о компании?

— О ней трудно не знать, — с улыбкой ответил Рубашов.

— А почему решили работать у нас?

— Я давно работал в продажах. И, в основном, в продажах работают временные люди. Поэтому такая текучка. А мне хотелось работать среди профессионалов.

— Да, это верно. У вас есть вопросы?

Рубашов задал несколько типичных вопросов про инкассацию, отчеты, количество покупателей, кассу, прием товара, зарплату и график. И получил несколько типичных ответов. Обещали по сто пятьдесят рублей в час плюс процент, с графиком один через два.

— Я вам позвоню. Думаю, что завтра, — сказал Сергей.

— Хорошо, — сказал Рубашов.

Они пожали друг другу руки, и Рубашов поднялся в кафе. Он подумал, что это было очень короткое собеседование, пожалуй самое короткое. Затем он выругался про себя и вновь спустился.

– Я забыл зонтик.

– Он здесь.

На улице, под зонтом, Рубашов закурил. Из переулка свернул на улочку с односторонним движением, прошел метров двадцать и, уткнувшись в табличку «Метрополитен», опять выругался про себя. Прохожий под белым зонтом обратился к Рубашову:

– Подскажите, как пройти к Кремлю?

– Не знаю. Я турист.

На следующий день ему позвонили из другой компании. Рубашов не сразу вспомнил, что отправлял им резюме несколько дней назад. Это был продовольственный магазин, самый элитный из эксклюзивных. Он находился очень далеко от съемной квартиры Рубашова, но так как там предлагали ночную смену и неплохие деньги, Рубашов все-таки решил поехать на собеседование. Под неплохими деньгами Рубашов понимал зарплату чуть ниже средней по столице, он такие деньги уже зарабатывал. А поскольку денег у него не было вообще, обещанная сумма стала неплохой. На этот раз Рубашов хорошо подготовился: погладил рубашку и внимательно изучил дорогу. Вышел из дома за три часа до встречи. Когда доехал до ближайшей станции метро, понял, что не успеть. Он решил позвонить в магазин и предупредить об опоздании. Десять минут репетировал.

– Здравствуйте, это Рубашов. У нас назначена сегодня встреча...

– Да-да, я помню, – ответила женщина.

– Я, к сожалению, задерживаюсь. Я попал в небольшую аварию.

– Ой! Я надеюсь все в порядке? Мы можем перенести встречу...

– Все нормально, никто не пострадал. Просто задержусь.

– Хорошо, я тогда предупрежу директора.

Впервые в его жизни реальность и репетиция реальности были очень похожи.

В конце концов, через три с половиной часа, он добрался до места назначения. То, что он увидел перед своими глазами, разительно отличалось от того, что он привык наблюдать из своего окна. Это был совершенно другой мир. Еще лучше, чем в центре столицы. Здесь были ровные дороги, невероятные особняки (а по одной из предыдущих работ он помнил цены за один квадратный метр) и огромное количество автосалонов. Машины, разъезжающие по ровным дорогам и выставленные на подиуме в салонах, он видел только в кино и на выставке. Когда выходил из дома, думал, что он хорошо выглядит. На нем был новенький серый бушлат, в котором он забыл распороть карманы: наивный Рубашов немного стеснялся его в электричке. Но здесь он чувствует себя так, словно бы приехал из самой далекой на свете деревни, —

он даже оглянулся в поисках своего стада лысых овец. А вместо них увидел меню ресторана. За суп просили четыре тысячи. Но дело было не в том, что тарелка супа действительно столько стоит, а в том, что такую цену могли себе позволить и продавцы, и покупатели. Интересно, кто был первым: предложение или спрос?

Нужный магазин оказался напротив остановки. Профессиональные охранники редкой породы учтиво поздоровались с маленьким Рубашовым, сообщив, что офис директора расположен с другой стороны магазина, там, где принимают товар. С изнанки, с торца, за кулисами блестящего мира. Там, где в поте лица работают грузчики, где дорогой товар стоит прямо на полу, где уборщицы ходят в тапках, а продавцы едят лапшу быстрого приготовления и смотрят крохотный телевизор. Над всем этим, на втором этаже, восседало начальство.

Директор очень понравился Рубашову. Про таких говорят "self made man"¹. Они сидели в крохотном офисе. Казалось, что однажды директора просто отгородили от всех гипсовой стенкой, потому что здесь было даже трудно повернуться, а не то что внести и поставить стол, а также несколько десятков толстых папок с документами. Колени Рубашова упирались в стол. Его бушлат в подсобке смотрелся лучше, чем на улице.

Они проговорили больше часа, причем, в основном обсуждали планируемые или совершенные путешествия по Европе. Директор недавно вернулся из Испании. Он провел там несколько недель, разъезжая на машине по всей стране.

– Объездил все вдоль и поперек.

Рубашов сказал, что сам рассчитывает на подобные путешествия в будущем, правда его больше привлекает север, что, признаться, весьма странно, так как он не выносит зимы.

– Зима зиме рознь, – сказал директор.

– Истинно говорите, – ответил Рубашов.

Директору понравилось, что Рубашов отправил свое резюме им на главный сайт, что он живет так далеко и расстояние его, судя по всему, не пугает. Ведь это говорит об уверенности и большом желании работать на ниве элитных продаж. Рубашов чувствовал себя глупо. Директор сказал, что в ночную смену Рубашов здесь будет главным. Ему как администратору будут подчиняться все, кроме охраны. Потому что у охраны свой господь бог. Еще директор спросил, какая выручка была в том продуктовом магазине, где работал Рубашов.

– Несмотря на то, что я лично заполнял все отчеты и относил деньги в банк, говорить о выручке не в моей компетенции.

– Но магазин, как я понял, больше не работает?

– Не работает, однако и не объявил себя банкротом. Извините, но это не в моей компетенции, – кинул Рубашов сочную кость.

Они понравились друг другу. Оба это поняли. Могли бы сработаться,

а то и стать близкими товарищами. Директор сказал, что до конца недели у него назначено несколько собеседований, поэтому он не может ответить сразу. Но он позвонит в пятницу. И позвонит в любом случае, потому что это профессионально, а он профессионал. А еще сказал, что проводит только первое собеседование, второе будет у самого главного босса, а третье в службе безопасности. После крепкого рукопожатия они разошлись.

На улице, закурив, Рубашов начал обдумывать собеседование. О том, что если кандидат чем-то понравится, его опыт и деловые качества отойдут на второй план. И что в жизни такое сплошь и рядом: в действительности мало что зависит от нас самих, от наших качеств и тем более опыта. Как будто всем в жизни правит импровизация. Удача, везение, симпатия, совпадение, нужное место и время. И каждый человек представляется Рубашову маленьким фрагментом огромной мозаики, и только от случайного порыва ветра зависит твое место на картине: станешь ли ты лишь крошечной частью однотонного фона или сыграешь куда более важную роль в общей композиции.

А когда Рубашов сел в автобус, он подумал о службе безопасности. Однажды он проходил такого рода проверку. Это было еще на заре его трудовой деятельности. После ухода из музыкального магазина он решил заняться чем-то другим. Пошел, однако, опять в сотовый салон, только не продавать, а расставлять товар. Какое это, на первый взгляд, идиотское занятие, перебило воспоминания замечание, – расставлять на витрине товар. Но во многом именно от этого и зависит выручка. Кажется, тогда он переговорил со всеми руководителями. Службой безопасности был бывший шпион, который внимательно смотрел в глаза Рубашову. Затем он поинтересовался:

– Вы принимали, когда-нибудь наркотики?

– Какие? – спросил в ответ Рубашов. Сейчас он уже не может вспоминать разговор без улыбки, но тогда он был очень серьезен.

– Когда так отвечают на мой вопрос, я делаю вывод, что наркотики вы все-таки употребляли.

– Да, но мне совершенно не понравилось. Мне нравится быть трезвым.

То же самое спрашивал у Рубашова психолог в военкомате. Он так же внимательно смотрел в глаза, точно пытаюсь определить малейшие колебания души Рубашова. Спрашивал шепотом, практически не шевеля губами, в полумраке холодного кабинета. Сам худой и серый, как пепел.

Рубашов, не отводя глаз, прошептал:

– Не-а.

Идиотизм. В принципе, это имеет свой смысл – задавать прямые вопросы: вы употребляете, вы убивали, а может крали или насиловали? Только куда большую роль играет не сам ответ, а реакция отвечающего. Потому что вроде как все вокруг очень крутые психологи. Особенно на границе.

– Вы провозите наркотические средства, холодное или огнестрельное оружие?

– А что вас конкретно интересует?

Но какую реакцию они ожидают увидеть от молодого человека до тридцати лет в наше время? Не виновен, ваша честь? Урну для мусора найти сложнее, чем спиртное или наркотики.

Это их работа — задавать дурацкие вопросы. На границе, в военкомате или в службе безопасности. И эти вопросы ничуть не хуже заученных «Вам подсказать?» или «Вам помочь?» В следующий раз, обещает себе Рубашов, на вопрос о приеме наркотиков он ответит так:

– А есть чего?

Рубашов лишь свидетель сотой части одного процента, поэтому он не может с условной уверенностью говорить так. Возможно, кто-то из спрашивающих понимает всю абсурдность вопроса. Но от этого мир станет только безумней. Сизифов мир. Возможно также, что Рубашов все преувеличивает: роль наркотиков и алкоголя, лжи и глупости и страха. Главное, чтобы он не приуменьшал. Или все в порядке, может, он просто заморачивается? Все в порядке, все нормально, но не с точки зрения абсолютной нормы и порядка, а с точки зрения сегодняшнего дня. Может быть, все вообще всегда в порядке? Возможно, и проблема только в глазах смотрящего? Он уже думал об этом раньше. Каждая его мысль есть сумма двух предыдущих. Фибоначчи Рубашов проехал свою остановку. Многие пассажиры автобуса, в основном худые и загорелые мужчины с бутылками пива, прильнули к окну. Они громко обсуждали достоинства и недостатки проезжающих мимо машин. Не всем нам ездить на Феррари. Это мысль отрезвляет и остается надолго комом в горле. Рубашов задумался о своих собственных недостатках. Кому он завидует, чего боится?

30

На следующий день ему позвонил Сергей.

А сейчас Рубашов задумался о смысле описания этих собеседований. С ними роман поправился бы на несколько страниц, но что скрывается за гранью подробностей? Вся самостоятельная жизнь Рубашова — это поиск работы, несколько месяцев самой работы и вновь поиск. Его всегда что-то не устраивало, всегда за красноречивыми обещаниями скрывалась гнусная ложь, с одной или другой стороны. На самом деле, Рубашов просто не хотел работать. Он не хотел строить карьеру, зарабатывать деньги, просиживать штаны в офисе или простаивать ботинки в магазине. Он не хотел, чтобы работа отбиравала у него большую часть дня, большую часть жизни и его самого. И он не был одинок в своем протесте. Если бы у него спросили, что общего между всеми людьми, он бы ответил: мы все в какой-то момент нашей жизни не хотели быть похожими на наших родителей. Рубашов не хотел после работы грызть семечки перед телевизором. Он не хотел обсуждать вечерами свой рабочий день, в глубине души понимая, что терпеть не может работу и любое упоминание о ней. Он сидит вечерами в интернете и ест шоколадки. Куда уходит протест? Были офисы, протестующие придумали openspace², следующее поколение осталось дома. Множество ровесников Рубашова работают по принципу фриланс. Как много иностранных словечек, постоянно всплывающих во время любых разговоров. Детей, по всей видимости, не удовлетворит

2 Опенспейс – офис с открытой планировкой, где все работники сидят в одном большом помещении.

и такой подход. Протест. Протест неизбежен, как прыщи в пятнадцать лет. Возможно, любой протест есть естественное состояние молодой души. Только в какой-то момент он гаснет. Возможно его, как свечу, задувает реклама, консюмеризм или обещания, или голоса родителей, или здравый смысл. Но Рубашов придерживался несколько другого мнения. Он предполагал, что этот самый протест гаснет от элементарного бессилия: человек, по мнению Рубашова, абсолютно бессилен перед временем и боится этого. Перед временем вообще, длинною в жизнь. Рубашов не хочет просыпаться пять дней в неделю в один и тот же час и совершать в течение всего дня, недели, месяца, года однообразные и бессмысленные действия, он не хочет тонуть в рутине. А именно рутина так пугает юношеский максимализм (и это словосочетание он не выносит). Но проблема в том, что и без трудовой рутины однообразие неизбежно. Например, когда Рубашов не работал, он просыпался в одно и то же время и выполнял ежедневно одинаковые действия. У рутины нет противоположной стороны, хотя бы по той простой причине, что любому требуется сон и пища. А если это так, и человек действительно не способен существовать вне протухшей рутины, то, возможно, именно поэтому человечество так любит истории. Истории в универсальном смысле этого слова, истории любой формы: от легенд и сказок до кинематографа, литературы, театра и оперы. Ведь в истории нет рутины, в ней нет тягучего времени. Ни в одном фильме мы не увидим главного героя, который сидит в очереди несколько часов. Мы не будем смотреть несколько серий о том, как персонаж спит. Мы не увидим и не прочитаем, как персонажи едут до работы. Только действия, только то, что имеет значение. В один момент персонаж решает отправиться в путешествие, а уже в следующей сцене он сидит в кресле самолета и просит стюардессу о стаканчике шампанского. Все двери в кино открываются в течение пяти секунд после звонка, если прошло больше времени – дома никого нет; любую телефонную трубку берут уже после второго гудка. В жизни все не так. В жизни мало только захотеть отправиться в путешествие, необходимо иметь деньги, документы, выбрать туроператора, страну, купить билет, взять отпуск, ждать визу, упаковать багаж, попросить кого-нибудь поливать цветы, заказать такси и доехать до аэропорта, пройти осмотр, сказать, что не провозишь оружие и наркотики, сдать багаж, подождать объявления посадки, пройти в самолет, найти свое место, сесть и пристегнуться, дожидаться стюардессу, и все это лишь для того, что бы узнать: спиртное при взлете не разливают. Сколько было рутины в жизни Рубашова между важными или не очень событиями, сколько месяцев пишется книга, которую прочитают за пять часов? Как будто наш мозг работает в другом режиме: он видит только результат, идеальную картинку, а сознанию предстоит рутинная беготня по инстанциям. В детстве многие мальчики хотели стать водителями-дальнобойщиками, они видели романтическую сторону этой профессии: дороги, скорость, ощущение свободы, только вперед, только незнакомые пейзажи. На деле оказалось, что есть еще многочасовые пробки, боль в спине, запах бензина, усталость, скука и так далее. А те, кто мечтал стать врачом? Они не видели нескольких лет белого света за учебниками: сонные лекции, ординатура, глупые вопросы больных, длинные коридоры, ночные смены, писанина, нервы, скука. Зато они видели, как спасают жизни.

Рубашов подумал: вот что оставили или потеряли мы в детстве –

романтику, способность видеть простое в сложном. И вот еще одна мысль: наше представление будущего схоже с воспоминаниями. Представляем и помним только главное, как в истории. Человечество всегда будет испытывать потребность в историях. Ключевое слово здесь – скука. Но скука не от бездействия, скука здесь не антипод развлечению или интересу. Скука как неизбежность, как ошибка человеческой природы, психики — экзистенциальная скука. Скука — это жизнь, которая медленно протекает между воображением жизни. Или так: жизнь это не то, чего ты ждешь, жизнь – это когда ты ждешь. Чем-то схоже с его определением современного искусства. Протест обречен, это сплин, это победа, которая со временем обернется поражением. Отвращение и скука.

Протест можно назвать медицинским термином «идиосинкразия». Это немотивированные неприязнь и отвращение. Отвращение к дороге, более двух часов с самыми несчастнейшими во всем мире людьми, одетыми во все оттенки черного и серого, несчастнейший Рубашов, сам весь в черном и сером, несколько часов неприязни по прибытии. Те, кто не выносит общественный транспорт, обречены ездить в автомобилях. Точнее стоять, а не ездить. И несмотря на то, что проблема пробок в последнее время только усугубляется, продажа автомобилей, напротив, возрастает. По мнению Рубашова, все дело в личном пространстве. Любому человеку среди толпы требуется временное убежище одиночества. Хотя бы один час в день. Но его не найдешь дома, его не найдешь на работе и в общественном транспорте. Оно находится или, пардон, в туалете, или в личном автомобиле. Причем как из первого, так и из второго делают своего рода культ. Шуточки про личную библиотеку вокруг унитаза это подтверждают. Рубашов видел как-то книгу – сборник интересных фактов, на обложке которой была фотография мужчины на толчке и надпись, излишне откровенно сообщающая, что перед вами самая полезная книга для такого места. Это отвратительно. Рубашову говорили, что все естественное не безобразно, но никто еще не мог точно определить границы естественного и безобразного. Время в машине — это время, предоставленное самому себе. Это совсем другой вид одиночества. Не то холодное, когда не с кем поговорить, излить душу, вязкое и противное одиночество. Грубо говоря, когда хочешь, но не можешь. А то, когда можешь, но не хочешь. Посидеть одному за столиком в кафе в окружение незнакомцев, например. Может быть, поэтому ставят иконки на приборную панель? Личная исповедальня? Мужчина из соседнего с Рубашовым подъезда недавно купил себе новенький фольксваген. Белого цвета, так как сейчас это самый распространенный цвет среди автомобилей. Буквально на следующий день после покупки, он приклеил иконы, поставил фигурку собаки с раскачивающейся головой, а на передние сиденья положил подушки, по расцветке очень напоминающие те самые ковры, которые все так любили вешать в свое время на стены. Только после этого новая машина стала истинно его. Еще он повесил шторки и наклейку на заднее стекло типа «танки грязи не боятся». Кажется, он сделал все, что только мог.

Отвращения к дороге Рубашов пока не чувствовал. После звонка Сергея и всех беспочвенных рассуждений он ехал на второе собеседование в ту самую компанию, занимавшуюся дизайном. Офис был в центре. Столица вообще состоит только из центра, спальных районов и шестиполосной кольцевой

дороги, отделяющей ее от всего остального мира. Опять он блуждал полчаса в поисках нужного адреса, и опять никто из прохожих ничего не знал. Опытный Рубашов нашел офис буквально на ощупь. Офис находился на территории бывшего завода. Торчащие отовсюду трубы, разбитый асфальт, бетонный забор и автомобильная стоянка, – этот поникший индустриальный пейзаж под серым небом охранял худой усатый сторож в форме и один кривой шлагбаум. Для входа требовался специальный пропуск, иначе сторож мог защекотать тебя насмерть своими усами.

– Тебе понравился офис? – спросила впоследствии Арлова.

– Мне это уже порядком надоело. Сплошная таксидермия.

Поднявшись на последний этаж в тесном лифте, Рубашов увидел перед собой огромные белые двери, как врата в рай. Это и был в какой-то степени рай для всех уважающих себя дизайнеров. Очень крупная компания, очень громкие проекты, раскрученное имя. Настоящий большой отечественный бренд, с запахом свежей краски и свежемолотого кофе. Две тысячи квадратных метров «протестного» опенспейса, своя столовая, комната отдыха, душевая, спальня, магазин, переговорная и лекционный зал. Все было забито белоснежной техникой самого известного производителя, на краже которой в свое время сделал хорошие деньги ранее упомянутый рецидивист. Советские плакаты висели повсюду.

Это было второе самое короткое собеседование Рубашова, если не считать пятнадцати минут ожидания в переговорной, с видом на несколько зеркальных небоскребов. Рубашову очень понравился гигантский синий стол. Компания недавно сюда переехала. Не везде был закончен ремонт, множество запечатанных коробок стояло вдоль стен, везде лежали клубки проводов. В переговорную вошел молодой человек, чуть старше самого Рубашова, в очках с черной оправой, с животом, синими ботинками и зауженными к низу штанами-скинни – протест против родительских клешей. Они поздоровались. Его звали Василием, он отвечал за магазины. Василий настоял на чашке кофе. Рубашов переводил взгляд со стола на небоскребы, с небоскребов на неприбитые плинтусы, с плинтусов на Василия, с Василия на чашку кофе. Ему понравился кофе, хотя он никогда прежде не пил черный без сахара. Ему понравилась чашка, которую он поставил на понравившийся стол.

– Ну, рассказывай, – сказал Василий.

– Что именно? – спросил Рубашов.

– Ну, кто, что, зачем.

Рубашов в течение одной минуты рассказал всю ложь о том, что ему нравятся продажи и профессионализм, и так далее.

– Понятно. Сегодня после пяти тебе позвонит Сергей и вы договоритесь, когда тебе выходить.

– И это все?

– Все. А чего еще?

– Я думал, что буду писать диктант, или сдавать тесты на IQ.

– На хрена? Поработаешь пару дней, мы посмотрим, ты посмотришь. Ну, давай, мне пора, – протягивает руку.

– Точно все? Я даже кофе не допил.

– Можешь посидеть здесь и допить. Приятно было познакомиться.

Пожимают руки, и занятой Василий убегает. Рубашов жадно глотает горячий кофе. Почему одни и те же вещи могут быть такими простыми и такими сложными, думает Рубашов.

На следующий день он приходит в магазин к Сергею, который спрашивает у Рубашова, зачем он пришел.

– Мы же договаривались.

– Мы, наверное, неправильно друг друга поняли. Ты должен был пойти к Василию.

В очередной раз Рубашов хочет провалиться на месте, он слишком устал от собственного непонимания таких простых вещей. Для него договориться о встрече слишком сложно.

– Ты можешь ему позвонить и предупредить?

– Конечно. Ничего страшного.

Василий устраивает Рубашову подробную экскурсию по офису. Он рассказывает, где какие отделы и кто чем занимается. Перед кабинетом владельца компании, чьим именем она названа, его голос меняется, словно бы он говорит о сакральном, в страхе навлечь на себя гнев потусторонних сил:

– Ну а здесь его кабинет.

Крылатая фамилия владельца буквально на каждой вещи.

Затем Рубашов несколько часов разбирает стеллаж в местном магазине. На следующий день он расставляет на стеллаже все новинки, произведенные компанией. На третий день он выходит в магазин к Сергею. Сергей говорит ему, что все типичные и расхожие фразы типа «вам подсказать» в магазине запрещены. Но приветствуются любые шутки и к покупателям здесь относятся как к знакомым, что безмерно радует и интригует Рубашова.

За две недели, что он там проработал, Рубашов познакомился со многими отличными и очень интересными людьми, пока не был занят курьерскими обязанностями, каждый день развозя разные предметы из одного магазина в другой. Но он не жаловался, так как прекрасно понимал, что это обычная проверка «на вшивость». Например, он познакомился с официанткой-баристой. Она приехала в столицу три года назад, сейчас училась на менеджменте, но хотела стать художником. Он спросил, в каком направлении живописи она работает. Она ответила, что предпочитает гиперреализм. Это достаточно редкое явление. Многих больше интересует собственное восприятие реальности, чем реалистичное ее отображение. Еще он познакомился с одним парнем. У него была роскошная, густая борода, и он очень любил фильмы ужасов. Они долго с ним проговорили на эту тему. А с другим парнем они долго обсуждали «Падение» Камю. Когда Рубашов спрашивал у них, кем бы они хотели быть,

в идеале, никто из них не мог ответить. Каждый из них проработал в этом магазине минимум два года, и каждый приходил в магазин в свои выходные. Во всех магазинах компании стояли раскладушки, потому что все магазины работали с семи утра до одиннадцати вечера, по факту – до последнего клиента, и не всякий раз продавец мог добраться до дома. Рубашов жил дальше всех. Он выходил из съемной квартиры около пяти утра и возвращался в первом часу ночи. Каждый из новых знакомых Рубашова был доволен своей работой, своим теплым местом в компании и больше увольнения боялся только другой должности. Сам Рубашов отчего-то страшился такого рода удовлетворения и мог сравнить этот страх лишь со смертью. Уж сколько их упало в эту бездну. Он сказал Сергею, что у него вскочила старая болячка и его кладут в больницу на обследование. Рубашов боялся оскорбить кого-либо своей правдой. Он не мог сказать, что никогда не будет ночевать на работе, на которой он только ради денег. Сергей впоследствии несколько раз звонил Рубашову справиться о его самочувствии.

Рубашов спрашивал себя, что это за сволочь такая сидит у него внутри, в его характере и не позволяет ему быть счастливым. Как душевный зуд, не дающий покоя, нарыв или незаживающая рана. Все он не может расслабиться, не принимать все как есть, если есть что принимать. Что-то бесконечно вибрирует у него внутри. Мысли, мысли, звуки, образы, чувства: все шуршат, порхают, денно и ночью, не тонут в алкоголе, не погибают от обезболивающих, не спят. Поручик спрашивает Рубашова на кухне:

– А зачем счастье вообще нужно? Что это? Гармония, штиль, спокойствие? Зачем? Что было, вот ты мне скажи, что было создано в гармонии? Гармония – мертвая плоть, иллюзия. Смирение – смерть. Налей еще.

Действительно, что это такое? Рубашов как-то начал писать эссе, но все никак не может закончить. Эссе на тему «Кем бы я хотел быть, не будь я самим собой?», там было про счастье.

Кем бы я был, не будь я самим собой

Счастливым. Во-первых.

Я был бы очень счастливым человеком, определенно. И здоровым. Как космонавт. У меня была бы любимая работа, интересная и перспективная, высокооплачиваемая, совершенно точно, на которой бы раскрывались все мои таланты и амбиции. Потому что, в противном случае, это противоречило бы первым двум пунктам. Так, что еще? Возможно, у меня была бы другая внешность. Предполагаю, я отличался бы от себя теперешнего в деталях: получше кожа и никакой хромоты, правда это относится больше ко второму пункту... Вот, у меня была бы фигура атлета, с кубиками на животе, а не шариком, как сейчас. Поменьше ноздри и никакой бороды. Но, возможно, ноздри бы оставили. Еще я бы не курил и правильно питался. Я был бы женат на самой замечательной девушке на всем белом свете. Такой замечательной, что ее приходилось бы время от времени щипать. И себя щипать: убедиться, что не спишь, а она – не сон. Она была бы очень красивой, даже самой красивой, и целью всей ее жизни был бы я. Ее родители приняли бы меня за своего сына.

Объединение русскоязычных литераторов Финляндии

У нас были бы дети. Самые умные, талантливые, здоровые и послушные дети из всех когда-либо существовавших. Они бы нас очень уважали и всегда следовали бы нашим советам. Мы бы все очень долго жили. Неприлично долго. Скончались бы мы с женой в один день, быстрой и безболезненной смертью (что взять то с таких стариков?). Флаги были бы приспущены по всей стране, потому что мы такие замечательные.

Нет, это совсем не скромно.

Послушайте, вот каким бы я был человеком, не будь я самим собой:

Счастливым, здоровым, с прекрасной работой и замечательной женой и детьми.

Это для них.

Еще я бы был более общительным и удачливым.

Но если бы я был тем человеком, которым меня хотели видеть окружающие, что бы от меня теперешнего осталось? Какими такими качествами я обладаю сейчас, которые никто бы не хотел поменять? Увы. Одни удивляются моему терпению и спокойствию, другие, напротив, находят в этом недостаток. Третьи говорят, что кроткие ничего не наследуют и мне следовало бы стать поактивнее и конкурентноспособнее. Словом, всем не угодишь. Себе не угодишь.

В некоторых ситуациях я хотел бы действовать по-другому. Это называется «лестничный ум»...

А дальше не знает.

Рубашов отправил свой роман во всевозможные издательства, занимавшиеся художественной литературой. Несколько издательств вообще не принимали никакие рукописи. А на сайтах других издательств не было никакой информации о приеме. Рубашов отправил таким письма с вопросом: «Вы работаете с дебютами?» Только одни ответили: «Литература стала бесплатной. Публикуйтесь в интернете».

Это не вариант. Рубашов нашел литературного агента. За шесть тысяч рублей она обещала написать рецензию на рукопись, и если рукопись будет интересна, она ее покажет издателям. Если нет – их общение заканчивается. Он поинтересовался критериями интересной рукописи. Вот что ему ответили:

Факторы интересной рукописи: оригинальная, не вторичная идея, талант автора, уровень писательского мастерства + модные тенденции и ваша персональная удача. Рентабельность могут только предварительно угадывать, но определить ее стопроцентно не сможет никто.

Больше значения имело все, что стояло после знака сложения. Рубашов никак не мог понять, почему он должен платить совершенно незнакомому человеку за его мнение о романе. Пусть это мнение и носит более презента-

бельное название «рецензия». Он лучше заплатил бы столь большую сумму денег за мнение Бёлля, или Фолкнера. Нет, он бы не платил им. Единственная критика, которую он спокойно воспринимает – это восхищение. Лучше бы он потратил эту сумму на книги. Хорошо было бы иметь шесть тысяч рублей.

У Рубашова спросили, почему он не рассматривает вариант самиздата?

– Так могут все. Написать все что угодно, и за некую сумму это выпустят. Здесь большого ума не надо.

Затем Арлова спросила, почему он не рассматривает вариант публикации в интернете, и он ответил то же самое.

Только после написания своего дебютного романа, он увидел целый мир бесконечных возможностей издания, достаточно обманчивых, однако. Любой каприз за ваши деньги – девиз сегодняшнего дня. Все издательства предлагали свои услуги по изданию книг любым тиражом за деньги автора. Множество только на этом и специализировалось, и, судя по сумасшедшей конкуренции, это было весьма прибыльным занятием. Автор лично выбирает обложку, качество бумаги, количество экземпляров, он может даже лично заняться версткой своей рукописи и выбрать магазины, в которых это добро будут продавать. Если автор располагает скромными средствами, то он может продавать свою рукопись в интернет-магазинах. Это дешевле, никакой возни, за пятьдесят рублей рукопись будут скачивать на свои планшеты все желающие. Еще есть вариант совершенно бесплатно выкладывать рукопись на всеобщее обозрение – для этого существуют десятки специальных сайтов. Только это похоже на эксгибиционизм. И, господи, как же много всевозможных учебных пособий по написанию романа. В них рассказывают, что надо писать, как выбрать тему, сколько в день надо писать, как разговаривать с издателями. Всем кругом все известно, главное не потеряться в хороводе советов. Никогда прежде стать писателем не было так просто.

То же самое касается музыки. С такими программами необязательно знать элементарную теорию музыки, а специальных сайтов для музыкантов еще больше, чем для писателей. Но всех опережает фотография. Есть фотокурсы «и Рубашов попался на эту удочку», всевозможные студии, учебники, специальные магазины, абсолютно все. А для того, чтобы стать фотографом, нужно только купить зеркальный фотоаппарат. Несколько знакомых Рубашова спустя неделю после покупки камеры сделали сайты и стали предлагать всем свои услуги. Все стало просто и доступно. Эти два слова очень часто встречаются в рекламе. Кое-как еще держится кино. Это затратный и очень трудоемкий процесс, но всех пока останавливает другое. Время. Средняя продолжительность роликов в интернете всего десять минут. Потому что очень трудно удержать внимание смотрящих. Коппола в одном из интервью семидесятых годов сказал, что обязательно придет время, когда камеры и любое оборудование станут настолько доступными, что кинематограф будет в каждом доме. Любой сможет снять фильм, и огромные студии и дистрибьюторы падут под натиском доступности, и это будет хорошо. Не то чтобы он в воду глядел... Всегда хочется, чтобы предсказания сбывались как можно быстрее. Появилось огромное количество небольших самодельных роликов. Доступность. Можно заниматься любым видом творчества, без всяких огра-

ничений. Во многих магазинах есть отделы для рукоделия, где можно купить и краски, и любые заготовки. Продаются даже гончарные наборы. Творческое начало есть в каждом человеке, и только сейчас оно так легко может найти выход. За небольшие деньги. Но, как и всегда, во всяком случае для Рубашова, есть обратная сторона. Она называется искусством и, практически, ничего не имеет общего с творчеством. Потому что творчество очень зависимо от настроения, и оно занимает малую часть жизни. Оно ни на что не претендует. Это порыв. Естественный порыв любого человека. Творчество может оставаться таким порывом всю жизнь человека, время от времени вырываясь наружу, например, в виде желания приготовить что-нибудь этакое на обед. Или оно может сопровождать человека всю его жизнь в виде хобби. Коллекционирование, в какой-то степени спорт, роспись деревянных заготовок после работы. Творчество способно успокоить, принести облегчение, отвлечь. А есть искусство. Это не порыв, а бесконечная страсть, не настроение, а состояние, образ мышления, не временное, а постоянное. Оно не отвлекает от мирских проблем. Оно приносит не успокоение, но страдания. От него можно искусственно отвлечься только на короткое время. Искусство не лекарство — это болезнь. И среди бесконечных возможностей для творчества искусство может погибнуть.

от кого: Издательство
кому: Рубашов
дата: 5 ноября
тема: Роман

Уважаемый Рубашов!

(Вы нигде не указали своего имени.)

Ваш роман «Солнечный зной» прочитан. Однако, на наш взгляд, перенос детективного сюжета в США, а также Ваше знание американской и английской литературы (действительно достойное уважения) все-таки не сделали сюжет динамичным, а описываемый мир вполне достоверным.

К сожалению, опубликовать его не можем.

Всего хорошего!

Зинаида Шишкина,
гл. редактор

Рубашов решил разобраться, так как никакого детектива он не писал.

кому: Издательство
тема: Не понял

Здравствуйте Зинаида!

Боюсь, что я не до конца понял Ваш ответ. Не могли бы Вы написать поподробнее? В романе нет детективного сюжета. Преступление здесь — не основа сюжета. Описание преступления в конце второго акта — своего рода катарсис главного героя. Возможно, Вы сможете мне дать совет относительно публикации. Мне 25 лет, это мой первый роман, опыта такого рода у меня нет.

Спасибо за внимание.
Рубашов

кому: Рубашов

тема: Объяснения

То, что Вы молоды, это, в сумме с начитанностью и желанием писать – очень хорошо, правда. Это дает надежды на будущее.

В моем коротком письме я написала о «детективном сюжете» как о неудачной попытке детектива, оказалось, такого сюжета нет. В Вашем случае любитель детективов, прочитав про пистолет в самом начале, обрадуется, а потом рассердится на вас, за то что зря потратил время. А любитель англоязычной литературы очень быстро почувствует вторичность, неловкую, да и бессмысленную ненастоящность мира, в котором происходит мир романа.

Действительно, в современном мире, «пережившем нашествие» великих литератур, проза и поэзия как бы стали второй реальностью, бытующей в мире рядом с первой, даже для не читающих людей блуждающие литературные образы и мифы что-то да значат. Но автор должен все же писать своей судьбой, идеями, счастьем и несчастьем, кровью. Он должен хотеть сказать что-то свое, а уж мировая литература сама вольется в его творения, ровно в той мере, в какой влилась в его жизнь... Но не больше.

Нельзя ставить телегу впереди лошади, не потому, что «не положено», а просто потому, что далеко не уедешь... Жизнь – первична. Ничего не поделаешь.

Я не знаю ни одного американского автора, который, прочитав всего Чехова и Толстого, взялся бы писать историю из жизни земского врача или офицера-артиллериста в окопах Севастополя... Я понимаю, что Вы ставили себе другую задачу – Вы строили психологию страхов, надежд и поступков молодых людей на несколько другом, ну вот, скажем, на американском фоне. Но «фон», как в жизни, так и в настоящей литературе, неотделим от героев и их судьбы. В театре – не так. И в кино – не так. Там условность фона – заявлена сразу, в самом жанре. Это ведь зрелища. А литература – это прямая речь, от автора к читателю, и даже – к самому себе. Иногда читатели при жизни автора и не объявляются. Писательство – занятие потрясающе интересное, но требующее невероятной самоотдачи.

Я так подробно пишу Вам, поскольку Вы молоды, возможно, талантливы и, надеюсь, напишете еще что-то.

С уважением, ЗШ

Каждый из дюжины читателей романа Рубашова спрашивал его о том, почему местом действия он выбрал США. В основном он отшучивался, но однажды сказал правду.

– Я так хотел.

А один раз, даже развернул свой ответ, как подарок в оберточной бумаге:

– Потому что я писал про людей. А люди везде очень похожи, но в хорошем смысле этого слова. Мы все похожи, потому что наши чувства и мысли ограничены. О чем будет думать всякий взглянувший на звезды? Любые различия между нами смехотворны. Каждый смеется, и каждый плачет. Нам не нужен один на всех язык, ведь сама природа дала нам один язык – язык познания. Сказки о вавилонской башне следует придать анафеме. Мы должны видеть общее друг в друге. Мы должны видеть друг в друге прежде всего человека, и только тогда мы увидим в другом себя. Да и вообще я лишь упомянул о месте. Я не хочу никакой конкретики.

Не хотел никакой конкретики в творчестве, не получил ее и в жизни. На все свои резюме получал отказы. Денег не хватало, работы не было. Рубашов стал еще больше замыкаться в себе. Он и раньше редко переписывался с кем-либо в социальных сетях, теперь же вовсе перестает смотреть в ту сторону. Если бы не поручик, приходивший раз в неделю, встречи с родителями раз в две-три и Арлова почти постоянно, он бы ни с кем не разговаривал вообще. Но даже и минимальное общение его быстро утомляет. Потерял аппетит. Чаше стучатся мигрени. Почти не выходит из дома, разве что в магазин за молоком и сигаретами. Как бы ему плохо не было бы, все равно не может без них. Настроение подавленное. Рубашов еще улыбается и острит перед поручиком и родителями, но на маску для Арловой сил больше не хватает. Не может смотреть на себя в зеркало, перестает за собой следить. Его будто бы окунули в вязкую и противную серую краску, и она проникает в его легкие, и он не может вздохнуть. Но не теряет интерес к литературе, не теряет и своей алчной любознательности. Вот где его аппетит безграничен. Сколько упало в эту бездну. Думает, что сам падает или на самом краю. Но для Рубашова ничего нового в его состоянии нет. Он всегда, сколько себя помнит, был отчужденным, меланхоличным, малообщительным. Он не убегает от реального мира в свои размышления и в воображение. Наоборот, он ненадолго приходит в реальный мир за новыми темами и впечатлениями. Не синдром запятого внутри, а агорафобия. Ему удавалось настолько хорошо маскироваться, что однажды дальний знакомый, поздравляя его с днем рождения, пожелал Рубашову всегда оставаться таким же веселым и жизнерадостным. Рубашову это было настолько же приятно слышать, как актеру получить почетную награду за лицедейство. Все носят маски. Как на сцене в театре. Маски успеха и благополучия, культуры и вкуса, профессионализма, заинтересованности.

Рубашов думает, что человек взял на себя слишком много ролей. Так много, что начинает забывать и путать текст. Он кроткий сотрудник, он хорошо одетый пассажир, он страстный любовник, внимательный собеседник, капризный покупатель, ответственный налогоплательщик, примерный семьянин, лучший друг, любитель животных, член фитнес-клуба, любимый клиент, особенный ученик, уникальная личность, массовый убийца, индивидуальный извращенец, он – эксклюзив. Когда он забывает свою роль, то становится индивидуальным любовником, хорошо одетым сотрудником, капризным налогоплательщиком, любимцем фитнес-клуба, массовым пассажиром, примерным извращенцем, уникальным животным, кротким убийцей, другом семьянина, личным учеником, инклюзивом. Есть определенный типаж, к которому все подсознательно или вполне осознанно стремятся. Один на всех,

большой универсальный типаж. Очень стало трудно разглядеть в каждом человеке такие же проблемы, как у самого себя. Но собственные проблемы для посторонних глаз были всегда завуалированы. Сказать о них – значит показать свою слабость. Говорят, что признаться самому себе в проблеме – это начало решения. Но только самому себе и никому больше. Отчего даже купить лекарство бывает сложно, особенно если за спиной очередь? Несчастных не любят, их презирают. Говорить о своих проблемах – значит ныть. Выставляя их напоказ, можно заработать. И так зарабатывают. Скольких юродивых видел Рубашов. Безногий мужчина, в военной форме (говорит, ветеран военных действий), практически ползает из вагона в вагон с заученным текстом. Молодая женщина собирает деньги на операцию для сына. Слепая старуха с иконками в переходе. Просьбы о помощи начинаются со слов «Люди добрые, дай вам бог здоровья». Теперь просят на корм для животных или денег на приют. Поэтому ходят со щенками и котятками, замедляя шаг около детей с родителями. Многие подают от жалости. Жалость – скоротечная уязвимость, пожалел и забыл. Многие подают от наглости просящих, как будто платят плохому артисту, чтобы тот поскорее ушел со сцены. Рубашов не подает. Это не принципиальная позиция. Он видел телевизионные передачи и читал статьи, компрометирующие попрошайничество, видел и читал и противоположные. Они вышибали слезу сентиментальным рассказом о жизни старух или стариков, которые что-то продают на одной из станции метрополитена, – ставьте лайк.

Просто не подавал, видел в этом что-то лживое. Подавал на улице, когда к нему подходили. Просят в основном на пиво, но чаще не говорят причины. Может ли сам Рубашов признаться самому себе в проблеме? Проблемы и так видны на его лице всем окружающим, но видны ли ему? А в чем его проблема? В чем проблема целого поколения? В завышенных ожиданиях, в том, что всегда мало, в неведении? Опять же, есть ли проблема как таковая? Или Рубашов драматизирует на пустом месте, переигрывает маленькую роль?

Он говорит, что у него все в порядке. Потому что не верит, что кому-либо могут быть интересны его трудности, включая его самого. Он знает, что достал всех своим настроением, как бы в подтверждение вышесказанного. И знает, что в первую очередь страдает от этого Арлова. Она все чаще ночует у родителей и встречается с подругами. Он интересуется, в нем ли причина. Она отвечает, что не в нем. Но это неправда. Последний раз они ходили вместе в кафе год назад. Она начинает на него злиться. Он сам злится. Стал каким-то вспыльчивым.

- Нас выгонят из квартиры.
- Мы же платим.
- Пока нам родители помогают. А когда перестанут?
- Ты от меня что хочешь?! Я и так ищу работу.
- Ты уже целый год ищешь работу.
- Ну извини, что меня никуда не берут! Такой вот я кретин, – Рубашов как гром.

– Почему ты не хочешь пойти в сотовый салон? Там платят.

– Потому что это мне придется там работать по двенадцать часов в день за копейки, а не... – Рубашов как молния.

– Да хоть дворником. Это же лучше, чем ничего!

– ...а не тебе! А может, ты пойдешь на работу?

– Я еще болею!

– Да, я вижу, как ты тут под капельницами лежишь!

А дальше ливень, ураганный ветер. Потом морозящий дождь. Потом холодный ветер. Потом мирятся, и появляется солнце. Но оно недолго светит, потому что сезон дождей, и ватные тучи вновь закрывают небосвод. Рубашов зол, как бешеная собака. На себя зол. Мог бы и спокойнее, думает, мог бы и работать, сейчас не до выбора.

Поручик устраивается на работу с первого раза, с первого резюме и единственного собеседования. Причем по специальности. Рубашов начинает думать про себя еще хуже. Поручик на последнем курсе, заканчивать изучать ядерную энергетику. Не сведущий в этих делах Рубашов может только отшутиться:

– Попроси у себя на ядерной энергетике, чтобы нам в подъезде свет включили. Темнота пусть и лучший друг молодежи, но не до четвертого же этажа.

– Да я в другом отделе...

– Все равно попроси. А то свечек не хватает, приходится ректальные зажигать.

Поручик говорит, что работа за тридевять земель от дома, и платят меньше среднего в два раза. Зато ему обещали частые командировки по городам одной шестой части суши. На оные поручик как раз и рассчитывает, они должны стать отличным отдыхом. Признается, что его все порядком достало.

– Тебя никто не знает, ты никого. Развеюсь, как флаг, и на родину посмотрю.

– А диплом когда сдаешь?

– В мае. Но это ерунда, почти готов.

Когда поручик назвал тему диплома, она не влетела в одно ухо Рубашова, чтобы вылететь из другого. Своим гуманитарным умом он сбил название темы еще на полете.

А дальше они пускались в пляс с политикой и искусством. Их грубые голоса никак не могли взять высокие ноты местечковых тем. Страшные и страстные в беседе, как два неандертальца, они разливали по рюмкам эксклюзивную водку, строили причудливые предложения и громко ржали. Арловой иногда становилось скучно от их обсуждения интервью политиков и тогда она уходила; иногда она пыталась участвовать в разговоре и в таком случае задавала наводящие вопросы:

– Вы все про правых и левых... Кто такие правые и левые?

Перебивая друг друга, они принялись с удовольствием объяснять. Как будто одновременно жонглировали в тесной кухне.

– Те и другие, если крайние – плохо. Потому получается, что это фашизм и анархия.

– Да, но анархия слева.

Спустя полчаса приходили к необходимому консенсусу: правые – это те, кто хочет решать за всех, в том числе и за врагов; левые говорят, что решать должен каждый сам за себя. Оба считали себя левыми, но соглашались, что всегда по-левому действовать невозможно: не все на это способны. Неисповедимы пути человека.

– Мне кажется, что все это одно и то же, – говорит Арлова. – Все хотят все только еще больше запутать. Бред. Почему нельзя просто жить?

– Потому что много националистов.

– Да, красные мешают. Но мне кажется, что чувство острого патриотизма, которое мы можем наблюдать в последние годы, является естественной реакцией на перемены. Оно не столько вызвано со стороны, сколько отлично со стороны поддерживается. Пытаемся отстоять свою народную индивидуальность во времени и сегодняшнем дне. Такое часто встречается в странах после революции. Достигает апогея во время войны и потом постепенно рассеивается, как туман.

– Предчувствие гражданской войны.

– Да, как у Дали. Сама картина безразлична, но название потрясающе звучит! Предчувствие гражданской войны. Есть, мне кажется, даже свой ритм в этих трех словах. Напоминает военные барабаны из-за обилия звонких.

И ушли в искусство. Тут Арлова начинала злиться, потому что они только и могли, что сотрясать воздух красивыми словами и рефлексировать. Причем на кухне.

– Вести умные беседы на кухне – отличительная и ярчайшая черта народа, к которому я имею честь себя относить, – говорит поручик.

Оба ничего не достигли, а только болтают. Один в депрессии из-за неопубликованного романа, другой из-за неразделенной любви. Сказала, что им не хватает действия и решительности, и настойчивости. Рубашов мог бы дверь вышибать в издательствах, и поручик добился бы большего в музыке. А они только и могут, что ныть и болтать.

– С нытья и болтовни начинаются все революции.

Арлова часто говорила на эту тему с Рубашовым наедине. Он может быть настойчивее и действовать решительней. Он отвечал, что в нем может быть такое же количество решительности, как и воды, только от него не все зависит. Далекое не все. Пожалуй, даже слишком мало. Решительностью не сдвинешь безразличные горы.

Кому: Рубашов
От кого: Литературный агент
Тема: роман

Уважаемый Рубашов!
Писать умеете, что уже радует в наше время, но вот продать Ваш роман не представляется возможным. Вам не следовало писать про другую страну
Могу только пожелать вам удачи
P.S.
Почему Вы не пишете о русской жизни? Мне ужасно не хватает хороших триллеров и детективов. Думаю, что это имеет шанс на успех.

Кому: Литературный агент
Тема: Совет

Здравствуйте!
За полгода мне отказали все, кроме самиздата. Причем все так и говорят: хорошо, но не рентабельно.
Мне 25 лет, и перспектива работать дальше в рознице меня разочаровывает.

По поводу русской жизни... Это большой вопрос, и я не хотел бы вдаваться в пространственно-временные подробности моего мировоззрения и прочих деталей, как и из-за здешних ограниченных почтовых возможностях, так и в целях деликатной экономии вашего внимания к моей персоне (хочу поблагодарить за это).

Совет от литературного агента начинающему нерентабельному писаке. Лучшее для меня – это писать дальше, с уклоном в российские реалии? Что, блин, делать (когда виноват рынок)? Еще совсем недавно я ошибочно предполагал, что самое трудное – это писать роман, страдая вместе с каждым из героев, и при этом быть на объективном от него расстоянии. Оказалось, самое трудное – это издание. Возможно, у вас есть знакомые лит. агенты. Я нашел только троих, включая вас.

Кому: Рубашов
Тема: Советов нет

Это и во времена Пушкина было самым трудным..

Кому: Литературный агент
Тема: ???????

Чем в таком случае занимается литературный агент, если он не работает с новыми авторами?

Кому: Рубашов
Тема: Re???????

Я завтра рано лечу на презентацию в Берлин, так что нет времени на переписку.

Маска дала трещину.

Долго он ждал Николая. Рубашов ничего против «подождать» не имел. В эти минуты он мог спокойно о многом подумать, и никто бы не обвинил его в незанятости. Он буквально щипцами вытягивает достоинства, оправдывая тем самым свое местонахождение. Очень близко от дома, каких-то десять-пятнадцать километров, два поворота. Конечная остановка. Кажется, что это расстояние разделяет два разных мира. В одном леса, в другом пустоши. В одном мире есть люди и дома, в другом не существует прохожих, а от домов – разбросанный строительный мусор. Ржавые балки, прогнившие доски, косые заборы, бочки и крыши, неизвестно откуда, неизвестно к чему, все лениво прикрыто грязным снегом. После второго поворота появляется вдоль дороги бетонный забор с колючей проволокой, за ним торчат деревья с обрезанными ветками, виднеется один из корпусов завода. Над всем и небо кажется серее и безнадежнее обычного. Подскакиваешь в скрипучей маршрутке: здесь условно асфальтированные дороги, а водитель не старается объезжать выбоины, ведь от них все равно никуда не деться. Маршрутка разворачивается и резко тормозит. Конечная остановка, дальше только проселочная дорога, ведущая неизвестно куда. За железными воротами какой-то завод, или не завод, – Рубашов не знает, имени инженера или конструктора, – Рубашов не помнит. Во всяком случае, что-то связано с самолетостроением. Весь город в свое время был построен вокруг летно-исследовательского института. И названия городских магазинов связано с авиацией: крылья, полет, альтиметр, пике, бочка. Есть что-то печальное в великом множестве искусственно построенных панельных городов. Они как придаток, они лишены естественной истории, а без своего центра, главного предприятия, остаются без будущего. Сколько и таких упало в бездну? Поколение Рубашова никогда не видело таких городов в рассвете своих сил, развивающимися, сильными. Но застало их поникшими и полумертвыми, забытыми и ненужными, с ворчливыми стариками и призраками былого величия.

На полупустой стоянке перед воротами, справа от остановки, стоит киоск. Рубашов покупает там бутылку воды. Он звонит Николаю, говорит ему, что ждет у проходной. Николай просит подождать еще, он задерживается. Снуют туда-сюда молодые солдаты, машины выезжают с территории предприятия, грузовики по другую, гражданскую сторону ворот, паркуются. Выходят водители, кому-то звонят, выписывают пропуска у тучной женщины на проходной, садятся вновь за руль, заводят грузовики, и ворота по команде открываются. Растет очередь в киоск. Жизнь здесь кипит, жизнь бьет ключом. Но на общем фоне серой ветхости, грязного талого снега и отчужденности вся суэта кажется не к месту и напоминает то ли конвульсии, то ли живые и яркие цветы на кладбище. Но Рубашов не желает во всем видеть только безнадегу,

меланхолическую импотенцию. Он стремится увидеть ремонт разрушенного бурей муравейника, услышать в нытье собственных ощущений хорал возрождения. В такую погоду это особенно трудно. Не может же быть все настолько плохо, говорит себе Рубашов, как когда-то говорили ему оптимисты. В ответ он цитировал что-то из Шопенгауэра, сейчас не помнит, не увлекается. А разве вы не видите страдания и боль, обездоленных, умирающих и несчастных, не видите дома умалишенных, войны и разрушения? Видим, но обращаем внимание на другую сторону. Рубашова тошнит от безысходности. Но только говорить о том, что на самом деле все прекрасно – еще большее вранье. Есть оттенки, но не противоположные цвета. Рубашов думает, что иногда надежда на лучшее или воображение будущего (его недостаток), или большие ожидания служат защитной реакцией мозга на царящее безразличие и подлинную безысходность. Может, так рождаются религиозные чувства – в виде ответа на страх перед смертью?..

Он уже полчаса ждет Николая. Слишком долго, чтобы уходить, слишком долго и холодно, чтобы ждать еще столько же. Рубашов нашел вакансию на сайте: в студию специальных эффектов требуется художник по росписи бутафорских изделий. У Рубашова неплохой опыт: он в свое время занимался масштабным моделированием и живописью. Так и написал в сопроводительном письме. Думает, что физический труд выбьет из него всю тревогу и пагубные мысли, успокоит душевный тремор. Маленькую зарплату бьет козырный опыт. Представляет себе студию, какие он мог видеть в передачах о кино. Представляет талантливых сотрудников. Представляет, что там будет тепло. Рубашов замерз, он ждет Николая уже больше сорока минут. Из проходной выходят молодые люди. Они хорошо выглядят, хорошо одеты, Рубашов думает, что они работают в студии. Он думает, что Николай должен выйти из той машины. Или из другой. Автомобили зачастили. Уже трудно найти свободное место.

Николай выходит из маршрутки. На нем камуфляжная куртка и старая ушанка, из-под которой свисает прядь сальных волос. Трехдневная щетина на серой и сухой коже лица. У него грубые большие кисти рук. Все это свидетельствует о крайней увлеченности своим делом, Рубашов уже встречал таких мужчин. Он тащит тяжелую сумку. С одышкой просит Рубашова подождать еще немного, пока он выписывает пропуск. Рубашов должен отдать свой паспорт в специальное окошко пропусков, за которым сидит тучная женщина. Она бы с удовольствием нахамила или покричала бы на Рубашова, но он не дает ей такого повода. Он всегда крайне любезен, так как любезность в таких бюрократических делах здорово экономит время. Затем свой паспорт с пропуском и специальным разрешением от Николая Рубашов должен передать охраннику – женщине без передних зубов. Она перепишет все данные и только тогда нажмет на кнопку, и Рубашов сможет пройти через турникет. Здешняя система безопасности едва ли отличается от аналогичных в дорогих офисах. Везде паспорта, подписи и пропуска, только у одних все выглядит серьезно и высокобюджетно, а здесь смешно и неуместно. Николай говорит, что это государственный объект.

Сразу за проходными, на территории государственного объекта их встречает потрепанный бюст инженера-конструктора. Здесь, оказывается,

собирают авиационные приборы. На территории ни души, хотя по другую сторону забора, кипела жизнь. Они сворачивают налево. В кустах стоит полуразрушенная хибара. Напоминает дачный домик, который запамятовали снести рабочие, возводившие государственный объект. Это студия. В предбаннике темно и воняет скипидаром, но дальше – хуже. Этому домику не хватает женской руки, но, вполне возможно, что она затерялась среди всего хлама. В комнату слева от входа не зайти. Там валяются доски и кастрюли, и манекены, и черт те что. Прямо – комната отдыха и кухня. Рубашову предлагают снять пальто. На кухонном деревянном столе три переполненные пепельницы (несколько бычков еще тлеют), объедки, грязные чашки и тарелки с лужами кетчупа, на стенах висят плакаты голых дам и спортивных автомобилей. Пахнет дешевыми сигаретами, краской, свежим деревом, лаком и недельным потом. Николай приглашает Рубашова пройти дальше, в зал. Там работают два по пояс раздетых парня. Что-то пилят. Не разглядеть среди всего хлама их работы. Разбросаны по полу гвозди и банки, чучела животных, заготовки, инструменты. Очень душно и жарко, запах пота сбивает с ног. Дальше еще две комнаты, в одной, бывшей ванной, делают пластиковые муляжи, Николай как раз показывает такой Рубашову (поднимает с пола):

– Это гриб, подберезовик. Видишь, как настоящий.

Последняя комната завалена чучелами. Тут и волки, и тигры, и медведи, самые разные птицы.

– Вообще я таксидермист.

Они возвращаются на кухню. Николай насыпает в грязную чашку растворимый кофе, предлагает Рубашову и закуривает вонючую сигарету. Он спрашивает, какими красками пользовался Рубашов, модели какой техники собирал. А затем на протяжении получаса и трех сигарет рассказывает Рубашову занятные истории из своей профессиональной деятельности. Так увлеченно рассказывает, что Рубашову начинает казаться, будто бы он ищет вовсе не нового сотрудника, а нового слушателя, новую пару ушей. По большей части Николай собирает чучела на заказ, уже лет двадцать пять, а не так давно решил расширить поле деятельности и стал принимать заказы на изготовление различных бутафорских изделий для кино или сериалов.

– И много заказов? – спрашивает Рубашов.

– Когда как. Сейчас, например, делаем башню от немецкого танка для одного известного режиссера. А пять лет назад в столице снимали один голливудский фильм, и у меня заказали муляж забора. Я сделал, все покрасил, установили. Съемки были рано утром. Я взял фотоаппарат. Они долго готовились. По сюжету машина должна была проехать сквозь забор. Снести его. Так вот, долго готовились. А когда она газанула, я начал фотографировать. Себе в портфолио. Хорошо сняли, все остались довольны. Потом уж я заметил, что пленки не было в фотоаппарате. Думаю, вот балда! Ну а когда фильм вышел в прокат, оказалось, что они этот момент как раз и вырезали. Но в трейлере он есть.

Затем в кухню зашел один из полураздетых потных сотрудников. Он стал советоваться с Николаем, как лучше выпилить деталь из пластиковой канист-

ры. Николай все объяснил Рубашову:

– Мы сейчас делаем костюм робота для детского утренника. Я все думал из чего лучше, что подходит. А потом смотрю, автомобильное масло в канистрах. Идеально, думаю.

Молодой парень, рабочий, присаживается за стол, закуривает. На одной из куриных косточек он находит пропущенный кусочек белого холодного мяса. Отрывает его и макает в лужу засохшего кетчупа. Недолго смакует и наливает кофе.

Рубашов интересуется обязанностями, зарплатой, графиком.

– Вообще плачу сто рублей в час. У нас нет определенного начала дня. Вот, например, один парень приходит в пять часов вечера, после учебы. А обязанности зависят от заказов. Вот сейчас делаем башню и костюм робота. Пока больше нет.

– Зарплата тоже зависит от заказов?

– Ага. В среднем получается где-то двадцать тысяч, если есть заказы. Я стараюсь не задерживать, но иногда бывает. Я снимаю помещение у директора этого центра. Всего тридцатка ему на руки, плюс за свет. Уже задолжал за пару месяцев.

И Рубашов возвращается домой. Николай дал ему пару дней на раздумье. Любое решение появляется одновременно с проблемой, убежден Рубашов. Достаточно семи вздохов, чтобы свыкнуться с подсознательно принятым решением. Время, затраченное нами на раздумья и прочее, – суэта. Нам хочется, чтобы нас уговаривали, подталкивали, а иногда бывает просто лень действовать, и тогда мы надеемся, что некоторые наши проблемы решатся сами собой, клубок неуверенности распутается самостоятельно. Рубашов в студии работать не будет. Студию теперь можно взять в заложники кавычек. Но в выходные он перетекает от личного нежелания к общей нужде и отправляет в два раза больше резюме, чем обычно. Согласно его собственным наблюдениям, из ста отправленных резюме позовут на десять собеседований. Из десяти собеседований позовут на одно повторное. Повторное – это собеседование с тем, кто принимает решение. Из десяти повторных собеседований ему предложат работу в одной компании. Если все сложить или перемножить (он не уверен и, оправдываясь, вспоминает колы по математике), так или иначе, должно получиться приличное количество отправленных резюме для того, чтобы получилось достаточное для выбора количество вакансий. Но предложения временные. Ждать никто не будет. И не так много предложений. Точнее, самих вакансий десятки тысяч по одной столице, но Рубашов не может откликнуться на каждое. Из ста разосланных резюме Рубашов хотел бы работать максимум в пяти компаниях. Дело не только и не столько в деньгах. Он знает, что если будет делать что-либо через силу и нежелание, то ничего путного из этого предприятия не выйдет. Разве что тело будут физически протестовать и разбудит старые болячки, или сотворит новых кумиров ипохондрии, а вслед за этим придет нервозность и остальные плохие вещи. Но простая математика существует только с его стороны, а со стороны работодателей – высшая. В среднем уже через минуту после опубликования вакансии

на нее кто-то откликается. В среднем менеджер по подбору персонала (или робот, или случайность, или алгоритм, программа, деревянные счеты, кто бы ни принимал решения), затрачивает на ознакомление с резюме всего несколько секунд. И далеко не все читают сопроводительные письма. И смотрят в основном только на последний опыт работы. И это все только в скобках. Самое страшное за ними. Количество вакансий всегда меньше количества безработных. И перед такой чудовищной статисткой и конкуренцией у любого соискателя невероятно мало шансов чем-то отличиться от других. А когда об этом знают как соискатели, так и работодатели, единственное что остается – это впечатление.

Рубашов читал на одном форуме статью менеджера по подбору персонала. Она (в большинстве случаев этим занимаются женщины), писала, что менеджеры такие же люди, и иногда они отказывают в приеме на работу по причине плохого настроения, а то и хуже – может не понравится имя соискателя. Сайт чуть было не лопнул от разгневанных комментариев безработных. Многие из них угрожали физической расправой или жалобными письмами. Рубашов не стал читать дальше, так как его тошнило от комментариев еще больше, чем от глупых статей. Комментарии – это особенный жанр и отличительная черта поколения начала сетевой эпохи. Так думает Рубашов. Можно выделить несколько типов комментариев, не считая рекламы. Причем типы комментариев не зависят от того, под чем они, собственно, расположены. Это может быть видеоролик, песня, статья, фотография, все что угодно. Первый тип – немногословные. Комментаторы излагают свое мнение в нескольких словах. Например: круто, фигня, ничего, забавно, мило и так далее. Особенно нравятся Рубашову комментарии под стихотворениями классиков: душа поет, реквием души, мощно, как про меня, я не понял, величественно, так себе, не для всех. С какой целью многие кидают эти безжизненные и сморщенные, как старое яблоко, словечки, Рубашову совершенно непонятно. Второй тип встречается реже первого – это развернутые комментарии. В основном, они висят под политическими роликами и статьями. В них, порой условно и косноязычно, содержатся рецепты решения проблем или емко объясняется личный взгляд комментатора. Часто личные взгляды и рецепты склоняются в националистическую и патриотическую стороны. И тогда, уже под ними, появляется третий тип. Скандалисты и ярые противники другой точки зрения. Их комментарии зачастую переходят в личные оскорбления. Все три типа перемешиваются, иногда кто-нибудь обменивается адресами, чтобы обсудить все лично, и растет дерево с листьями и ветками, корни которого в самом объекте дискурса. Лучше всего наблюдать за бонсаем не в социальных сетях, а на сайтах, не требующих при регистрации имени и фамилии. Возможно, что за псевдонимами скрываются маленькие рассерженные дети, которые пытаются самоутвердиться или выплеснуть из себя накопленные негативные эмоции, попросту отстреляться. Но также возможно, что за псевдонимами скрываются маленькие рассерженные взрослые. Смертные и неудовлетворенные тоже хотят самоутвердиться. А может быть, стихи Рильке просто нравятся, они милы и мощны.

Рубашов растерялся, когда его попросили рассказать о себе. Он попытался уточнить, что конкретно интересует милую девушку из отдела кадров.

– Не относитесь так серьезно к этому вопросу, просто расскажите о себе. В двух словах буквально.

Рубашов назвал свое имя и фамилию.

Он так редко говорил о себе, что со временем стал забывать некоторые подробности собственной биографии. Биография — как иностранный язык: постоянно требуется поддерживать уровень, иначе рискуешь запамятовать. И любимые песни нужно напевать, и стихи про себя читать. Да и собственные мысли — не велосипед: тут уж не сядешь — и вперед, надо бы время от времени крутить педали, иначе разучишься и придется начинать все с азов — с трехколесного, а то и с ползанья. Кстати, о неудачных сравнениях и абсурде. Рубашов неожиданно вспомнил тот странный разговор с одним из клиентов на первой работе.

Рубашов дежурил в книжном отделе. Когда он проходил мимо закрытой витрины с дорогими книгами, к нему обратился мужчина. Среди всех книг на витрине (это очень важно!) особенно выделялся роскошный альбом с фотографиями секвойи и огромная книга про историю автомобилей марки БМВ.

– Извините, у вас книги про голубей есть? – спросил мужчина.

– Про голубей?

– Да. Птицы такие.

– Нет у нас книг про голубей.

– Но про деревья же есть...

Рубашов оглянулся на витрину.

– Дерево не птица, – заметил Рубашов.

– Голубь не БМВ, – парировал мужчина.

– До свидания, – закончил Рубашов.

В принципе, они могли долго так продолжать.

Много он знал подобных истории. Но большинство забыл. Let it be or not to be.³

Возвращаясь к последнему за тот год собеседованию.

– Лучше вы расскажите о себе, – говорит Рубашов.

– Ну, если бы я устраивалась на работу, а вы бы интервьюировали, тогда другое дело.

Рубашов читал, что менеджер по подбору персонала иногда проводит до десяти собеседований в день. Поэтому необходимо чем-то выделиться на фоне остальных, то есть запомниться, то есть произвести впечатление. Читал

в очередной статье – сборнике советов. И тут, кстати, задумался: чем вызвано такое огромное количество сборников советов, самоучителей и путеводителей? Самосовершенствованием, неудовлетворенностью или тем, что все стали неудачниками, неспособными разобраться в самих себе и окружении? Как, впрочем, и сам Рубашов. Вот была бы книга, подумал он: «Путь к себе. Десять шагов для Рубашова, чтобы стать Рубашовым».

– То есть вам не нравятся ролевые игры?

– Я не поняла, – она не обиделась, она действительно не поняла.

– Извините. Я просто стараюсь выделиться на фоне остальных девяти соискателей.

– Каких девяти?

– Я читал, что у людей вашей профессии бывает до десяти... соискателей в день. Вот я и пытаюсь запомниться.

А потом он понял, что сказал. Покраснел, но взгляда не перевел.

– Не беспокойтесь, вы первый и единственный за сегодня.

Рубашов почувствовал себя особенным и понял, что не видать ему этой работы с тех самых пор, как он открыл рот под маской. Впрочем, ему и не хотелось. Необходимо, но без желания. Офис этой компании был расположен неподалеку от оранжевого здания, в котором Рубашов год назад совершал до десяти звонков в день. Зачастили десятки.

– В резюме указано, что вы долго работали в продажах.

– Долго.

– Почему вы ушли с последнего места работы?

– Банкротство.

– И вы полгода ищете работу?

Этот пробел в резюме – провал в трудоустройстве. Работодатели не любят такого, соискателю приходится врать.

– Нет, я работал в другом магазине, но без трудовой. Поэтому я опять в поисках. Стабильности.

– Понятно. Я смотрю, что вы носите часы.

– Ношу. Это подарок.

– Вы разбираетесь в часах? Я спрашиваю, так как нам необходимо знать, сколько времени у вас уйдет на обучение.

Она сказала «нам», имея в виду «их», вышестоящих, однако в комнате кроме Рубашова и нее никого не было. Если ты говоришь «нам», подразумеваемая компания, то это делает тебя преданной общему делу и снимает некоторую ответственность. Книга приобретает нуарный оттенок.

– Я люблю наручные часы. Раз люблю, то испытываю интерес. А когда испытываю интерес, то быстро узнаю.

– Другими словами, недолго.

– Да, я так и сказал другими словами.

– Хорошо. Вы сможете продать мне свои часы?

– Они не продаются.

– Да нет, я не серьезно. Представьте, что вы работаете в одном из наших магазинов, а я – покупатель. Ваша задача продать мне часы.

Рубашова непроизвольно сморщил лоб.

– Я смотрю, вы так удивились... Неужели вам никогда не приходилось этого делать на собеседованиях?

– Напротив, мне часто приходилось удивляться на собеседованиях.

Она не успела что-либо сказать, как Рубашов стал оправдываться.

– Я шучу. Я так не смогу продать вам часы. Я могу спросить у вас, который час. Но у вас уже есть часы, женские, подороже моих.

– То есть, если к вам магазин придет покупатель, вы ничего не сделаете?

– Я поздороваюсь и скажу, что если у него появятся вопросы, я с радостью на них отвечу.

– И все? Политика нашей компании заключается в превосходном обслуживании покупателя. И покупатель не может выйти без покупки. На каждый магазин составляется определенный план.

– Я не согласен с вами. План, каким бы он ни был, зависит не только от продавца.

– Если вы не согласны, то я не думаю, что в таком случае мы подходим друг другу.

– Во-первых, это часы. В ваших магазинах стоимость часов начинается от десяти тысяч рублей. Как ни крути, это приличная сумма денег. И часы по такой цене не могут быть импульсивной покупкой. Тем более, многое зависит от покупателей. Как они выглядят, как одеты, как ходят и смотрят. Я сам часто захожу в салоны часов, но никогда там ничего не покупал. И еще имеет значение месторасположения магазина. Даже погода и курс доллара имеют значения.

– И вы так запросто можете определить, кто купит, а кто нет и когда?

– Я не Шерлок Холмс. Магазин ваш находится в огромном торговом центре, так?

– Да.

– По своему опыту я знаю, что огромное количество человек просто так гуляют по этим центрам. У них другая походка, другая одежда. Есть люди, которым, как и мне, просто нравятся часы. Есть люди, которые выбирают подарок, есть люди, которые прицениваются. Единственный способ заставить кого-либо что-то купить наверняка, так это угрожать ему заряженным пистолетом. Но, поскольку это незаконно, я могу лишь склонить покупателя к бо-

лее дорогим часам (и то здесь есть исключения) или повлиять на него определенным образом, чтобы он в будущем совершил покупку именно в этом магазине.

– И как повлиять?

– Зависит от покупателя. Некоторые любят шутки, некоторые наоборот...

– И это вы тоже определяете по внешнему виду?

– Конечно. Я не смогу сказать только по фотографии, купит ли этот человек часы или нет. Тут все важно, я уже говорил.

– Ну ладно, хорошо. Такой еще вопрос. Предположим, вы вышли на работу. Ваш первый рабочий день. Что вы будете делать?

Смотреть на покупателей и продавцов.

– Прямо весь день?

– Раз это первый день, то я буду работать в паре с кем-то. Стало быть, мне не нужно сразу изучать весь ассортимент. Я буду смотреть, как работает второй продавец и что спрашивают покупатели, и какие они.

– Зачем?

– Если большинство покупателей не случайные, которые просто так смотрят на часы, а интересуются и задают вопросы, то я должен узнать все ответы. Чтобы правильно консультировать. Если все ходят просто так, тогда я смогу заняться изучением ассортимента, не вдаваясь в конкретику и так далее.

– Хорошо, я поняла вас. У вас есть ко мне вопросы?

– Когда я смогу поговорить непосредственно с директором?

Она растерялась.

– Он сейчас в отпуске...

– Сейчас же самый сезон продаж, – перебивает Рубашов.

– По семейным причинам. Давайте мы так сделаем: я вам позвоню.

– Когда именно?

Кому: Рубашов

От кого: Глеткин

Тема: Рассказ

Уважаемый Рубашов!

Простите, что я так долго не отвечал. Из-за работы и переезда я только сейчас смог добраться до вашего рассказа «Мы вам позвоним», отправленного мне, напоминаю, следом за романом. Надеюсь, что вы на меня не сердитесь.

Как я уже говорил, я только сейчас смог спокойно и вдумчиво (чего, определенно, требует ваше творчество) прочитать рассказ. Могу

сравнить его только с романом, так как рассказами вы не балуете.

По всей видимости, малая проза получается у вас, на мой взгляд, хуже большой. В середине вашего рассказа – литература, а по бокам – писанина. Я считаю, что выбранная вами тема из-за обилия диалогов больше заслуживает формы пьесы. Вы как автор не можете до конца раскрыться. Чего вы боитесь? Образ работодателя также не раскрыт, а третьестепенные персонажи так и вовсе кажутся картонными, как фон. Смысл рассказа, что ни работодатель, ни соискатель одинаково не знают, чего хотят, и без внутреннего монолога главного героя очевиден.

Я уже говорил вам про роман и повторяю сейчас и про рассказ: для творчества вы используете только свои впечатления от события или предметы. Но этого, увы, недостаточно. Необходимы еще и знания самого предмета, или сам предмет. А то вы пишете в каком-то платоновском смысле. Не бойтесь, вот мой вам совет, использовать сам предмет, а не только мысль о нем. Берите больше из жизни, не бойтесь раскрыться. Все равно до конца никому не будет известно точно, что было, а что нет. Вы правильно сказали, искусство не терпит лжи, так и не лгите.

P.S.

Завтра я обязательно найду что-то лишнее в своих словах, но сейчас прошу вас не сердиться. И не обижаться на мое долгое молчание.

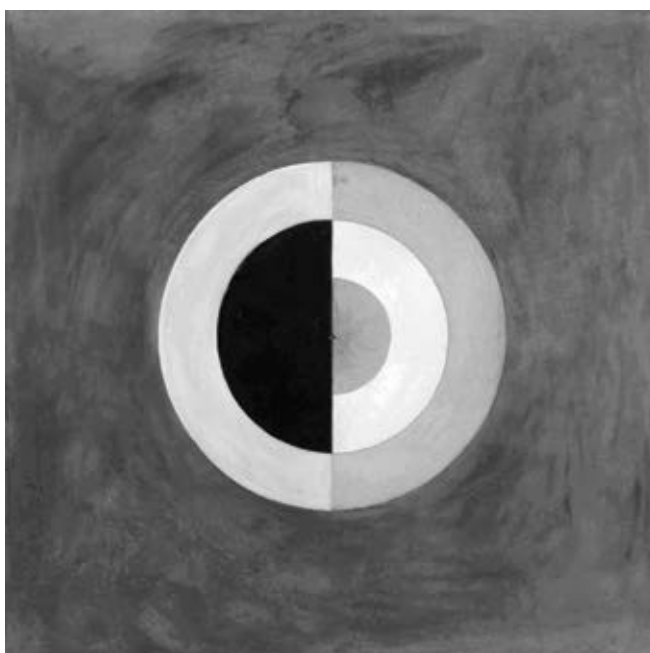
С нетерпением жду от вас новых произведений.

«Сукина сынка этот Глеткин», – думает Рубашов. Своими замечаниями так широко открывает ему глаза, что глаза на лоб лезут от замечаний. Совсем спать не дает.

Но Рубашова больше интересуют не критические замечания, а отношение к неоконченному произведению, принадлежащему твоему знакомому. Если книга не напечатана или песню не ставят в радиоэфире, все хотят внести свою лепту. И Рубашов иногда попадался на наживку. Приходил поручик, рассказывал про свою песню, давал послушать, и Рубашов с Арловой кружили вокруг музыканта с вопросами и предложениями: я бы сделал так, а я бы этак. Но если книга издана, отношение к ней меняется. А если автор иностранец и, желательно, уже скончался, то критика переходит в восхищение. Если смерть и может что-то изменить, так это отношение к жизни почившего. Рубашов назвал бы этот феномен «синдром Ван Гога». И объясняет. Предположим, начинает Рубашов, среди знакомых есть художник. Он пишет картины, весьма странные, только и говорит о живописи. Но ни одной картины так и не продал. Сначала к нему относятся как к творческому человеку, не более. Затем, когда его творчество начинает конфликтовать с социумом, с определенными социальными устоями, отношение к нему меняется. Предположим, он не зарабатывает денег, вызывая себе себя ведет, живет в долг и так далее. Многие покрутят у виска и открястятся от него. Другие будут советовать художнику остепениться, бросить живопись, задуматься о своем будущем. Постараются намекнуть ему или скажут откровенно, что его картины не про-

даются и никому не нужны, что он воображает свою гениальность. За его спиной шепчутся: посмотрите на него, ни гроша не заработал, тоже мне художник. Знакомый художник не выдерживает. Ему и так несладко живется в мире, который его не принимает и не понимает, а только осуждает и смеется, его одолевают страсть, сомнения, боль и безумие. Он не может полностью отдаться живописи, но и не может ее бросить. Он не находит себе места, и поэтому, услышав последний крик свободной воли, кончает жизнь самоубийством – стреляет себе в сердце под яблоней. И вдруг, после его смерти, продается его картина. Затем вторая и третья. Открываются персональные выставки, стоимость его картин подскакивает до небес. Его живопись обсуждают, признают, говорят, что она гениальна и так далее. И те люди, которые при его жизни отреклись от него и поносили последними словами, кардинально меняют свое отношение. Под давлением мирового признания, они теперь говорят, что он страдал и был гением, его не понимали и вообще, ему туго пришлось... По принципу «хорошо там, где нас нет». Но есть исключения. Почти всегда есть исключения. Не каждый самоубийца гений, не каждый художник Ван Гог. О чем говорит проданная картина и персональная выставка? О чем молчат пластиковые лебеди?

(Окончание следует.)

Hilma af Klint; "The Swan", 1915.

Родился в 1985 году в Смоленске. Закончил Смоленский государственный институт искусств. Работает сотрудником Отдела искусств Смоленской областной юношеской библиотеки.

Печатался в журналах «Слово / Word», «Юность», «Нева», «Новая реальность», «Журнале Поэтов», «Микролитъ», в газете «День литературы», альманахе «Ликбез».

Лауреат Премии имени Анны Ахматовой (2011), призер Международного конкурса поэзии хайку на русском языке (2014), лауреат Литературной премии партии «Справедливая Россия» (2015).

Александр Добровольский *Aleksandr Dobrovolskij*

Книга

стоит на полке

книга

и греет душу

словно куколка

слепого Борхеса.

обнаружена

отопительная система

таких вот

закрытых окон –

то радость сквозняка

над бдением очага

есть страница:

волна огневая

притаилась за шторой

скрипка знает где?

греет душу

радиация книги

лучевая

сквозь веки

болезнь нервов

книга

святое время

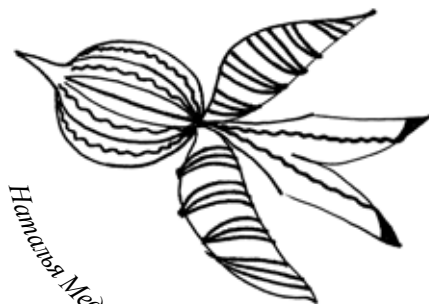
комната излучает хозяина.

Стул

Вещи – большее,
нежели мы позволяем
себе о них думать.
Ломая и выбрасывая
горы предметов,
мы тем не менее
доверяем вещам больше,
чем природе и памяти,
верим в них
как в надежное
наше вместилище.
Я сижу на стуле,
подаренном бабушкой,
она сказала тогда:
«Когда меня не станет,
будешь на нем сидеть
и меня вспоминать».
Должно быть, потому
что вещи служат действию,
как и сам человек.
Стул заботой скрипит.
За спиной – стоит бабушка,
как на подоконнике цветы,
и учится жить.

Птица

Через увеличительное стекло
духа
я смотрю
как два слова,
произнесенные человеком
от всего сердца
равносильны возжиганию
новой звезды –
человек всем своим существом
фокусирует весь огонь
космоса на этой крупинке, –
и она,
как магнит,
прилипает к огню.
Так пространство –
это женская тайна –
выбирает мгновения,
пренебрегая временем.
Третье слово не важно.
Не погасишь звезду.
Не закроешь собой.
Только бьется стекло...
Бутон.

Наталья Медведева: «Птица».

Синий цветок

Цветок небесной красоты
вмещает все созвучия земные
бескрайние, мы в будущее метим
жемчужины храним
проходят волны
и оставляют
письмена на них
все об одном
единственном цветке
которым мы цветом
не угасая
он питается нашей жаждой.

Лучи

Вмещая сердцем солнце
пичужка вторила лучам
и повторялась в даль
где солнца красные пылали
над домами
на ветке
люди обнимают людей
солнце
пылает в ней
под перьями
пестрые дороги пестрые
костер ложится
на людей
и повторяет дома
а лучи
высекают звезду.

Иллюстрация автора: «Облака».

* * *

клочок желтого ветра
о чем-то вздыхает
дыша в уголек фитиля
держа оконце круглое
в мир света
как сферу
по которой
сон скользит
а мысль исчезает
в самой яркой точке
уже за гранью
становясь прозрачной
лишь клочок желтого ветра
о чем-то спорит
держа уголек фитиля
пока корабли отплывают
воск
кажется телом
и телом – планета Земля
свечами населена
так встретим утро.

Пиксели души

Ребенок детство надувал
своим пространством
светясь скелетами реклам
туда вплывали рыбы
их надпись означала: «Будь...»
их чешуя
сопровождала время
не более того
«Переключи канал!» –
гремело в каждой:
телевизор показывал
но – в невинных глазах –
все плыло
и рыбы
менялись местом с берегами...
Ребенок смел поднять
факел
и рисовать на сером.

Больше ничего не было.
Диван был тем
чем Небо за ним старалось.

* * *

великое доверие
есть в воздухе безгласном
в полях, что снегом
безначально высоки
и в первых следах
возле дома
лучащихся от мороза
и вздыхающих робко
по каждой планете
по каждой звезде
вокруг каждой елки
доверие
слезинки на щеке
и родинки кровинка
у ребенка
так просто – ожидание улыбки.

Новогодний елочный шар

Ты проникнешь меня,
я знаю,
образ ангела,
на паутинке
подвешенный.

Я опять
о стекло
режу руки,
увидев в нем
сквозь тебя
огнецветье.

Иллюстрация автора: «Ангел слуха».

Прозаик, публицист. Автор книги прозы «Я хочу, чтобы вы были здесь» (2015), публиковался в различных литературных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах Воронежа, Калининграда, Саратова. Дипломант и шорт-листер международных литературных конкурсов в номинациях «Эссе» и «Проза»: тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015), «Славянская лира» (Беларусь, 2015, 2016), фестиваля «Русский Гофман» (2016, третья премия) и др. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Александр Бунеев *Aleksandr Buneev*

Никогда не ходите в музей

На церемонию открытия музея Советского прошлого съезжались и сходились многочисленные гости. Наконец, приехал губернатор.

Под музей отдали весь первый этаж жилого дома, так что удалось сделать комнаты с обстановкой 60-х, комнату смеха, буфет с антуражем гастронома 50-х, а также кабинет секретаря обкома 30-х годов. Собственно, сам губернатор помог в оформлении этого кабинета, дав разрешение музейщикам покопаться в подвалах здания администрации. Там оказались столы, покрытые зеленым сукном, настольные лампы с мраморными подставками, чернильные приборы и прочее. Сейчас все это стояло на своих местах и так напоминало планировкой кабинет губернатора, что тот почувствовал невольное желание занять место в кожаном полукресле. Желание не осталось незамеченным, и директор музея пригласил губернатора сесть.

Фоторепортеры защелкали аппаратами, телевизионщики включили камеры, чиновники зааплодировали, умиленно улыбаясь.

- Как себя чувствуете, Василий Игнатьевич? – спросил директор музея.
- Неплохо, – уклончиво произнес губернатор. – Правда, странно как-то...
- А что странного?

Губернатор не ответил. Странность заключалась в том, что его посетило не совсем понятное ощущение тоски и безысходности. Он представил себе

зарплату секретаря обкома, пайки и распределители, отдых в Крыму и персональную машину, казенную дачу, на веранде которой секретарь в полосатой пижаме пил вечером чай и отмахивался от тонко зудящих комаров. На деревянном столе нежно мерцал в электрическом свете графинчик водки. В наступившей осенней темноте глухо раздавался голос кукушки, очень похожий на человеческий, словно на толстой сосновой ветке сидел кто-то и куковал, отсчитывая секретарю годы его жизни.

Губернатору стало неудобно и даже страшновато. Он вдруг осознал, что уже довольно долго сидит молча, сцепив пальцы в замок. Он слегка улыбнулся, поднял голову и взялся за тяжелую эбонитовую трубку телефонного аппарата, стоявшего на столе.

– Подлинный аппарат тридцатых годов, – сказал директор. – Прямой. По нему секретарь говорил с Кремлем. Вернее, наоборот, Кремль с секретарем.

Губернатор поднес трубку к уху. Операторы продолжали снимать, а фотографы выбирали самые интересные ракурсы. Губернатор хотел уже положить трубку на рычаг, но внезапно в ней раздался треск и гортанный усталый голос негромко, но четко произнес:

– Сталин слушает.

– Что? – переспросил губернатор.

– Сталин слушает, – повторил голос. – Кто у телефона?

– Это что у вас тут за шоу? – спросил губернатор у директора музея, слегка отодвигая трубку от уха. – Кто со мной разговаривает?

Тот непонимающе развел руками:

– Телефон не подключен, Василий Игнатьевич.

– Говорите, ну! – раздалось в трубке.

Губернатор пожал плечами. Связь внезапно оборвалась. Губернатор, чуть резче, чем надо, положил трубку и встал из-за стола. В это время телефон зазвонил непривычными, резкими короткими гудками. Василий Игнатьевич вопрошающе посмотрел на директора музея. Директор снял трубку и раздраженно произнес:

– Алло! Кто это?

– Кто сейчас звонил товарищу Сталину? – послышалось на том конце провода. Голос был лишен интонаций, будто с директором говорил автоответчик.

– Василий Игнатьевич звонил, – медленно произнес директор.

– Кто такой Василий Игнатьевич?

– Губернатор...

– Будьте на месте. Сейчас к вам приедут.

Губернатор двинулся к выходу. Свита пошла за ним. Водитель черного «Мерседеса» у входа завел мотор, но губернатор решил пойти пешком. Он

шел, слушал, о чем говорит ему руководитель департамента культуры, кивал головой и смотрел по сторонам. О глупом недоразумении в музее он почти забыл, но, тем не менее, какая-то неясная мысль, а скорее, не мысль, а чувство, не давало покоя.

Приход осени в город был незаметен. Стояла летняя погода, и казалось, что это ласковое тепло было и будет вечным. Рабочие, вешающие транспарант на стену здания, сняли спецовки, оставшись в клетчатых рубашках. Василий Игнатьевич никак не мог прочитать всю фразу на транспаранте целиком, ее то и дело заслоняли прохожие. Отдельные слова: «да здравствует», «великая», «Россия», «СССР», «единая», «революция», – то появлялись, то исчезали, словно узоры в калейдоскопе. Каждый из них отличался от другого, но их чередование все равно оставляло ощущение чего-то целого и неизменного. Наконец, выскочило, как в игровом автомате, белое на красном «20», но Василий Игнатьевич уже не смотрел в ту сторону.

Сегодня губернатору предстояло провести еще две встречи: с представителями бизнеса и депутатами. На этом пятница заканчивалась. Ему хотелось поскорее выехать из города, посмотреть на сжатые поля, на валки соломы, увидеть, как надвигается на него темно-зеленый, густой монолитный хвойный лес. Хотелось бросить взгляд на закат над речкой, дожидаться вечера, ощутить на лице воздух, холодеющий с наступлением сумерек.

Оба совещания прошли на удивление быстро, как всегда согласованно и спокойно. «Дело в том, что они никогда не спорят. Мне давно никто ничего не доказывал, а если и доказывал, то только мою правоту», – как-то устало подумал губернатор. Мысль о доказательствах почему-то показалась ему неприятной и даже пугающей.

Кабинет опустел. По радио запели песню: «Виновата ли я? Виновата ли я?..» – «А кто виноват, я, что ли? – подумал губернатор. – А может, виноват? Нет, не виноват. Если виноват я, то виноваты все. Только так и никак иначе. Вот только как же Петров в прошлом году? Виноваты все, а им пришлось пожертвовать. Что же, он за всех отвечает? Ну да, выходит так. Общее дело важнее всего. За общее дело можно и поодиночке отвечать». Он выключил радио, взял из шкафа легкое коверкотовое пальто и вышел.

По дороге на дачу Василий Игнатьевич так глубоко задумался об общем деле, что забыл посмотреть и на поля, и на валки скошенной соломы, и на лес. Приехав, он рассказал жене о случае в музее, но та выслушала его невнимательно и стала приставать с какими-то домашними делами. Василий Игнатьевич рассеянно слушал и думал, стоит ли поведать жене о своем сегодняшнем сне, но, поразмыслив, рассказывать не стал.

Во сне жена сказала ему: «Сходи-ка, Василий Игнатьевич, под железнодорожный мост, углубись в лес, найди цветы и принеси мне букет». И Василий Игнатьевич пошел, хотя знал, что никакого леса под мостом нет и цветы там никогда не росли. Спустившись под мост и почему-то не обнаружив там железнодорожной колеи, он стал пробираться, утопая в грязи, между ветхими серыми заборами, открывать скрипучие покосившиеся калитки и, наконец,

в мертвом палисаднике, к своему удивлению, обнаружил лиловые цветы совершенно неизвестного ему вида. Они были поникшими, неживыми и грязными. Здесь царило полное безлюдье, клубился полумрак, но не вечерний или утренний, а вечный, какой бывает только во сне. Василий Игнатьевич нарвал букет и пошел домой, неся цветы, как знамя на демонстрации. Прохожие хвалили букет, и жена осталась довольна.

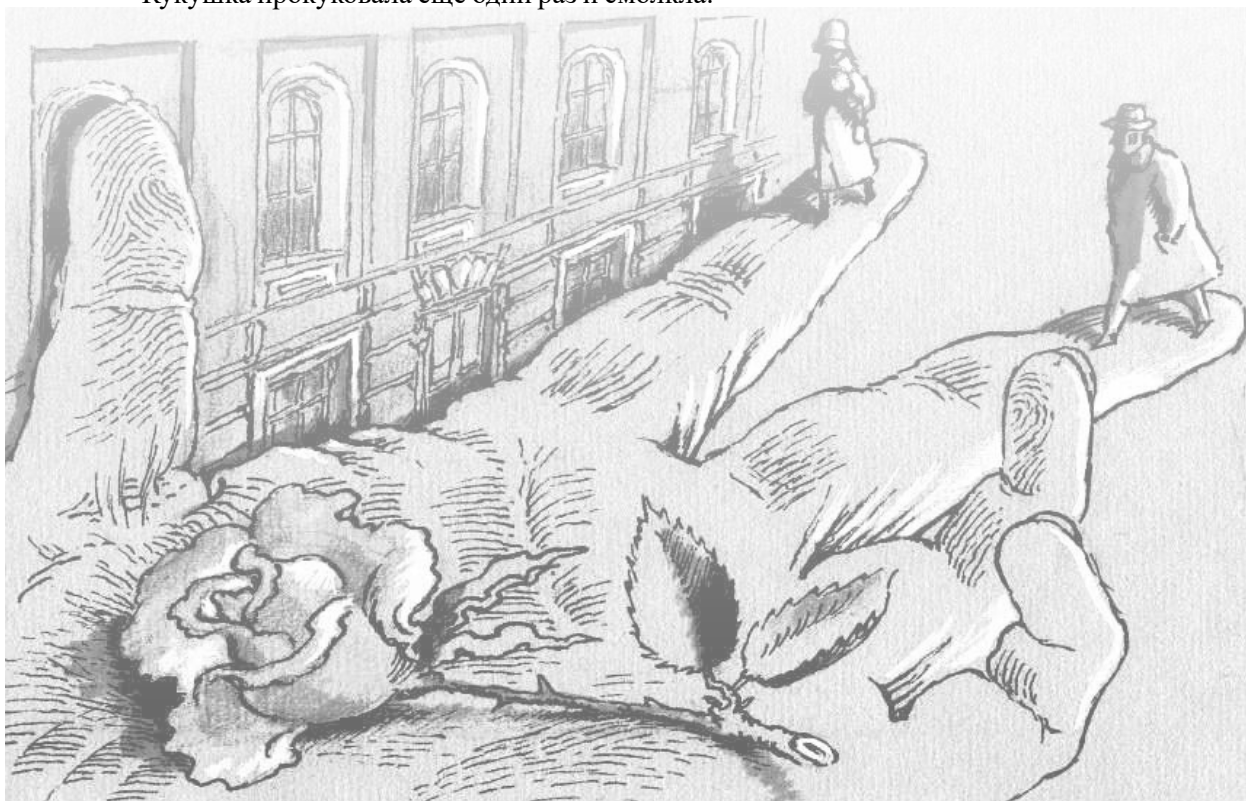
– Ах, какой запах! – сказала она, зарывшись лицом в грязные мертвые цветы, а потом поставила букет в большую хрустальную вазу. На этом сон кончился.

Василий Игнатьевич переделся в спальне в пижаму и вышел на застекленную веранду. На столе стоял графинчик с водкой, бутылка «Нарзана» и легкая закуска, предвещающая ужин. Губернатор налил рюмку, выпил, закурил. На сад опускались сумерки, тонко зудел комар. Глухо закуковала кукушка. Он выпил еще одну рюмку и внезапно почувствовал какое-то простое беспричинное счастье. Все неясные мысли и ощущения ушли, остался только тихий вечер и плывущие из сада прохладные волны сентябрьского воздуха.

На веранду вдруг ворвалась жена и с маху села на стул, прижав сжатые в кулаки руки ко рту. Она принесла с собой запах духов «Красная Москва», которые Василий Игнатьевич не переносил. Он вопросительно и раздраженно посмотрел на нее.

– Вася! – тонко завывла она. – И зачем ты только в этот музей ходил? Зачем?

Василий Игнатьевич привстал и посмотрел в открытое окно веранды. С той стороны низенького штакетника стояли две машины – черный «ворон» и неприметная «Победа», а по тропинке к даче шли двое в штатском и один в форме, синий цвет которой казался в наступивших сумерках черным. Кукушка прокуковала еще один раз и смолкла.

День Кольцова, поэта и гражданина

Алексей Васильевич Кольцов брел по улице медленно, опустив голову и глядя в землю. Надо было бы быстрее, время торопило, но чувствовал он себя плохо, ноги тяжелели, дыхание прерывалось. А по сторонам смотреть он уже не мог, так надоели ему привычные до тошноты дома, лица, вывески магазинов и тракторов с глупыми нарисованными китайцами, рыбами, раками и хомутами. На земле тоже было нехорошо: грязно, замусорено, заплывано. Но все ж таки земля: травка, проросшая сквозь булыжники мостовой, прозрачная лужица, в которую ударяли капли дождя, позеленевшая, орлом вверх, копейка. А в небе и того не было.

Впрочем, все эти мелочи он отмечал машинально, думая о другом. Мысли были беспорядочные, рваные, как тучи при сильном ветре над ковыльным полем, когда и в небе Бог знает что, и на земле черт знает как. С утра преследовал колокольный звон, сейчас навалилась тишина, ползущая из запущенных воронежских садов. А в тишине – только шуршание дождя и мысли о смерти Станкевича, ссылке Кареева, предательстве сестры и ненависти со стороны отца. Но эти мысли проходили боком, стороной, а главным была не мысль даже, а чувство одиночества, острое, как никогда. Варя сегодня утром отказалась от его предложения руки и сердца. Плакала, называла себя погибшей женщиной, кричала, что погубит и его. Может, и вправду погубила бы. А может, уже погубила. Весь город смеется, осуждает, пальцем показывает, травит. А Варя уезжает. Говорит, что гувернанткой к помещику в Елец. Он ушел от нее в слезах, а она осталась ждать ямщика. Вот Алексей Васильевич и брел к Московской заставе, чтобы увидеть ямщицкую тройку. А что дальше будет – неизвестно. Махнет ли она рукой на прощанье, упадет ли он посреди тракта под копыта лошадей, уйдет ли в поле, чтобы умереть там под кустом ракиты.

Вот только медленно он шел. И хоть глядел в землю, а не видел, что под ногами, и вступил в моток ржавой проволоки, попался, как в капкан, запутался. Дернул раз, другой – не отпускает. Приглядевшись, Алексей Васильевич увидел, что проволока обмотана одним концом вокруг пня от свежеспиленной липы. Он присел на пенек и начал распутывать грязные кольца, оставляющие на пальцах следы ржавчины. Распутал, хотел встать, но понял, что сильно устал – остался сидеть.

Прошел он сегодня много. Утром спустился к дому Вари и после рокового разговора с ней, разбитый, потерянный, не вытирая с лица слезы и дождевые капли, пересек Чернавскую, побрел по переулкам. Очутился на Мясницкой, где и зашел в первый попавшийся трактир. Выпил штоф, гриб маринованный съел, как всегда, не угадав с закуской. Не опьянел, только по всему телу выступила липкая испарина. Посмотрел, не воспринимая происходящего, на пьяную вялую драку, на застрявший в грязи по ободья воз, на крестный ход, движущийся к монастырю. Лица богомольцев были озарены усталой и привычной в своей несбыточности надеждой. Поднялся вверх, на Большую Дворянскую, с недавно поставленными, но уже разбитыми фо-

нарями, и, пересекая ее, едва увернулся от бешеной тройки, спасибо кнутом не огрели. Навстречу ему шли лоточники. Мужик торговал с лотка рыбой, а баба луком. Кольцов мельком подумал: «А ведь запретили на Дворянской вразнос торговать. А все торгуют. Эх, Россия...»

Надо бы ему на Тулиновскую свернуть, там народу поменьше, но вот не свернул, а дошел до Старо-Московской. А там чиновник знакомый его остановил, потом врач, потом подрядчик. И все спрашивали о чем-то, советовали, сочувствовали. А в глазах – насмешка, удовольствие какое-то. Башкирцев ехал мимо, осадил тройку, крикнул:

- Куда собрался, Алексей Васильевич?
- К заставе, – ответил Кольцов, махнув рукой.
- Что ты там забыл?
- На поля хочу посмотреть.
- Какие поля! Тебе лечь надо, а ты пешком по дождю ходишь. Давно пора выезд приобрести. Царю был представлен, а скитаешься, извини, как босяк.
- Денег нет.
- Одолжу.
- Не надо, не хочу, – тихо пробормотал Кольцов.
- Ну, давай подброшу.
- Нет, спасибо тебе, не утруждайся, сам доберусь.
- Алексей Васильевич, царь-то что тебе сказал?
- Сказал: «Пиши, Кольцов!»
- Ну, вот! А это значит: давай, живи, Кольцов! А ты голову повесил! Поехали со мной, я песельников своих собрал. Погуляем!

Не хотел Алексей Васильевич говорить, делить горькую дорогу ни с кем, а уж тем более слушать песельников. Молчать хотел. Да и близко уже было. Так и дошел до Чугуновского кладбища. Миновал нищих, с их мольбами и причитаниями, едва отвязался от пьяного мужика, что-то оскорбительное прокричавшего ему вслед, и вдоль белой ограды, задворками, тропками в лопухах и мураве, петляя, побрел, угадывая направление, к заставе. Но вот запутался в проволоке и присел на пень.

За ветхими кривыми заборчиками медленно желтели сады, готовясь к осени. Полусгнившие яблоки прятались в траве. На подворье в луже лежала свинья, рядом телега вросла, видимо еще в прошлогоднюю грязь, да так и стояла, покрытая старой рогожей. Дождь моросил, и капли залетали за шиворот. «Как же это?» – путано думал Алексей Васильевич. – Странно. Я же с царем говорил, с князем Одоевским и Жуковским дружбу водил. Ведь наши чиновники уважать должны. Они же кивнуть боятся без соизволения начальства. А смотрят на меня волками. Что же? Зависть? Не похоже. Тут другое. Тут мне выбирать надо. А то Пушкин, Булгарин, Белинский, Греч,

Одоевский, Сребрянский... Какие разные люди. Как понять все это? К кому прибиться? Или вовсе ни к кому не надо? Ах, Станкевича жаль... Что, от встречи с царем отказаться надо было? А как отказаться? Нехорош наш город, темны люди... Жить, как они? Не могу. А по-другому не получается. Видно, умирать пора. Не зря болезнь пришла... И дела никак не идут, денег нет... Судьба такая? Нет, не судьба. Устройство наше российское, вот в чем беда... В Питер надо подаваться. Вот и Башкирцев денег обещал... А что я там делать буду? Одни меня считают благодарным мужиком, другие мужиком талантливым, а получается так и так – мужик. Как батюшка говорит – ни в тех, ни в сех... Да о чем это я?! Варя уехала! Как же я без нее? Какой без нее Петербург?! Она уехала, а я здесь остался... Бросила меня? Выходит, бросила. Кабы деньги были, все пошло по другому... А может, и не пошло бы. Силен русский Бог, ох как силен! И нет другого. Или есть?... Сяду я на пень да подумаю, как на свете жить одинокому...»

Алексей Васильевич горько усмехнулся и с трудом начал подниматься. Что-то не пускало. Он посмотрел и понял, что сел на липкое, на смолу, что ли, и приклеился сюртуком. Рванулся, потерял равновесие и упал боком в грязь. Отряхнулся, глубоко вздохнул и двинулся дальше. Мимо, тяжело дыша, пробежала стая бродячих собак, обдав мерзким запахом мокрой псины, облаяла на ходу, скользнув по нему наглыми желтыми глазами, и скрылась в зарослях.

Спустя некоторое время Кольцов вышел к тракту. В сумрачном воздухе ярко белели орленые столбы заставы. Он обогнул куст рябины на обочине, ежась от капели, падающих с веток. К заставе двигались обозы, кареты, возки. Примерно час Кольцов стоял за кустом, то и дело переступая, чтобы освободиться от грязи, которая засасывала ноги по щиколотки. Варя, видно, проехала уже. Он машинально сорвал гроздь краснеющей рябины и двинулся дальше, дрожа от озноба и тяжело дыша.

Сразу за заставой начинался железнодорожный мост. Справа желтело здание муниципальной больницы, к которому сзади примыкала тюрьма. Чуть дальше в дождевом мареве оплывали черно-золотые купола Благовещенского собора. Алексей решил пройти поверху, поскольку знал, что под мостом во время дождя было грязно. Машины обдавали брызгами, и ему приходилось прижиматься к чугунному парапету. Миновав мост, он перешел проезжую часть, дождавшись зеленого сигнала светофора: на этой стороне проспекта было спокойнее.

На неровно положенном, с выбоинами асфальте образовались глубокие лужи. Алексей не замечал их и вскоре почувствовал, что промочил ноги. Он шел мимо заброшенных заводов, миновал автовокзал и уперся в базарчик. Здесь торговали венками, искусственными цветами, с лотков – мясом, шерстяными носками и рукавицами.

– Натяжные потолки не желаете? Окна, двери? Оформление юридических документов, – закружились вокруг Алексея молодые люди и, не услышав ответа, бросились к другим прохожим.

Наконец он приблизился к Коминтерновскому кладбищу. Скамейка у входа была мокрая, но он сел, поскольку выбился из сил. Нищие спрятались под козырек церкви. Только один выставил под дождь розово-желтую культю ноги и смотрел, как капли скатываются по гладкой, словно лаковой, коже. Из ворот кладбища выскочили три собаки, оглядели окрестности, оценивая обстановку, и вернулись обратно, оглашая кладбищенскую аллею громким лаем. Рядом с Алексеем на скамейку упал пьяный мужик в мокрых широких бриджах и облепившей тело белой футболке, из-под которой выбился наружу большой крест, криво висящий на цепочке.

– Дай закурить, – обратился он к Алексею.

– Не курю я, – ответил Кольцов резко.

– Не куришь? А что ж ты тогда делаешь? Пьешь? Пойдем, выпьем!

Алексей поднялся и молча побрел прочь, сгибаясь от кашля.

– Куда, твою мать?! – заорал мужик.

Кольцов, не оборачиваясь, ускорил шаг. Фасады домов на Московском проспекте пестрели рекламными щитами, призывающими горожан строить бани, покупать квартиры, одежду, автомобили и продукты местных товаропроизводителей. Алексей шел и боковым зрением улавливал яркие, блестящие от дождя цветные пятна баннеров с чьими-то строгими лицами. Ему казалось, что они следят за ним.

Было шумно, людно и он свернул в арку пятиэтажного дома, решив пройти дальше сквозными дворами. Но здесь оказалось еще хуже: вода затопила тротуары у подъездов, а остальная часть прямоугольных дворов, заросших кривыми тощими вязами, была лишена асфальта. Здесь стояли автомобили, вросшие в грязь, а чуть дальше мокли старые сараи с тяжелыми амбарными замками. Алексей опять выбрался на Московский проспект. Вдали показалась огромная красная пирамида. До аэропорта было далеко. Он мог не успеть к самолету, на котором Варя улетала от него навсегда.

Алексей миновал памятник героям Отечественной войны и остановился, намереваясь дождаться транспорта, идущего в аэропорт, или, в крайнем случае, взять такси. В кроссовках хлюпала вода, пробирала дрожь. Алексей вспомнил, что врач велел ему сделать флюорограмму еще неделю назад. Он направился к ближайшему такси, но в это время рядом затормозила новая «Тойота». Водитель открыл правую дверь и крикнул:

– Привет, Василич! Далеко собрался?

Алексей обернулся. За рулем был Грабовский, давний знакомый, чиновник областной администрации.

– В аэропорт я, – ответил Кольцов

– Встречаешь кого?

– Да нет, хочу посмотреть, как самолеты взлетают. Давно не видел.

– Садись, я тоже в аэропорт.

Алексей сел спереди и долго не мог накинуть ремень безопасности: мешал кашель. Грабовский искоса оглядел его и заметил:

– Какие самолеты, Василич! Тебе в постель надо. А ты по дождю шляешься. Воспаление легких схватить хочешь?

Алексей промолчал, а Грабовский продолжал, внимательно следя за дорогой:

– Давно тебе машину пора купить. Не надоело безлошадным?

– Такси есть, – нехотя ответил Кольцов. – Да и пешком полезно ходить.

– Ну-ну... По тебе видно, какая польза... Это ж надо, с президентом встречался, а машины нет...

С правой стороны потянулись новые жилые комплексы и торговые центры. За последние годы все леса вдоль дороги вырубил под строительство, и дома пытались закрыть небо, но ничего не выходило: небо все равно было выше. Единственное, что у них получилось, так это придавить и уплотнить землю. Кое-где сиротливо мокли под дождем прутики саженцев, лишённые листьев. Машина аккуратно объехала крестный ход. Люди тесной группой шли по шоссе, сопровождаемые полицейскими автомобилями с мигалками. Лица их были сосредоточенными и отстраненными, как у марафонцев в начале дистанции.

– С другой стороны, – неожиданно сказал Грабовский, видимо, подводя итог каким-то своим размышлениям, – премия тебе перепала. И от местной власти что-то получил. Так?

– Дали кое-что...

– Говорят, в Москву хочешь перебираться?

– Не знаю.

– Слушай, а что тебе президент на приеме сказал?

– Да ничего особенного. Спасибо сказал.

– А ты ему?

– И я его поблагодарил.

– Это как пропуск в другую жизнь. Но вы, вроде, несколько минут говорили... О чем, интересно?

– О России, о чем же еще.

– Да, только о ней, матушке, все помыслы...

Грабовский посмотрел на часы и озабоченно бросил сам себе:

– Не опоздать бы...

– Куда ты так торопишься? – спросил Алексей.

– Жена с дочкой из Турции прилетает. Отдыхать их отправил, как только полеты возобновили.

– Что ж вы к басурманам-то?

– Привыкли, Василич. Ты-то собираешься отдохнуть после трудов праведных?

– Какие там у меня труды... В Италию хочу, но не знаю, получится ли.

– На море?

– Во Флоренцию.

Грабовский рассмеялся.

– Каждому свое. А мне ничего, кроме моря и хорошего отеля не надо. И, главное, чтобы обслуживание было на уровне. Работа у меня тяжелая, унижаться часто приходится, так что расслабиться необходимо. Вот пусть басурманы меня и обслуживают. Там я самим собой побыть могу. Соображаешь?

– Лети на Фиджи, – посоветовал Кольцов. – Там сервис еще лучше. Можно вообще свою внутреннюю сущность понять.

– Нет, Василич! Мне не сервис нужен, а обслуживание. Разные вещи. А свою внутреннюю сущность я и так знаю, только тебе о ней не скажу.

Грабовский свернул на стоянку перед аэропортом, и они торопливо пошли к приземистому зданию.

Алексей посмотрел на табло, поднялся на второй этаж и проводил взглядом поднимающийся в небо самолет. «Улетела Варя. Только хвостом самолет махнул на прощанье. Говорит, что из чёрлидинга ей одна дорога – в модельный бизнес... Один я, как перст. Бросила она меня? Обманула? Какая разница. Один. Раньше хоть привечали и там, и сям. Вот подлая натура человеческая, ходил же и к тем, и к этим. А ведь я везде чужой. Никому не нужен... Да, впрочем, никто сейчас никому не нужен, потому что сами себе не нужны. Помереть, что ли? Так помирать негде, так тошно, что и место для смерти не найду. Какая Москва? Потеряюсь я там... Интересно, президент посильнее царя будет? Или нет?»

Алексей завернул в буфет, взял водки. Выпил, закусил твердой старой конфетой. Почувствовав тошноту, вышел на свежий воздух и сел на скамейку. Наблюдал, как Грабовский, суетясь, усаживал в машину жену и дочку. Пассажиры катили по разбитому асфальту сумки на колесах, с шумом взлетела в темнеющее небо стая ворон. Покашлял, поднялся и почувствовал, что джинсы к чему-то прилипли. Скособочившись, поглядел: комок жевательной резинки тянулся за ним, как паутинка, потом лопнул, одна часть осталась на скамье, другая на джинсах.

К дому Алексей подходил вечером, в темноте. Медленно брел по улице, миновал губернаторский дом, окна которого были ярко освещены. Фонарь бросал свет на вывеску, висевшую на фасаде: «Пр. Революции – Ул. Б. Дво-

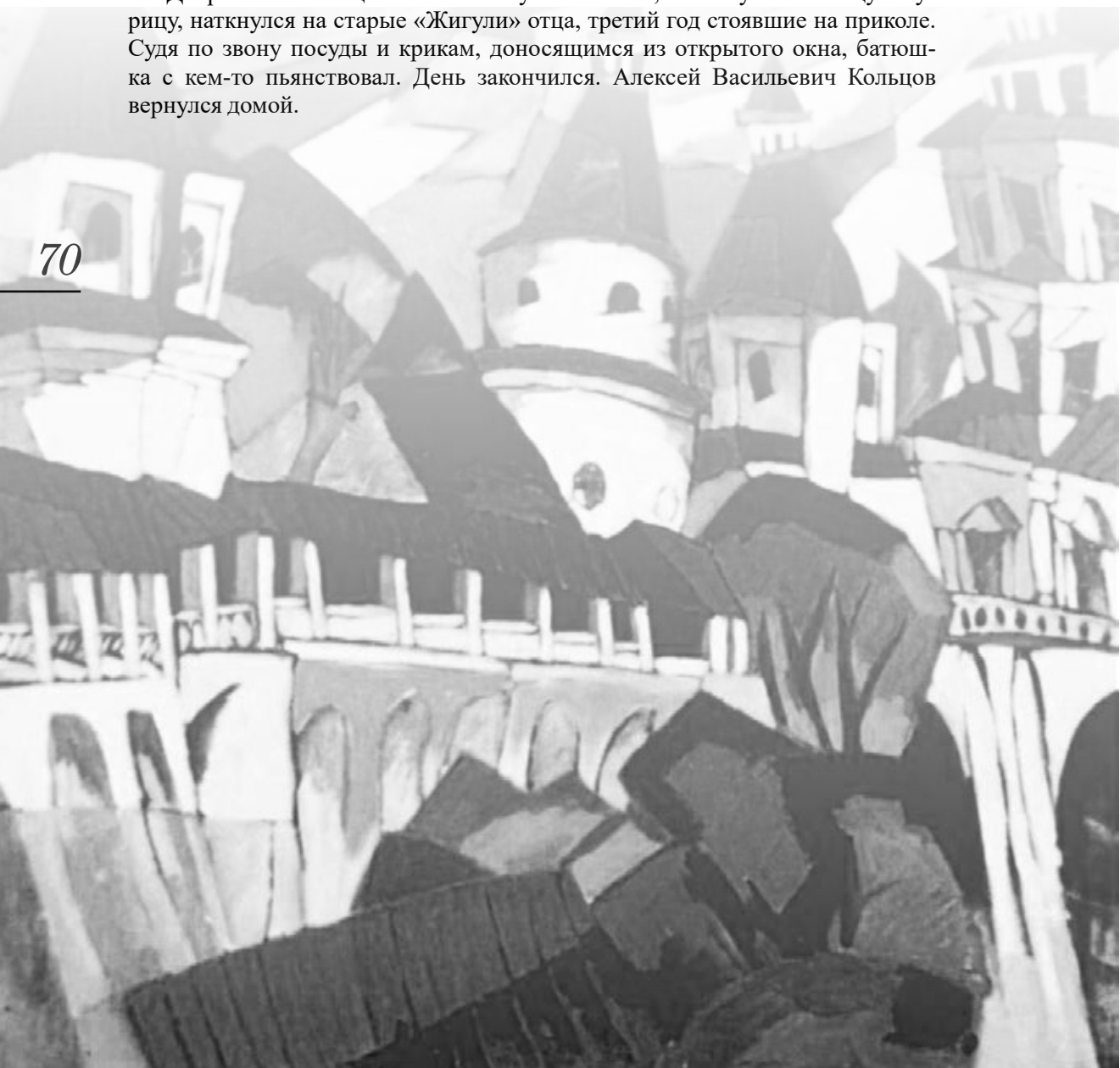
рянская». По булыжникам прогрохотала архиерейская карета. Две барышни в кринолинах прошли мимо и заглянули ему в глаза, улыбнувшись. Алексей пропустил в низкую арку двух байкеров на мотоциклах и шагнул вслед за ними. Бросил взгляд на вывеску ночного клуба, замедлил шаг.

– В «Зажигалку» я зайду и подумаю, как на свете жить одинокому, – пробормотал он себе под нос и направился к зарослям сирени, за которыми темнел забор.

Зазвонил мобильный телефон. Кольцов, не глядя, нажал кнопку сброса. Тишина надвинулась на него со всех сторон, только где-то вдалеке слышна была колотушка ночного сторожа. Волны прохлады наплывали на него из старого сада. Он просунул руку между досок забора и открыл калитку, запертую на щеколду изнутри.

Двор был неосвещен. Алексей ступил в навоз, споткнулся о спящую курицу, наткнулся на старые «Жигули» отца, третий год стоявшие на приколе. Судя по звону посуды и крикам, доносящимся из открытого окна, батюшка с кем-то пьянствовал. День закончился. Алексей Васильевич Кольцов вернулся домой.

А.В. Тенндров: «Деревня», 1916.

Поэт, литературный критик, издатель. Родился в Иван-городе Ленинградской области. В 1982 году окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор десяти книг стихов. С 2011 года – член Российского союза профессиональных литераторов. С 2012 года – член правления Европейского конгресса литераторов. Основатель литературного направления катарсизм и издатель одноименного альманаха. Награжден почетной грамотой правления Союза писателей России, дипломом российско-итальянской академии Феррони, дипломом Национального артистического комитета России. Член жюри международных литературных конкурсов.

Александр Раткевич

Aleksandr Ratkevich

Лирика Верлибра

Трехстишие

В зеленой воде плавают зеленые рыбы.

В синем небе летают синие птицы.

На солнечной земле живут солнечные люди.

Зеленый свет

Может быть, на заре или позже
люди все заболели войной:
и кочевники, и земледельцы...

Гасла заря, дымом стелясь,
а болезнь эта все не проходила –
резала, давила, жгла.

Там, за спиной, множились вирусы,
передавались легким взмахом рук.

Там их кормили до истощенья.

Красной луна подымалась,
а болезнь эта все не проходила.

Перепонки от шума лопнули,
ноздри от пыли сжались,
когда стрелы превратились в пули,
когда лук превратился в ружье.
Заколело, заломило в суставах,
словно высохла жидкость в них.

Вот один упал, вот другой...
и в даль
покатились зрачки, этой болезнью
раненые.

Ровно в двадцатом столетии
кто-то сказал: о чудо, Атом! –
бомба моя ненаглядная!

Дым заревой загорелся закатом
в безмолвии, в безветрии,
в безвременье.

Зеленой луна подымалась,
а болезнь эта все не проходила.

Время себя задернуло алым
покрывалом.

Небо атласное прогорело.
Небочко мое...

Тучи пропахли черным металлом.
Камни размякли от пепла.
Камешки мои...

Голоса птиц пожелтели.
Солнце покрылось сединами.
Солнечко мое...

Холод переделся в жару,
ходит без перчаток и без шапки,
ходит, блистая
нержавеющим телом,
ходит голый, как атом.

Остыла, остекленела луна,
а болезнь эта все не проходила.

Тот сильнее,
у кого острее кончик взгляда.

Тот слабее,
сквозь кого этот взгляд проходит,
как сквозь эфир.

Тогда разноцветные
звезды лопаются,
как надувные шарiki...

Если проснусь не вовремя, встану и
больше никогда не лягу,
значит мой сон был цветной.

Вот она, стекловидная,
прозрачная, как стекло,
течет по стеклянным сосудам
полустеклянная кровь.

Вот она – наша болезнь.
Без возраста, без имени, без...
Может быть, на заре –
или позже, или раньше.

Мир утопает в хаки-весне.
У мира набухли почки
без признаков болезни.

Так, издали, он светится
Зеленым светом.

Ночью

Ночью листья
взволнованных деревьев
говорят не о своем сне –
они сквозь монотонный
крик ветра
и сорванный скрип старых петель
настойчиво шепчут о всех людях,
убитых праведно и неправедно,
но их никто не слышит.

Сумрак

В расцвете губ, в ночной тревоге,
в глазах, от света искаженных,
в желанье лунном,
в тайном вздроге
уставших тел, доглы сожженных
в горячем пламени оргазма,
в абсурде нравственных оков,
как и в наивности сарказма –
безумье слов.

Днем

Шумит городок, как включенный двигатель;
пытаюсь вслушаться, определить неисправность,
но шум этот, словно буйного эха поток,
проносится мимо и за домами рушится.

Стою, словно каштан, намертво вросши в землю,
взгляды стряхиваю ловко с личин, как листья;
и думаю: улица эта – петли капкан –
беззвучно сдавит горло женщин и мужчин.

Я зорче, когда смотрю на других исподлобья,
все видимое тогда у меня в зрачках,
и все становится не поддающимся порче,
но шумы... но каштаны... но города.

Живет в Хельсинки с 1992 года. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии с 2000 года. Автор поэтического сборника «Я – везде, я – нигде», сборника стихов и рассказов «Лабиринт» (2014). Публикации: журнал «Иные берега Vieraat rannat» (Хельсинки), альманах «...На каменистых финских берегах» (Тампере), подписное издание «Личность и культура» (Санкт-Петербург), статьи об истории и значении православных икон, опубликованные в газетах «Katri», «Kirkko ja kaurinkki» на финском языке.

Наталья Мери

Natalia Meri

Сахар крови

В детстве Валюшка очень любила двигаться. Мама рассказывала, как однажды в городском парке на танцевальной площадке собралось много народа по случаю какого-то праздника: ждали местного начальника, который должен был открыть праздник своей речью. Начальник запаздывал, и чтобы люди не скучали, по радио начали транслировать веселую разухабистую песню. Трехлетняя Валюшка, лучась счастьем, вышла на середину площадки и, неожиданно даже для самой себя, закружилась в танце. Перебирая маленькими ножками и взмахивая ручками, она выделявала замысловатые па, идеально попадая в такт музыке. Пушистые белые кудряшки, пронизанные солнечным светом, разлетались, юбка легкого голубого платица с оборочками колыхалась, подобно лесному колокольчику. Валюшка, разгоряченная музыкой и все-

общим вниманием, выплясывала доселе невиданный танец, сочетавший в себе изысканные па балерины и экстатические движения африканского папуаса. Когда музыка закончилась, малышке бурно зааплодировали, а мама, громко смеясь очередной проделке непоседливой дочери, заключила ее в объятия.

Валюшка была маленькой, худенькой, но очень шустрой и подвижной. В то время дети проводили много времени во дворе, играя в казаков-разбойников, салочки и другие подвижные и интересные игры. Зимой пропадали целыми днями на катке, катались на санках с горы, играли в царя этой же го-

ры, строили снежные замки, благо что зимы были снежными. Вечерами, собравшись у кого-нибудь дома, играли в настольные игры, устраивали домашний театр. Любимым занятием детворы было проигрывание сценок из обожаемого всеми фильма «Обыкновенное чудо».

Жизнь во дворе была интересной. Особое наслаждение доставлял Валюшке бег, во время которого она представляла себя птицей: еще вот-вот — и взлетит! Каждая мышца ее худенького тельца пела от счастья. По ночам, во сне, Валюшка тоже летала. Она долго разбегалась, взмахивала руками, и наконец взлетала. Летела низко над землей, чувствуя вес своего тела. Просыпаясь, она ощущала тяжесть в руках, как будто она действительно промахала в ими всю ночь. Ночные полеты не казались ей чем-то нереальным, нужно только сильно разбежаться и тогда...

Валюшка с жадностью припадала к телевизору, когда транслировали балет или фигурное катание. Но больше всего на свете она любила танцевать! Она улавливала ритм музыки всем существом и была на седьмом небе от счастья, когда по у них дома отмечали праздники, которые всегда заканчивались танцами под магнитофон. Она выделяла такие кренделя, что мамыны гости заходились хохотом и хвалили девочку наперебой.

Несмотря на то, что Валюшка много бегала на свежем воздухе, ее бледность и худоба очень тревожили маму. У Валюшки был плохой аппетит: кроме фруктов, овощей, черного хлеба и конфет добровольно она есть ничего не хотела, и от этого у нее был низкий гемоглобин. Врач пытался объяснить Валюшке, что низкий иметь гемоглобин — это очень плохо, и для того чтобы он поднялся, нужно больше кушать. Но для Валюшки слово «гемоглобин» было абстрактным и ничего не значащим, и она отвергала мамыны борщи, каши, молочную вермишель и многое другое... Иногда ее от природы бледное личико приобретало фарфоровую белизну, что приводило маму в отчаяние. В те времена здоровый ребенок должен был быть пухленьким и румяным, а не напоминать мраморную статуэтку.

Однажды, изнуренная борьбой за повышение Валюшкиного веса мама, горестно вздохнув, произнесла заветные слова:

— Наверное, у Валюшки понижен сахар крови, очень уж она бледная.

Услышав это, Валюшка сжалась от страха, в ушах зазвенело. Сахар крови! Валюшка прекрасно знала, что такое сахар, и жить без него не могла. Неужели его в крови так мало? Потрясенная таким известием, Валюшка решила попробовать свою кровь на вкус. Вчера она умяла небольшой кулечек конфет, и кровь наверняка была еще сладкой. Валюшка содрала тонкую корочку с едва зажившей царапины на ноге, и на ее поверхности появилась маленькая капелька крови. Со священным трепетом Валюшка сняла пальцем эту капельку и лизнула языком...

Кровь была солоноватой! В ней не было ни грамма сахара!

У Валюшки от страха заныл живот. Она пошла на кухню, отрезала большой кусок белой булки, намазала ее шпротным паштетом и стала есть...

Прошло несколько лет, Валюшка пошла в школу, обрела новые увлечения, но любовь к движению у нее осталась. Она делала успехи в кружке легкой атлетики, особенно в беге с препятствиями и беге на длинные дистанции. Родители решили всерьез заняться спортивным воспитанием дочери, и благодаря папиным связям Валюшку удалось устроить на лето в спортивный лагерь «Бодрость», который был «гнездом, где пестуют будущих чемпионов...» В этом чудесном лагере подвижный ребенок будет, как в раю, рассудила мама. Там здоровое питание для спортсменов, тренировки утром и вечером и дискотека для детей, слышишь, Валюшка, настоящая дискотека! Да и сам лагерь стоит посреди девственного хвойного леса на берегу хотя и холодного, но наичистейшего озера! Там, Валюшка, ты сможешь бегать целыми днями! И каждый вечер ты будешь танцевать на настоящей дискотеке!

Валюшка не могла поверить своему счастью! Она тщательно упаковывала

Т.Н. Яблонская: «Утро», 1954.

сумку с одеждой. Синенькое и зеленое платьица для дискотеки, шорты, майки, купальник, хвойное мыло, земляничная зубная паста и духи «Белый ландыш».

Спортивный лагерь находился далеко за городом. Он состоял из десятка деревянных избушек, в каждой из которых будущих чемпионов селили по пятеро. В центре лагеря располагалась большая волейбольная площадка, неподалеку виднелось и здание столовой. Воздух был наполнен пьянящим ароматом нагретшейся под солнцем сосновой смолы... От нахлынувших новых впечатлений есть Валюшке совсем не хотелось. Вместо ужина она отправилась бродить по заросшему травой и цветами берегу озера с удивительно холодной водой...

Утром по радио громко заиграла музыка, и бодрый мужской голос скомандовал: «Подъем!» Легкая, как перышко, Валюшка схватила зубную щетку и пасту «Земляничная» и радостно побежала к умывальнику, который находился во дворе. К нему уже подтягивались дети из других избушек, некоторые еще сонные и недовольные, но в основном радостные и любопытные. После гигиенических процедур все направились в столовую, где, как говорили родители, их должны были кормить здоровой и полезной пищей, которая и полагается будущим спортсменам.

В тарелках лежала какая-то желтая масса с незнакомым Валюшке запахом. Потом она узнала, что это была самая полезная в мире просяная каша. Станный вкус каши, которая оказалась вдобавок склизкой и холодной, вызвал у Валюшки приступ тошноты. Она быстро выпила стакан слабо заваренного бледно-коричневого и, как и каша, холодного чая и, стараясь не смотреть на тарелку, прошмыгнула к выходу. С опаской оглянулась: вроде бы за ней никто не бежал... Значит, есть кашу заставлять не будут, с облегчением вздохнула она...

В девять часов началась утренняя трехчасовая тренировка. Она включала в себя бег на горку, бег с препятствиями, отжимания и приседания — и все в природных условиях! Валюшка очень любила лес, его запахи и звуки, но, оказалось, что там живут тучи оводов, желающих напиться кровушки детей, распаренных бегом и солнцем. К исходу третьего часа тренировок в Валюшкиных ушах зазвенело; «Наверное, опять этот проклятый сахар крови понизился, — с ужасом подумала она. — Теперь буду есть все, что угодно, лишь бы не слышать этого звона».

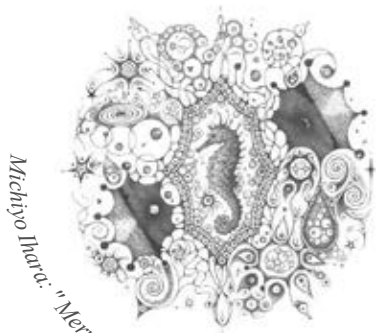
Однако, поданные на обед прозрачные щи из квашенной капусты Валюшка так и не смогла проглотить. Сдерживая рвотный рефлекс от кислого запаха, она старалась глубоко и редко дышать. Не улучшили настроения и поданные на второе синеватая вареная картошка с иссохшей, вероятно от жажды, килькой. Но тут впавшая в полусонное состояние Валюшка уловила знакомый, безумно вкусный запах. Так пах черный хлеб, стоящий на их столе. Валюшка, откусывая с жадностью большие ароматные куски, поняла, что она спасена — хлеба здесь было вдоволь.

После обязательного двухчасового отдыха началась вечерняя тренировка, которая ничем не отличалась от утренней. Бег, прыжки, бег с препятствиями, отжимания... К концу тренировки Валюшкины ноги отяжелели, плечи гудели, голова раскалывалась. На ужин она не пошла. Через два часа начнется дискотека, и тогда она наконец займется тем, что любит больше всего на свете: будет танцевать весь вечер, всю ночь, до утра!

Но, к своему удивлению, когда вечером с волейбольной площадки донеслись звуки зажигательной мелодии, от которой Валюшкина кровь всегда начинала бурлить, она почувствовала, что ее ноги и спина отяжелели настолько, что она не может сползти с кровати. Такого с Валюшкой еще не случалось: ей всегда казалось, что она может двигаться бесконечно, не испытывая усталости, ощущая лишь бесконечную радость движения. Ее охватило отчаяние от того, что она не в силах встать, нарядиться в воздушное платье салатного цвета, надушиться ландышевыми духами и упорхнуть туда, в вихрь музыки и, возможно, романтических приключений! Валюшка обвела комнату потемневшими от переживаний глазами, и они округлились от удивления: остальные четверо девочек тоже тихо лежали в своих кроватях, хотя на стуле у каждой висело нарядное платье. Наверное, в их крови тоже не хватало сахара. А на пустой волейбольной площадке весь вечер грохотала музыка, в такт которой в отсветах фонарей кружили ночные мотыльки...

Литератор из Харькова. Публикации в периодике и сети: «Сибирские Огни», «Знамя», «Крещатик», «Новая Реальность», «Ликбез», «Плавучий мост», «Южное Сияние», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Вокзал», «Белый ворон», «Артикль», «Семь искусств», «Этажи», «Приокские зори», «Textura.by», «Зарубежные Задворки», «Золотое руно», «Харьковский мост», «Подлинник» и др.

Мичуко Иваса: "Mermaid Dream", 2015.

Дмитрий Близнак
Dmitry Bliznjuk

Я вдохнул в тебя жизнь

* * *

Девушка в белом платье
на пароходе
аккуратно лушит арахис
и смотрит вдаль,
где широкая река
соприкасается с небом,
как прошлое и будущее,
как наган и кобура.
«Я нимфа. Я здесь живу», —
говорит ее молчание
на языке змеящихся волос,
с которыми играет мангуст ветра.
Мы плывем на теплоходе.
Она ест арахис, я курю,
и с востока скользят
оранжевые тонкие драконы
с пеликаньими мордами.
Мы их видим, я и она,
и мир исподволь
выздоровливает от человечества,
как от разумного СПИДа...
нет, это нам только кажется:
видение на краю реки и неба.

* * *

Наш дворик спит, будто каторжник:
в кандалах скамеек
подложил под бритую голову асфальта
трансформаторную будку, тихо гудящую —
бетонный улей с электрическими пчелами.
но мы не будем спать.
Ты мягко обнимаешь меня за шею,
щекочешь под подбородком.
Так бывает с влюбленными женщинами —
играет с неразорвавшимся снарядом,
щекочет кисточкой,
стучит кровавым ногтем по капсюлю.
В тусклом свете, пропущенном сквозь жалюзи,
ты превращаешься
в фиолетовую женщину-зебру
с бархатными полосками на бедрах, спине.

Еще один год вместе.
Мы проплыли затонувшую акру,
покрытую черными кораллами грачей
в голубом, огненно-рыжем небе парка,
отраженную в грандиозной луже.
И кленовые листья разбросаны под ногами,
как раздавленные крабы;
парк красиво чернеет, подгнившая желтизна
похожа вкусом и цветом
на печеные бананы в кожуре;
дрожат чертоги увядания — кроны каштанов —
как люстры при землетрясении в два балла.
Еще один год, еще один мельчайший стежок
сделала тонкая игла Вечности,
пришила нас ко времени-пространству вместе —
расплавленную пуговицу по форме сердца.

Но ей ничего не стоит нас оторвать.
Осень: текучая прозрачность листопада,
струи компьютерной программы,
и кажется, что можно рассмотреть того,
кто плячется на нас с другой стороны экрана,
пока нас не накрыли пышными снегами,
не заявили мумии, щедро обмотанные бинтами —
будто дети старались на уроках
по оказанию первой помощи, первой любви...
Но можно ли нашему миру помочь?

Еще один год, еще одна книга,
и в сердце — оседание красного наста...
все меньше шансов остаться,
но белка не хочет покидать колесо.
Я смотрю в окно. Отопление уже включили, тепло.
А ты застилаешь постель, идешь на кухню,
и время течет по спине, как вересковый мед,
и наши чувства медвежьи, косолапы,
и рябина-балерина разучивает новые па.
Еще один год, еще один шанс.
Шаг за шагом мы идем неизвестно куда,
неизвестно зачем, как в сказке...
Но что там, в тумане? — кто-то вырезает ножницами
из сложенного тетрадного листа
зубчатые снежинки —
громадные, как скатерти,
и клеит их к стеклу.
Готовится к гостям.

* * *

Я вдохнул в тебя жизнь —
в снежную женщину с зелеными глазами.
Ты чуть улыбнулась и сказала: «Привет!
Я побуду с тобой до весны?»
Я вдохнул в тебя с первым поцелуем
лучшую часть своего мира,
и опавшие листья
под первым снегом шуршали,
как деньги в конверте.
Мы шли по проспекту,
взявшись за руки,
шел мягкий пушистый снег...
кто-то записывал душу мира поверх нас,
как музыку, как узоры инея на стеклах.
Это наша зима.

82

Воздух покрывался
серебристыми чешуйками,
точно тритон
или солнце-желток,
вмерзший в льдину.
Можно было весь вечер
провести в твоих волосах —
в спальне или возле камина,
чтобы достать листик липы,
будто креветку,
застрявшую в водорослях.
Из окна нашей кухни —
вид заводского района:
обрубки труб,
шелковые выкидыши дыма,
будто пальцы полковника,
нажавшего красную кнопку.
И морозы, как немые псы
из канцелярских кнопок,
покусывают нас за руки, за ноги,
что-то пытаются нам сказать...
но мы не будем слушать их —
будем любить и ждать весны.

Fernand Léger: "Nude on a Red Background", 1927.

Поэт и художник. Родился в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета. С 2006 года живет в Финляндии. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор книги стихов «Русская тоска» (2003) и монографии «"Будут все как дети Божи...": Традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы"» (2011).

Алексей Ланцов
Aleksey Lantsov

О личной жизни в течение суток в 2014 году

Ночью внезапно включается поставленное на стоп «Эхо Москвы». В сетевизоре оживают Павловский, Демарский и Ларина. Павловский поправляет микрофон.

Снова ставлю на стоп и погружаюсь в сон.

«Ветер истории» то захлопнет, то распахнет «окно возможностей».

...Сутра у меня обычно Делягин, Демура, снова Павловский, ближе к обеду Ольшанский.

Делягин деловит, Демура смотрит на вещи – извините за рифму – хмуро.

В течение дня – Школа аналитики Фурсова, новые видео депутата Федорова.

Школа аналитики – это, понятно, далеко не весь Андрей Ильич, сфера его интересов – все, что носит приставку крипто- (криптоистория, криптоэкономика и т.д.). Знать полезно, но лично мне в этом немного тесно.

Ближе к вечеру Хазин (почти с той же темой, что и Делягин: нефть, девальвация, кризис).

Иногда радуют историк Игорь Фроянов и политолог Федор Лукьянов. Фроянов верит в теорию заговора, я тоже.

Из либералов в районе Морозов, Сванидзе, но никогда – Латынина и Усков (врага, конечно, надо уважать, но не до такой же степени).

Не упускаю проглотить очередную порцию дневника Е. Степанова.

Блоги Суховой, Д. Кузьмина и Кураева – куда же без них? – на второе.

Посты Прилепина, публицистика Быкова – десерт.

Тексты М. Шевченко, Холмогорова, Кашина – по мере поступления. То есть – часто.

В записке Максим Кантор (при большом интеллекте он не в моменте), на подступах Дугин и Лимонов. «Четвертая политическая теория» – для меня пока криптоистория.

В ночной тиши Катасонов и Глазьев (макрэкономика, Длинные волны Кондратьева – это не терпит суеты).

Краешком глаза, преодолевая усталость, на полпути к кровати, – Женя Отто (интересно, во-первых, что новенького у наших троцкистов, ну и во-вторых, надо же уравновесить русский национализм интернационализмом).

Изборский клуб, Виталий Аверьянов и «Русская доктрина» спорят во сне с «Гефтером», Чечель и Белковским, которого я накануне как раз не дослушал.

...А первый луч солнца уже крадется по голубоватым корешкам Чаадаева, бордовым Сталина и прячется в зеленоватых Достоевского.

И тут внезапно включается поставленное на стоп «Эхо Москвы».

2014

Екатерина Ивановна

С Андреем мы познакомились в монастырской келье.

Был он общительным, веселым; как я узнал позднее – с трудной судьбой (сейчас уже подробности стерлись), да вдобавок и бездомным. В монастыре нашел он стол и кров, ходил на послушания, на службы, а в свободное время валялся на койке. Оказалось, что мы из одного города – нашлись общие темы.

«Я учился в школе номер один, – как-то начал он. – Русский язык и литературу у нас вела Екатерина Ивановна Н.».

Андрей пустился в воспоминания, а я слушал его с удвоенным вниманием. Дело в том, что и меня она учила, только не в школе, а в университете (не помню – сказал я ему об этом или нет). То были годы для меня золотые. Вокруг бушевали лихие 90-е, а мы на филологическом факультете жили, ничего не замечая.

«Филология – это семья», – недаром сказано Мандельштамом. Такой единой семьей стал постепенно к четвертому году обучения и наш курс: случайные ушли, необходимые добавились. Тогда-то и появилась в нашей студенческой жизни Екатерина Ивановна.

Она была уже сильно на склоне лет. Все взятые ею вершины остались

позади, ее старшие товарищи и учителя – драгоценные собеседники и единомышленники – давно ушли, молодых коллег и учеников раскидало по жизни. В ее глазах была спокойная печаль человека, не имеющего уже никаких иллюзий. Не было у нее иллюзий и относительно нас. Знала: работать в школу мы, в большинстве своем, не пойдем, и предмет ее – методика преподавания русского языка – нам не нужен. Но преподавала серьезно и ответственно.

Андрей же застал Екатерину Ивановну в другие времена, лет за двадцать до этого. В школе номер один возилась она с ершистыми подростками, прививая им любовь к родной словесности. Не просто учила – воспитывала, делала людьми. Любила их, сорванцов, тем и покоряла. Интересно, что чувствовали ее отличники и двоечники, когда узнавали, что автор учебника, по которому они учатся, и их учительница – одно лицо?

«Екатерина Ивановна», – мечтательно говорил Андрей, и взгляд его теплел. Я привык к тому, что все его воспоминания о прошлом сводились в конце концов именно к ней. А еще он порой добавлял: «Вот бы навестить ее».

Прочная нить монастырского братства соединяла нас еще несколько лет после моего возвращения в «мир». Андрея тоже тянуло в «мир», но куда он – бездомный – мог вернуться? Изредка навещая родной город, ночевал он у немногих своих знакомых, останавливался и у меня. Помню, как, приняв душ, он с удовольствием вытягивался на кровати со свежим постельным бельем, всем существом вкушая прелесть домашнего, пусть и чужого, уюта. Был он по натуре не монастырским, как и я.

Помню, как однажды сидели мы на моей кухне, ели жареную картошку и беседовали. Андрей рассказывал о своей жизни в святой обители, припоминал разные случаи. Жизнь в монастыре благодатная, но трудная. Духовная брань – нельзя расслабляться. Но люди есть люди. И так иногда прижимали искушения и обстоятельства, что бежал Андрей, по его словам, со всех ног с криком: «Батюшка!» в келью к монастырскому духовнику, отцу схиигумену излить наболевшее... От «батюшки» выходил он успокоенный и утешенный и опять шел на свое послушание.

Андрей строил разные планы, очень хотел жениться, искал в городе работу. И как всегда, в его разговоре нет-нет да и всплывала «Екатерина Ивановна». Он-таки надеялся ее навестить и даже, кажется, кому-то звонил по этому поводу или собирался позвонить. Долгое время не удавалось Андрею зацепиться в «миру», и он раз за разом возвращался в обитель, где ждали его ежедневная молитва, послушания, искушения и лучившиеся добротой и любовью глаза старца-схиигумена.

Но усилия его не пропали даром: новые городские знакомые – люди церковные и сердечные – стали опекать горемыку. Андрей окончательно перебрался в город. У меня больше не появлялся. И в конце концов (как я узнал стороной) добился, чего хотел – женился и устроился на работу.

А что же Екатерина Ивановна?

В начале 2000-х, когда я нашел место в родном универе, она была жива и даже, кажется, еще преподавала. Но встретил я ее, по-моему, только однажды:

мы столкнулись в дверях университетской библиотеки. Я выходил, а она входила, тяжело опираясь на палку и даже чуть ли не поддерживаемая под руку молодой спутницей. Это была моя последняя встреча с нею.

До сих пор время от времени перелистываю тетрадь с ее лекциями. Увы, Екатерина Ивановна, я тоже не стал учителем. Из университета уволился. Поиски лучшей доли делают человека странником, беглецом, паломником. Мне приходилось бывать и тем, и другим, и третьим, пока не нашел я относительный покой очень далеко от родных мест. Но – парадокс – контуры прошлого, по мере отдаления от него, не размываются, а наоборот, становятся четче, определеннее, лица – живее. Екатерина Ивановна, Андрей, бабушка Иероним – больше я вас не потеряю.

Чья судьба оказалась ближе всего моей? Андрея.

Как-то осенью, тогда же, в начале 2000-х, встретил я его в церкви на вечерней службе. Он был с незнакомым мне парнем. «Ночую у него», – кивнул на спутника Андрей. Это значило, что снова нет у Андрея ни дома, ни семьи, да и работы, скорее всего, тоже. После службы мы неторопливо прошли по тихой темной улице, на остановке попрощались. Больше я Андрея не видел.

Удалось ли ему навестить нашу дорогую учительницу? Этого я не спросил, но обязательно спрошу, если только когда-нибудь неисповедимыми путями сойдемся мы – постаревшие, но по-прежнему неунывающие – в какой-нибудь точке нашей прекрасной земли. И тогда Андрей произнесет пароль, понятный только нам двоим: «Екатерина Ивановна». И, как тогда в монастыре, посмотрит вдаль потеплевшим, увлажнившимся взглядом.

2015

Родилась в 1937 году в Выборге. Во время Второй мировой войны семья Воробьевых переехала в Хельсинки. Окончила Гельсигфорский русский лицей, училась в Педагогическом институте в Москве и Ленинграде, а затем на филологическом факультете Хельсинкского университета, одновременно работая в Славянском отделе университетской библиотеки Хельсинки. В 1961 году присоединилась к католической церкви, в 1967 году уехала во Францию, где вступила в послушание в Католическом монастыре византийского обряда. С 1978 года живет в Израиле, в монастыре города Назарета, где в 1982 году приняла малую схиму под именем Параскевы.

Сестра Параскева
Nunna Paraskeva
(Вера Воробьева)
(Vera Vorobjova)

ОТ АВТОРА

Изначально текст, который можно назвать предвестником произведения, предлагаемого сейчас читателю, был написан десять лет назад на французском языке. Большинство сестер монастыря Католической церкви византийского обряда в Назарете, куда меня в конце семидесятых годов пригласили писать иконы для новой церкви, были француженками. Арабские священники старшего поколения в монастыре так же прекрасно говорили по-французски, поэтому, несмотря на то что мне пришлось учить арабский для участия в службах и общения с прихожанами, сложилось так, что со своим духовным отцом я беседовала по-французски, хотя он и был арабом. В этих беседах я рассказывала ему о своем детстве и юности, которые прошли в Финляндии, о жизни нашей русской семьи среди финского окружения. Мой духовный наставник заинтересовался этими рассказами, и тогда я, боясь что-то пропустить и позабыть, начала их записывать — на французском же языке. Потом эти записки прочла игуменья наше-

го монастыря, которая как-то сказала мне, что и другим людям полезно было бы на примере моей судьбы узнать о том, сколь разные пути ведут к Богу

Осенью 2016 года я отправила свои ранние стихи в литературно-художественный журнал «Иные берега Vieraat rannat». Главный редактор журнала, О.В. Пуссинен стихи мои к печати не взяла, но предложила мне написать воспоминания, и, разумеется, я вспомнила про свои французские

записки, мирно лежащие на полке. Я решила, что не будет ничего проще, чем перевести их на русский язык, но когда начала переводить, то поняла, что по-русски нужно писать совершенно иначе! Так появилась на свет эта повесть — «Перелетные птицы». Песня М. Блантера и М. Исаковского «Летят перелетные птицы» была очень популярна в русской диаспоре Финляндии 50-х годов: русские эмигранты вполне серьезно сравнивали себя с этими птицами, которые вернутся на Родину как только кончится зима, как только потеплеет.

Не нужно воспринимать это произведение как документальную биографию — это художественный текст, хотя, разумеется, за персонажами стоят реальные люди, некоторые из которых живы и здоровы. Возможно, для их детей и внуков будет интересно попытаться отыскать среди героев повествования свою бабушку или отца, но не это двигало мною: я хотела, чтобы в этой повести нашли отражение как мой собственный духовный путь (от детства — через юность — к взрослым годам), так и жизнь русской диаспоры Финляндии сорок, пятьдесят, шестьдесят лет назад, свидетельницей и участницей которой я была. Этими временами я хочу поделиться с о всеми читателями, где бы они ни жили, — в Финляндии, России, Германии, Америке, Канаде, Израиле... Для всех людей, интересующихся историей русскоязычных общин, написаны «Перелетные птицы».

Перелетные птицы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

88

Сегодня десятое апреля: у Настеньки день рождения. Ей исполнилось шесть лет. Мама испекла пирожки с картошкой, по-фински — *karjalan piirakat*. Мамино круглое лицо покраснело от напряжения и жара духовки, маленькое родимое пятнышко на лбу немного подрагивает, а толстенький носик словно стал еще больше. Пирожки пахнут очень аппетитно. Конечно, Настя предпочла бы шоколадный торт, но денег у мамы на это нет. Идет война, 1943 год. Иногда в Хельсинки бывают бомбежки, особенно по ночам, и тогда вся семья спускается в бомбоубежище. Но вообще в Финляндии не слишком страшно, правда русских не любят. Папа получил финляндское подданство, но в армию его не призвали. Русских в армию берут с оглядкой. Вместо армии папа — трудообязанный: он работает электромонтером или уезжает валить лес, точнее, следить за работой электрических лесопильных машин и чинить их, если они ломаются. Мама получает за папин труд какую-то денежку, и семья должна на это жить — бабушка, папа, мама, Коля и Настя. Сегодня папы дома нет, а Насте так хотелось бы, чтобы папа был дома на день ее рождения! Но дома бабушка, потому что бабушка дома всегда. Настя вскарабкивается на бабушкину постель и прячет голову в ее большой мягкой подушке. Бабушка это не очень любит, но сегодня позволяет Настеньке повалиться на своей кровати, наверно, потому что у внучки день рождения.

Над бабушкиной кроватью висит маленькая темная иконка. Иконка такая темная, что трудно разобрать, что на ней, но бабушка говорит, что это

Боженька. А папа говорит, что никакого Боженьки вообще нет, но что бабушка старенькая, и если она в Боженьку верит, это надо уважать. А мама ничего не говорит, но Настя подсмотрела, как мама перед этой иконкой иногда останавливается, когда думает, что ее никто не видит. Настя влезает на высокую бабушкину кровать. Бабушка вдруг снимает со стены иконку, прикладывает ее к голове Настеньки и говорит: «Господь благословит». От неожиданности Настя даже пугается, а затем спрашивает: «Какой Господь? Ты сказала, что это Боженька». «Господь — это и есть Боженька», — отвечает бабушка. Настенька не решается спорить, но она не согласна. Для нее слово Господь — это как господин, а господин — это такой важный дядя. Мама называет дворника важным господином. А Боженька — он добрый и хороший если он вообще есть... в чем папа сомневается.

Настя не очень любит свое имя: Настя, Анастасия. Финны даже и произнести-то не умеют. Вот Коля — это другое дело. Коля — это Николай, а финны зовут ее брата Нику. Дома он Коля, а в школе, для других мальчишек — Нику. Коля на четыре года старше Насти и учится в шведской школе. Почему в шведской, а не в финской? Многих русских детей отдают в шведские школы, а не в финские, где другие ученики их дразнят *gussä*¹. В шведских школах к русским относятся более терпимо. Бабушка сказала Насте, что имя Анастасия означает воскресение Господа: Господь воскрес на третий день после распятия. Этого Настя принять никак не может. Хотя она и маленькая, но она понимает, что значит воскреснуть. Она видела как ее кошка схватила птенчика, упавшего из гнезда, и птенчик, разумеется, умер окончательно. Так что воскреснуть нельзя, она это знает. Но Настенька согласна с тем, что Боженька может воскресить... если он существует. Да, Боженька, но не Господь-господин — этот не может ни воскресить кого-либо, ни сам воскреснуть. Так что непонятно, зачем ей дали такое странное имя — Анастасия. Правда, ее Анастасией никто не называет, ее называют дома Настей или Настенькой. А финны говорят — Насту. Но это некрасиво, считает Настя.

После дня рождения самый любимый Настенькин праздник — Рождество. Рождество уже близко, а опять папы нет дома: в начале декабря его снова отправили на лесные работы, ведь военное время продолжается. Папа возвращается домой перед самым Рождеством, двадцать четвертого декабря, и мама говорит, что финны все же хорошо к русским относятся — отпустили на праздник. Настя, Коля и папа идут покупать елку, приносят ее домой, и папа наряжает пушистое деревце маленькими электрическими лампочками.

Рождество начинается с Сочельника. Двадцать четвертого декабря вечером бабушка говорит, что надо ждать первой вечерней звезды, и когда она взойдет, тогда начнется Сочельник. Что значит слово Сочельник, Настя не знает, но это ее очень мало интересует. Главное, что в Сочельник вечером дети получают подарки. Бабушка научила Настю петь, как и полагается на праздник: «Рождество Твое Христе Боже наш...» Когда Настя кончит петь, можно будет посмотреть, что там, в этих красивых маленьких пакетиках под елкой. Папа не против того, что бабушка научила Настю так петь, раз бабушке нра-

вится. Мама радуется, а Коля сидит в большом кресле и презрительно фыркает, ведь он считает себя атеистом. Но когда Настя заканчивает пение, то Коля первым бросается под елку к подаркам. Подарки небогатые, но это подарки. Коля разбирает каких-то оловянных солдатиков, а Настя получила маленькую кукольную кроватку, о которой давно мечтала. Теперь она сможет укладывать в кроватку свою куколку. Кроватку папа смастерил сам. Бабушка говорит Насте: «Ты стала большой девочкой, тебе шесть лет, ты больше не должна говорить Боженька, так говорят только маленькие детки. Надо говорить — Господи, Иисусе Христе». Настя этим совсем не довольна, хотя и польщена, что бабушка считает ее большой девочкой. Ну да уж ладно... главное, кукольная кроватка. Но все же молитва ей нравится — такие таинственные, непонятные слова: «...и звездою учахуся...» Что значит учахуся, Настя не знает, но это, конечно, что-то красивое и рождественское.

На Рождество вся семья идет в гости к маминому брату, дяде Лексе. Он женат на финке, и его двое дочерей даже и не говорят по-русски. Лекса — это на самом деле Лео, а по-русски — Лев. Мама сказала, что дядя Лекса купил квартиру и пригласил священника ее освятить, но одновременно это также будет рождественский визит. Дядя Лекса из Карелии, как и мама, и поэтому он православный, хотя, кажется, в церковь и не ходит. Но его дочек крестили в православной церкви. У дяди Лексы такое же, как у мамы, круглое лицо, с таким же толстеньким носом, и всегда очень чисто выбритый подбородок, а над верхней губой пробиваются тонкие усики. Жена дяди Лексы, тетя Лейла, очень симпатичная тоненькая дамочка, но по-русски не говорит ни слова. Коля к дяде Лексе идти не хочет, он уже большой мальчик, у него много друзей из шведской школы. Бабушка предпочитает сидеть дома. В гости идут мама, папа и Настя. Вообще-то Насте у дяди скучновато, но там всегда такое вкусное угощение — рождественская индюшка, на которую у мамы никогда нет денег. Мама и папа осматривают новую квартиру и, как и положено, восхищаются. Вернее, мама восхищается, а папа советует, как правильнее расставить мебель. Настя ходит по комнатам, осознавая, насколько дядина квартира больше той, в которой они впятером живут уже полтора года, с весны 42-го, когда их семья перебралась в Хельсинки.

Полтора года назад тоже была война. Война началась так давно, что Настя, которой в сорок втором году было всего-то пять лет, даже не вполне представляла себе, что в мире может быть время без войны — мирное время, и ей почему-то про это время ничего не рассказывали. Она хорошо помнит, как они переселились в Хельсинки: тогда ей тоже никто ничего не объяснял. Впрочем, она и сама сообразила, что в Хельсинки они переехали потому, что там уже жили два маминых брата с семьями. Кроме того, папа там нашел работу электромонтером. А еще в Хельсинки была русская школа, и вообще было довольно много русских семей. До переезда они жили где-то в центре Финляндии, в поселке, куда их вначале направили, эвакуировав из Выборга во время Зимней войны, в 1939 или 1940 году. Поселка этого Настя толком не помнит, только большой деревянный красновато-коричневый дом, в котором жили беженцы. У каждой семьи была своя комната, а кухня общая, но женщины как-то справлялись по очереди. Дом казался Насте очень большим, впро-

чем, ей все казалось тогда очень большим. И это, пожалуй, все, что Настя помнит о том поселке.

А вот как они добрались до Хельсинки, Настя запомнила прекрасно. Ехали на поезде, и Настя очень беспокоилась, вдруг ее любимая куколка потеряется, а мама объясняла ей, что куколка едет в багаже. Потом поезд остановился, все вышли, папа отправился за багажом, и вскоре вернулся с тележкой, нагруженной чемоданами и сумками. Денег перевезти все это на машине не было, дешевле оказалось взять на вокзале тележку. Вся семья пошла пешком через город. Папа вез тележку, бабушка крепко держала Настю за руку, только бы та не потерялась. Мама строго поглядывала на Колю, не позволяя ему бегать туда-сюда. Прохожие не обращали внимание на эту вроде бы странную процессию: все уже привыкли видеть в Хельсинки карельских беженцев. Наконец дошли до сероватого, немного облупленного четырехэтажного дома, в котором папа снял квартиру.

В этом сером доме был лифт, но он почему-то не работал. В военное время всегда что-то не работало. Папе с мамой пришлось тащить все сумки и чемоданы по лестнице. И вот папа вытащил из кармана ключ, таинственная дверь открылась, и, конечно же, Коля вбежал первым, несмотря на протесты бабушки, которая пыталась ухватить его за рубашку, объясняя, что в самый первый раз первым должен войти папа! Но для папы эта очередность вроде бы значения не имела.

Перед Настей открывается вид пустой комнаты. Именно пустой, потому что мебели никакой нет. В углу кучей сложены несколько матрасов и одеял. Но, осмотревшись как следует, она видит большую кровать с подушками и радостно на нее вскарабкивается. Папа объясняет, что это бабушкина кровать, а для всех остальных кровати будут позже. Маму это не волнует, она больше всего интересуется кухней, ведь в поселке она должна была делить кухню с другими женщинами. И вот теперь у нее своя кухня! Между комнатой и кухней, как открытый рот, зияет дверной проем, но двери нет, остались только дверные петли. Папа считает, что так даже и лучше: дверь занимала бы слишком много места, а комната и кухня такие маленькие. Мама тщательно осматривает поцарапанную газовую плитку, проверяет, течет ли вода из крана, и тихонечко приоткрывает дверцу кухонного шкафчика, вделанного в стену, словно боясь что-либо отломать. Ничего не ломается, только дверца немного поскрипывает. Кухонька крохотная, но замечательная! Бабушка присаживается на свою постель, ведь другой мебели нет, даже стульев нет. Папа с Колей и Настей располагаются на куче матрасов, а мама вытаскивает из сумки кастрюльку и что-то еще и начинает заваривать какую-то кашу. Все очень проголодались и устали. Но как кашу есть? Ведь стола-то нет, и стульев нет. Ничего, — каждый держит свою тарелку, Насте немного помогает бабушка. А потом все ложатся спать: бабушка на постель, а остальные — на матрасы, расстеленные на полу.

На следующий день папа ушел на работу, на свой первый рабочий день в Хельсинки. Бабушка с мамой разбирают багаж. Но кроме кухонного шкафчика другой мебели нет, и вещи сложить некуда. Вскоре, однако, двое мужчин приносят им старинный комод. Мужчины объясняют, что они из организации помощи беженцам и что этот комод в подарок. Ножки комода поща-

тываются, но папа, возвратившись с работы, их подколачивает и ставит комод таким образом, что бабушкина постель оказывается за ним, и у бабушки получается малюсенькая собственная конурка. На следующий день папа приносит стул, который ему кто-то отдал. Теперь рядом с бабушкиной постелью стоит также стул, а больше ничего другого туда и не помещается. А однажды папа приносит большой стол. Может быть, стол и не был таким уж большим, но Насте он представлялся огромным! Папа принес его на голове, ножками вверх — очень торжественно. Стол был, разумеется, не новый, потертый, но еще очень солидный. Теперь мама могла ставить обед на стол, но пришлось подождать еще немного, прежде чем появились стулья.

Очень долго постель была только одна, для бабушки. Но однажды кто-то отдал два больших кресла, которые мама стала на ночь сдвигать один к другому, так что получалась небольшая кровать для Насти. Папа, мама и Коля продолжали спать на матрасах на полу. До тех пор, пока со своей первой зарплаты папа не купил диван. На ночь диван раздвигался, так что получалась двойная кровать для папы и мамы; утром же диван снова превращался в диван, и когда к маме приходили ее братья, то они могли, как и положено гостям, сидеть на диване. Коля же спал на четырех матрасах, сложенных один на другой, но однажды мамины братья подарили им раскладную кушетку: поистине, царский подарок, ведь мамины братья тоже были карельскими беженцами и не могли быть очень зажиточными, но они устроились в Хельсинки уже довольно давно. На ночь из-под верхней, «основной» кушетки можно было выдвинуть другую кушеточку поменьше. И так, наконец, у каждого в их семье появилась своя кровать.

Их единственная комната — спальня, гостиная, столовая и детская — была малюсенькой, но в ней имелся «альков»: небольшая ниша с одной стороны комнаты. Этот альков папа отгородил занавесом, и там поставили кушетки Коли и Насти, а между кушетками две табуретки, на которые они складывали одежду на ночь. Больше ничего в альков и не помещалось. Бабушка же спала за комодом. Если к папе и маме приходили вечером гости, а бабушка уже устала и хотела отдохнуть, то она частенько пряталась за своим комодом, а Коля и Настя ложились спать в алькове за занавесом.

Да, квартиру дяди Лексы и сравнивать нельзя с их жилищем. Тут места хватает и детям, двоюродным сестрам и братьям Насти, которые резвятся в детской, и взрослым родственникам, которые расселись на диванах в гостиной и ждут священника, а его все нет и нет. Тетя Лейла говорит, что обед остынет — ну когда же наконец придет этот рарри? Паппи — это по-фински вроде бы батюшка, по-русски — поп, очевидно. Настя сидит в гостиной рядом с мамой и вместе со взрослыми дожидается паппи. Почему она не идет к детям? Да просто потому, что все они говорят по-фински, никто по-русски ничего не понимает, а Настя по-фински говорит слабовато и чувствует себя с ними неловко.

Наконец приходит паппи. Настя такого никогда не видела: мужчина и в каком-то длинном платье. «Мама, а почему паппи в юбке?» — шепчет Настя. «Тише, — отмахивается мама, — это не юбка, это ряса священника...» Потом

паппи что-то поет и говорит, и ходит по всем комнатам, размахивая веточкой, которую он отломил от рождественской елки, окуная ее в чашечку с водой. Для Насти все это забавно и странновато: вроде как бы взрослые стали играть, словно дети. Потом все чинно садятся в гостиной, тетя Лейла приносит что-то на подносе, и мама говорит Насте, что надо всегда подавать сначала батюшке. Настя сидит рядом с мамой и к другим детям не идет. Батюшка на нее поглядывает с любопытством, и Настя теряется. А если батюшка вдруг спросит, как ее зовут, а узнав, что ее зовут Анастасия, скажет: «А веришь ли ты, что Господь воскрес? Ведь Анастасия — значит воскресение Господа». Что она тогда должна ответить? Да, верю? А это, может, неправда... хотя, может быть, и правда... А сказать: «Нет, не верю», — это даже невежливо. В итоге Настя предпочитает улизнуть потихоньку в соседнюю комнату, к другим детям, хотя она и не любит туда ходить. Двоюродные сестры и братья очень симпатичные и рады, что Настя наконец с ними. Конечно, Настя понимает все, что они говорят по-фински, но самой говорить труднее: в голову приходят только русские слова, а финские исчезают. Аннели немного младше Насти. Она с любопытством спрашивает: «Miten sinä voit olla venäläinen, jos minä olen suomalainen? Mehän olemme serkuksia...» Это значит: «Как ты можешь быть русской, если я финка? Мы ведь двоюродные сестры...» Настя, старательно подбирая слова по-фински, отвечает: «Sinä olet puoleksi venäläinen. Isäsi on venäläinen».² Аннели удивленно округляет глаза, и Настя тихонечко возвращается в гостиную к взрослым. Паппи уже ушел. «Наверно, я не должна была ей это говорить, — думает Настя. — Может, она не знала, что ее папа, дядя Лекса, мамин брат, на самом деле русский. И война между финнами и русскими еще не кончилась, хотя папа говорит, что скоро кончится».

Дома папа повесил карту военных действий: на ней красная линия фронта — красная ниточка, привязанная к иголочкам. Советская армия наступает, и папа, ликуя, передвигает иголки с красной ниточкой. «Русская земля освобождается от захватчиков!» — восклицает папа. Рядом с картой папа повесил потрет Сталина. Но на Новый Год придут мамыны родственники, так что мама хотела бы убрать этот портрет. Папа не согласен. «У них висит портрет Маннергейма, и когда мы приходим, они его не убирают. Почему мы должны убрать портрет Сталина? Он вождь русского народа и ведет народ к освобождению от фашистских захватчиков», — говорит он. Мама соглашается, и портрет остается висеть. Папа уходит на работу, потому что Новый год будет завтра, а сегодня еще рабочий день. Портрет Сталина со стены исчезает. Придя домой, папа ничего не говорит: может, он не замечает, что портрет исчез, а может, не хочет ссориться с мамой. Мамыны родственники приходят вечером и очень веселятся. Но когда они уходят, бабушка открывает шкафчик на кухне, достает оттуда портрет Сталина, дает его папе и говорит: «Вот, можешь его теперь повесить, я его спрятала.» Ах, вот как! Это, оказывается, бабушка! С бабушкой папа никогда не спорит. В семейные дела бабушка не вмешивается, но иногда, когда надо, умеет сказать свое слово. Папа бабушку очень любит и уважает. Когда бабушка хочет пойти в церковь, папа вызывает для нее такси и беспокоится, как она обратно доберется. Но обратно бабушку всегда кто-нибудь подвозит. Настя хотела бы как-нибудь пойти с бабушкой, но папа, кажется, не согласен.

А почему Настя так плохо говорит по-фински? Вот Коля ведь и по-фински, и по-шведски говорит, не задумываясь, и по-русски, конечно, — настоящий полиглот. Да и вообще все русские дети часто по-фински говорят лучше, чем по-русски, даже те, которые ходят в русскую школу. В чем же дело? А это отдельная история. В раннем детстве Настя болела. У нее были приступы астмы, иногда такие сильные, что врач оставил маме уколы, на случай необходимости. Надо признаться, что мама иногда прибегала к уколам и без особой необходимости, так она терялась и боялась. А папы дома часто не было. Если папа был дома, и Настя начинала тяжело дышать, а мама в ужасе бежала за уколом, папа не терялся. Папа садился рядом с Настей на диване, брал ее за руку и говорил: «Не волнуйся, ты уже большая девочка, ты и без укола справишься. Давай дышать вместе, дыши не сильно, а так немножко-немножко. Я буду дышать, и ты будешь дышать... вот так...» И Настя успокаивалась, понемногу начинала дышать лучше, и все проходило без укола. Но папа дома был не всегда, а мама за Настю страшно боялась и не хотела ее одну отпус-

Helena Schjerfbeck: "Toipilas", 1888.

кать гулять и играть с другими детьми. А вдруг у нее приступ будет! Как к этому относилась бабушка, Настя уже не помнит. Вот так и получилось, что Настя до школы была всегда дома, с мамой и бабушкой. И гуляла тоже с мамой и бабушкой. И говорили всегда, конечно, по-русски. К шести годам у Насти приступов больше не было, но она уже так привыкла быть всегда со взрослыми и говорить всегда только по-русски, что старательно избегала общества других детей.

Скоро сентябрь месяц. 1944 год. Насте уже семь лет. В какую школу она пойдет? Учительница шведской школы, в которой учится Коля, очень довольна его успехами и говорит маме, что вот и девочка ваша тоже скоро в нашу школу пойдет. Но мама с папой решают по-другому. Все знают, что еще немного и война кончится. Не вся война, но между Финляндией и Советским Союзом точно. И тогда можно будет Настю отдать в русскую школу. Колю в русскую школу не отдали, потому что шла война, русская школа была на другом конце города, а шведская совсем рядом. Действительно, в сентябре подписано перемирие между Советским Союзом и Финляндией. Бомбежек нет, опасности нет, так что Настю отдают в русскую школу. Вначале мама провожает ее на трамвае, но скоро Настя ездит уже одна. Русская школа называется Табуновской, потому что она была основана на благотворительные деньги купца Табунова и находится в ведении русского православного прихода. Конечно, папа хотел бы русскую школу с советским уклоном, но таких в Хельсинки нет. Впрочем, главное для папы и мамы, что школа русская. Коля начинает завидовать, что вот Настю в русскую школу отдали, а его в шведскую. Приходится и его перевести в русскую. Читать и писать по-русски Коля уже умеет: его мама научила, занималась с ним года два, каждую неделю, хотя и не думала его в русскую школу переводить, но так, — должен же русский мальчик уметь читать и писать по-русски. Маленькая Настя, которую мама боялась отпускать играть одну с другими детьми, сидела на этих занятиях на другом конце стола, смотрела и слушала. А потом оказалось, что она вместе с Колей выучила все буквы и умеет читать. Когда Настя в семь лет приходит в русскую школу, и учительница видит, что Настя уже бегло читает и пишет (хотя и с кляксами, но довольно грамотно), она решительно говорит, что в первом классе Насте делать совсем нечего и переводит ее сразу во второй! По арифметике Настя тоже на хорошем уровне: папа с ней занимался арифметикой уже давно. Оказывается, что и во втором классе Настя выше других учеников. Выходит так, что единственное, чему она научилась в первый год школьной жизни — это всегда быть первой ученицей, ничего не делая, и считать себя гораздо умнее всех других. Опасное начало!

Настя хорошо знает, что если ей станет трудно дышать, она должна тихонечко посидеть, и все пройдет. Дома проблем не было. Но в школе, особенно на перемене, когда другие бегают, как это так — посидеть? Она отходила в сторонку и садилась... Другие дети стали ее считать странноватой, а может, и завидовать, что она такая хорошая ученица. Однажды она слышит, как ее учительница говорит, что Настя — это вундеркинд. Что такое вундеркинд, Настя не знает и думает, что учительница над ней смеется. К счастью, дома папа ей объясняет, что вундеркинд — это немецкое слово, которое означает — способная ученица. Настя любит ходить в школу, но радуется концу школьного дня, возвращаясь домой, где все так привычно, по-русски: можно просто сесть в уголку с книжкой в руках и читать. Папа ей покупает детские книги. В восемь лет она прочитала «Тимура и его команду» писателя Гайдара и долго восхищалась этим далеким пионером Тимуром. Папа даже ее поддразнивал, с улыбкой спрашивая: «Ну, как поживает Тимур?» А мама любила читать стихи и часто их декламировала. Настя очень любила слушать маму и многое запомнила наизусть. «Колокольчики мои, светики степ-

ные», — повторяет за мамой Настя. «Не светики, а цветики...», — смеется мама. Но знает ли мама, что происходит в маленькой головке Насти, когда та повторяет за ней стихи Лермонтова: «Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей...»

Первый учебный год закончился. Дядя Лекса предлагает маме взять Настю хотя бы на месяц, а лучше подольше, в их семью, которая летом живет на даче, около озера, рядом с чудесным леском. Дача эта перешла по наследству его жене, тете Лейле; там же рядом были дачи двух сестер тети Лейлы. У всех было много детей, так что на школьные каникулы собирается большая компания. Дядя Лекса говорит, что это райское место и воздух там прекрасный, и Настя оправится от своей болезни, а также привыкнет к обществу детей и научится хорошо говорить по-фински. Мама заговорила об этом с Настей, но Настя уперлась и никак не хочет туда ехать. Просто боится. Как это она одна?.. А потом говорит маме: «А может, тоже и Коля?» Но Коля уже большой мальчик, а на дачах мальчики все поменьше, только девочки Колиного возраста. Дядя Лекса все же говорит: «Ну, пусть и Коля приезжает...» Мама спрашивает Колю, но Коля сразу категорически восклицает: «Что я там буду с этими клопами делать?!» — «С какими клопами, там нет клопов, их давно вывели...» — изумляется мама. «Да нет, это я про ребят... они же еще маленькие клопы!» — «Коля! — негодует мама. — Детей нельзя называть клопами!» Но Коля не сдается: «Там только одна постарше. Mitä mä likan kanssa?!³ — презрительно цедит он на финско-шведском жаргоне. — Меня Вовкина мама приглашает к ним...» — «Но у них же нет дачи, только домик в деревне, и озеро далеко...» — «У Вовки щенок, мы его дрессировать будем». Папа вполне согласен с Колей. Мужчины друг друга понимают. Коля отправляется на целый месяц к Вовке, а Настя остается дома. Папа с мамой не настаивают. Дома было много книг, папа любил покупать книги и много читал, да и мама тоже. Настя могла брать с полки какую угодно книгу и читать, читать, читать... Папа с мамой даже не догадываются, что в действительности читает их восьмилетняя дочь. А она частенько читала то, что в ее возрасте нельзя было бы еще читать.

Однажды осенью, когда уже начинается школа, дядя Лекса заходит вечером к маме. Ничего особенного, он иногда приходит просто так. Коля и Настя уже должны спать и лежат в своих кроватях в в алькове за занавесом. Коля, может, действительно спит, но Настя, спрятавшись под одеялом, читает «Тимура и его команду». Мама с папой принимают вечернего гостя, и Настя слышит каждое их слово. Дядя Лекса говорит про нее: «Настя такая способная девочка, и как это ты не заботишься, чтобы она говорила как следует по-фински. Как она будет интегрирована в Финляндии?» Что это такое — интегрирована? Настя такого слова раньше не слышала. «А зачем ей быть интегрированной? — спрашивает папа. — Мы уедем в Советский Союз. Вот война кончится, все успокоится, и мы попросим советское гражданство. Россия — наша родина. Настя в русской школе. Пусть хорошо учится, а потом она там, в России будет продолжать учиться. Зачем ей финский язык?» Вот что подслушала Настя. Но она ведь не нарочно подслушала, просто взрослые думали, что она спала, а она не спала. Дядя Лекса разволновался: «Но это ужасно — там, в Со-

ветском Союзе!..» Папа начал возражать, говоря что-то о равенстве людей и трудовом классе, и вообще о том, что в Советском Союзе прекрасно. Конечно, еще идет война, это здесь, в Финляндии, заключили перемирие, но война идет, и в Советском Союзе многое разрушено, но это наша родина, это Россия. Дядя Лекса, как это часто бывало, когда он волновался, перешел на финский, обращаясь к маме: «Sano että sinä et sinne mene!»⁴ А мама ответила: «Mutta minä olen ensimmäinen, joka tahtoo sinne mennä!»⁵ Наступила тишина... Потом мама сказала: «Mutta eihän se nyt vielä...»⁶ Опять тишина, и мама говорит уже по-русски: «Ты хочешь еще чашечку кофе?» — «Нехорошо пить такой крепкий кофе поздно вечером», — отвечает дядя Лекса. Но кофе все же пьют. Перепапка кончается мирно, и дядя Лекса уходит. Насте уже очень хочется спать, но она возбуждена услышанным. Значит, они туда поедут — в Советский Союз, в Россию. Там, если идти гулять по городу, все говорят по-русски, названия улиц написаны по-русски, рекламы в магазинах по-русски. Все дети говорят только по-русски и не надо ломать голову с финским! А что сказала бы об этом бабушка? Но бабушка вот уже несколько месяцев как умерла. Однако, когда у Насти проблемы, она думает прежде всего о бабушке. А сейчас ей почему-то вдруг вспоминаются стихи, которые читала мама: «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, одна, в глуши лесов сосновых, давно-давно ты ждешь меня». Настя наполовину засыпает, и ей кажется, что это бабушка где-то там, в глуши лесов сосновых... в России... Она умерла, конечно, но она где-то там, и Настя, Анастасия, Воскресение... В голове Насти все это сливается, и она засыпает. А во сне сосновый лес шатается и шумит, а потом вдруг все озаряется каким то странным светом, и Настя видит лик Господа и узнает Его. Это не Боженька ее раннего детства, это тот Господь, которого бабушка так называла. Как Настя узнала, что это Он? Она не может объяснить, но она это знает. Господь смотрит на нее грустными-грустными глазами. Утром Настя просыпается. Она все помнит — так ясно, как будто это было в действительности, а не во сне. Но она знает, что это был сон. Почему у Него были такие грустные глаза? Настя никому не рассказывает о своем сне. Даже маме не рассказывает.

А потом раннее детство кончается, и начинается более сознательное отрочество, и Настя многое вроде бы забывает, жизнь захлестывает ее. Может, поэтому у Него были такие грустные глаза? Он знал, сквозь какие омуты и броды должна будет пройти Настя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сентябрь 1945 года. Настя начинает учебу в третьем классе Табуновской школы. Война закончилась уже весной. Многие финны русских не любят, особенно те, у кого отец или брат погибли на фронте. Но в Настиной семье все спокойно. После школьного дня Коля и Настя любят играть в небольшом городском скверике около их дома. Там и другие дети бегают. Мама порой

4 Скажи, что ты туда не поедешь (финск.).

5 Но я первая хочу туда ехать (финск.).

6 Но ведь это еще не сейчас (финск.).

поглядывает сверху, из окна их квартиры на втором этаже. Папа еще на работе. Неожиданно в сквер вбегает большой мальчик, лет пятнадцати, бежит прямо к маленькой Насте, хватая ее за волосы, больно дергает и кричит: «Рака-па-ruyssä! Pois täältä!»⁷ Коля вихрем подбегает и набрасывается на обидчика с кулаками. Завязывается яростная драка. К счастью, какой-то случайный прохожий старается разнять сцепившихся мальчишек, иначе Коле точно бы досталось, он ведь гораздо меньше. Мама, выглянув на крики из окна, быстро спускается в сквер. Прохожий стоит между большим мальчишкой и Колей. Наглый юнец продолжает выкрикивать какие-то похабные ругательства, но, увидев приближающуюся маму, все же отступает и отходит вглубь сквера. Разъяренный Коля готов бежать за ним с кулаками. На такого большого! Мама хочет его остановить, но Коля в запале кричит ей: «А что?! Я не должен защищать мою сестру?! Ты слышишь, как он ругается! Девочкам такого и слышать нельзя!» Мама, удерживая Колю за плечо, произносит: «Коля, у нас есть папа, а его папу убили на русском фронте... ты понимаешь?» Настя видит мамины глаза, полные какой-то особенной, еще непонятной для нее тоски. Коля выдергивает свое плечо и убегает из сквера. Кажется, он плачет. А он ведь такой гордый мальчик: до этого он никогда не плакал.

Настя долго думает об этом происшествии. Папа и мама — очень русские, они мечтают вернуться в Россию, но никогда не позволяют своим детям плохо говорить о финнах. У папы на работе есть финские друзья и они даже иногда заходят к ним в гости.

98

Несмотря на недавнюю войну, появляются финны, положительно смотрящие на большую советскую страну. А для многих русских в Финляндии Советский Союз — это прежде всего Россия. Родина, какой бы она ни была. Но Настя еще слишком мала, чтобы рассуждать самостоятельно. Она знает только, что война кончилась и Советский Союз освобожден от захватчиков. Все папины и мамины русские друзья и знакомые этому радуются. А как к этому относится мамина полуфинская родня? Кажется, с осторожностью. Для них главное, чтобы Лиза, их сестра, не уехала жить в Советский Союз. Но мама с энтузиазмом к этому готовится. Папа же говорит, что надо подождать, может быть, даже несколько лет, что сейчас русским, проживающим в Финляндии, советского гражданства не дают, потому что в Советском Союзе все еще разрушено после войны и местным жителям очень трудно и они не могут принимать еще и новых поселенцев. Не только семья Насти мечтает о жизни в Советском Союзе. К папе и маме приходят в гости русские знакомые и часто рассуждают о том, как они вернуться на русскую землю, когда появится такая возможность.

Сама Настя тоже рада тому, что учится в русской школе и Колю туда тоже отдали. Все, что касается Финляндии или финского языка, ее не интересует. В мечтах она живет уже в России. Да и Коля тоже. Он стал длинноногим и худощавым. На затылке волосы у него закручиваются колечками, но спереди никак завиваться не хотят и стоят торчком, как у ежика. Характер у Коли покладистый: с товарищами он не ссорится, хотя и любит настаивать на своих идеях. Впрочем, его сверстники относятся к этому, как к должному. У Коли появляется компания из четырех одноклассников. Они часто проводят

время вместе и разговаривают друг с другом только по-русски. Папа и мама этим очень довольны. А у Насти пока что подруг особенно нет. Ей все еще трудновато привыкнуть к детскому обществу. Но она очень любит ходить в школу и учиться, тем более что наконец она учится чему-то немного новому, а не только тому, что знает уже давным-давно.

Материальное положение их семьи становится немного лучше, как, наверно, и во всех семьях, финских и русских, в послевоенное время. Трудовую повинность с папы уже давно сняли, но он по-прежнему работает электриком, получая настоящую зарплату. Наконец, к общему ликованию, стало возможно снять квартиру побольше. Их новая квартира находится совсем рядом со старой — в соседнем доме, так что из окон открывается вид на тот же сквер, но с другой стороны. Перед окнами растет большая береза: Настя ее очень любит, особенно потому, что для нее береза — это русское дерево. Теперь у Насти есть собственная малюсенькая комната. Колина комната побольше, ведь Коле уже тринадцать лет, а Насте только девять. Папа с мамой занимают большую центральную комнату, превратив ее одновременно в гостиную на день и в спальню на ночь. И кухня у мамы теперь побольше! Иногда папа отлучается на два-три дня, едет в какой-то другой город на электромонтажные работы и привозит оттуда более значительную сумму денег. Мама уже давно мечтает приобрести холодильник, и перед очередной папиной поездкой они решают, что холодильник будет наконец куплен. Через несколько дней папа возвращается, но денег на холодильник у него нет... Настя слышит, как папа маме об этом рассказывает. Оказалось, что когда папа ехал обратно на поезде, в вагон вошел батюшка, тот самый паппи, который когда-то благословлял новую квартиру дяди Лексы. Увидев давнего знакомого, батюшка сел рядом с папой. Приходит контролер, все предъявляют ему билеты, а батюшка своего билета найти никак не может, хотя ищет во всех карманах и в сумке. Билет потерялся! Контролерявнорастерян:емуоченьнеловкопередслужителем,одетым в рясу. Он говорит, что закончит проверку всех вагонов и вернется, а к тому времени, конечно, батюшка билет найдет. Но батюшка билета так и не находит. И денег на новый у него не набирается. В результате, когда контролер возвращается, то за билет батюшки платит папа. Да хорошо бы только за билет, — он оплачивает и штраф. Так что на холодильник денег нет! Мама молча принимает такой поворот. Дня через два вечером раздается дверной звонок. Папа открывает — на пороге стоит батюшка. Кажется, к ним домой никогда никакой батюшка раньше не приходил. Во всяком случае, Настя такого не помнит. Папа приглашает батюшку в гостиную, они присаживаются на диван. Батюшка вынимает кошелек и хочет вернуть папе долг. Но папа говорит: «Уберите ваш кошелек. У меня только двое детей, а у вас восемь. Уберите кошелек». Никакие просьбы батюшки не помогают, папа денег не принимает. Батюшка уходит, обещая молиться за папу и его семью. А ведь папа всех уверял, что он атеист!

Коля стремится утвердиться во всех своих взглядах и идеях. Но частенько ему не удается найти сверстника для дискуссий, и тогда его пыл начинает выливаться на маленькую Настю. Коле четырнадцать лет, а Насте только десять. Силы отнюдь не равные!

Коля: «Ты веришь в Бога?»

Настя: «Что значит верить в Бога?»

Коля: «Ну, ты веришь, что Бог существует?»

Настя: «А ты?»

Коля: «Нет, конечно!»

Настя: «А если ты не веришь, что Он существует, Он от этого не будет существовать?»

Коля смотрит на Настю, ничего не понимая, а затем с досадой восклицает:

«Что за глупости!»

Насте же этот спор не дает покоя. Спросить у мамы? Лучше, пожалуй, у папы... «Папа, Коля мне сказал, что я говорю глупости». — «Ах, вот как... И что же ты ему говорила?» — «Он сказал, что не верит в существование Бога. А я ему возразила, что если он не верит, что Он существует, разве от этого Он не будет существовать? Это глупости?» Папа смотрит куда-то вдаль и не отвечает. «Папа, это глупости?» «Нет, мой маленький философ, это не глупости», — помедлив еще мгновение, отвечает папа. После этого разговора, если Настя начинала задавать папе сложные вопросы, он улыбался и называл ее маленьким философом.

Знает ли Настя, что ее школа принадлежит Православному приходу? Религиозной атмосферы в школе вроде бы нет. Кроме, может быть, утренней молитвы, которая длится всего несколько минут. В девять часов утра звонит колокольчик, и все дети чинно выстраиваются в большом зале, каждый у дверей своего класса. Школа небольшая. Шесть классов начальной школы, в каждом классе лишь пятнадцать-двадцать учеников. В зал входит старшая учительница, высокая и тощая, в темном платье. Дети называют ее между собой Страусом и немного побаиваются. Она совсем не такая, как учительница первого и второго классов: та хоть и требовательная, но добренькая, — ребята ее обожают. Старшая учительница открывает большой красный занавес на стене. Перед школьниками появляется икона: Иисус Христос, благословляющий детей. Вернее, не икона, а картина, немного слащавая, но большинству нравится. Перед этой иконой-картиной учительница читает молитву, в которой просит Иисуса Христа благословить обучение и школьников. Закончив, учительница закрывает занавес и звонит в колокольчик. Дети расходятся, каждый в свой класс. На этом для учеников младших классов вся религиозность кончается. Уроки закона Божьего будут только в пятом и шестом классах.

В третьем классе Настя решила, что она сможет написать собственные стихи. Написала она их на день маминого рождения, на красивой розовой бумаге. Написала так:

*Когда была я маленькой,
Была тогда кудрявенькой.
Тогда, качая люльку, ты пела песни мне,
Внимая тишине.*

Мама пришла в восторг и с гордостью показала стихи папе. Настя ожидала и папиного восторга и похвал. Но папа лишь сказал: «А я и не знал, что ты была кудрявенькой. А мама, оказывается, песни пела! А что такое люлька?»

Настя, действительно, не вполне представляла себе, что такое люлька, просто где-то это слово вычитала. И мама, конечно, песен ей не пела. А что касается «кудрявенькой», это было так, для рифмы. В душе папа, наверное, был тоже доволен поэзией своей дочери, но он всегда старался приостановить взлеты ее самодовольства.

В Табуновской школе, начиная с третьего класса, помимо русского преподается также финский. Учить детей финским буквам не надо, все их уже знают. И Настя тоже знает. Еще совсем маленькой, гуляя с мамой и проходя мимо разных магазинов, она любила спрашивать, что написано на вывесках. Какие это буквы? Так их и выучила. В чем заключались уроки финского языка? Надо было что-то читать или писать по-фински, раз или два раза в неделю. Все остальное преподавалось по-русски.

С четвертого класса начинались уроки географии и истории России, которые вела та самая Страус. Оказалось, что она совсем не такая неприятная, как представляла Настя. Для Насти ее уроки стали настоящим удовольствием: она как бы перелетала сразу туда — на восток, в Россию. Учебники по истории были старые, еще царского дореволюционного времени. Их нужно было взять в школьной библиотеке в начале учебного года, а в конце вернуть в хорошем состоянии. Странно было Насте поначалу читать по старому правописанию, с ятями и ерами. Впрочем, она быстро привыкла. С ятями и ерами были только учебники по истории России. Все другие учебники были советскими, написанными по новому правописанию, и их нужно было покупать. Получалось, что российская история оказывалась предметом, рассказывавшим школьникам только про царские времена, после которых она словно бы просто кончалась, хотя среди русского населения уже не было столь наивных людей, которые надеялись бы вернуть Россию в царские времена.

В пятом и шестом классах шли уроки Закона Божьего. Но почему-то о них у Насти особенных воспоминаний не осталось, кроме, может быть, одного случая. Уроки вел какой-то господин с маленькой бородкой, слегка похожий на батюшку, но батюшкой он, наверное, все-таки не был, потому что рясы не носил. Однажды он решил продемонстрировать ученикам силу божественного духа: вынув из кармана маленькие кругленькие часы на цепочке, «небатюшка» держал цепочку за кончик, а часы висели на цепочке неподвижно. Потом он объявил, что сейчас часы начнут качаться. Часы действительно закачались, и тогда «небатюшка» торжественно произнес: «Вот она — сила духа!» Настя прекрасно видела, как «небатюшка» шевелил пальцами и, желая разоблачить фальсификатора, громко сказала: «Это сила духа? Это не сила ваших пальцев?» «Небатюшка» покраснел и закричал: «Вон из класса!» Ученики захохотали, а Настя гордо тряхнула головой и вышла из класса, думая, что теперь в школу вызовут родителей. Но родителей не вызвали. Наверное, «небатюшка» постеснялся рассказывать другим учителям о своем неудавшемся эксперименте. А Настя маме и папе рассказала. Мама вроде бы немного испугалась, а папа рассмеялся: «Мой маленький философ преуспевает в философии».

В школе Настя узнала, что не все справляют Рождество и Пасху в одно время с ними. О других религиозных праздниках Настя особого представления

еще не имела, а кроме религиозных праздников никаких вообще праздников не было. Ну, разве только Новый Год, который проходил довольно незаметно. Большинство учеников были так называемыми «новостильниками» и справляли праздники одновременно с финнами-лютеранами. Но некоторые были «старостильниками», и они говорили, что в России всегда справляли праздники по старому стилю и что так только и правильно. По старому стилю Рождество справлялось 7-го января, а по новому — 25-го декабря. Ученики-«старостильники» получали дополнительные каникулы на свое Рождество и на свою Пасху. Вся эта путаница Настю мало интересовала, но она наконец поняла, почему папин брат, дядя Миша, и его жена, тетя Варя, справляют Рождество и Пасху не в то же время, что их семья и семьи маминых родственников. Оказывается, они были «старостильниками». Впрочем, дядя Миша, как и папа, говорил, что Бога никакого нет, хотя это ему не мешало любить куличи и пасху, которые тетя Варя готовила к их старостильной Пасхе.

Папина родня была совсем русская. Настя даже не была уверена, умеют ли дядя Миша и тетя Варя говорить по-фински. Разумеется, они умели, просто Настя никогда не слышала. Дядя Миша часто приходил к папе играть в шахматы. Папа был хорошим шахматистом и всегда дядю Мишу обыгрывал. Мама порой намекала папе, что он должен был бы брата немного пожалеть и дать и ему иногда выиграть. Папа соглашался, дядя Миша выигрывал и приходил в восторге. Настя любила сидеть и смотреть на их партии и незаметно сама научилась этому искусству. Колю шахматы не привлекали, и среди Настиних школьных друзей, двоюродных сестер и братьев в шахматы тоже никто не умел играть. Настя же пришла к мнению, что в шахматы хорошо играют только русские, потому что финны для этого недостаточно умны и им лучше кататься на лыжах.

Однажды Настя всерьез озадачилась тем, почему папа так много занимается общественной деятельностью, а дядя Миша этим совсем не интересуется, — они ведь братья. Решив это выяснить, она спросила у дяди Миши: «Дядя Миша, что ты любишь больше всего делать?» — «Сидеть в кресле и мечтать», — недолго думая, ответил дядя Миша. О чем мечтал дядя Миша, Настя спросить не решилась. Дядя Миша часто приходил к папе играть в шахматы, тетя Варя приходила немного реже, но каждый ее визит становился для Насти настоящим праздником. У дяди Миши и тети Вари детей не было, и тетя Варя любила баловать Настю и Колю маленькими подарками, а главное, — тетя Варя рассказывала Насте сказки. Сказки тети Вари зачаровывали ее и в десять лет, и позже. В них сплетались русские былины, финские сказания и германо-скандинавские легенды. Гномы, феи и русалки танцевали с Белоснежкой и Красной Шапочкой, Буратино боролся с Кощеем Бессмертным, Мальчик-с-Пальчик смело побеждал Бабу Ягу, а потом вдруг превращался в Нильса и улетал с дикими гусями.

У дяди Миши был один недостаток: он страшно много курил. Дымящаяся папироска почти всегда торчала из его рта. Папа этого очень не любил. Сам он не курил, не пил крепкого и вообще был принципиальным трезвенником. Папа и дядя Миша были очень похожи друг на друга: оба с орлиными носами, только папа шире в плечах и крепче, а дядя Миша — тощий, вероятно, от непрерывного курения. После визитов дяди Миши папа открывал все окна, чтобы проветрить квартиру. Во время шахматной партии папа иногда намекал брату, что если бы он хоть на полчаса бросил папироску, то и в шахматы играл бы лучше. Но дядя Миша принимал это за шутку. Тогда папа, чтобы отвлечь его от курения, начинал распевать песенки, которые они пели давным-давно, в гимназические годы, — по Настиным подчетам когда-то после Октябрьской революции. Это действовало: дядя Миша выплевывал папироску и тоже начинал подпевать. Пели они оба ужасно фальшиво, так что мама уходила на кухню и закрывала дверь! Настя была не очень музыкальна, ей было безразлично, насколько фальшиво поют. Одна песенка была такая:

*По улицам ходила большая крокодила,
Она, она голодная была.
В зубах она держала кусочек одеяла,
Она, она голодная была!*

Настя так и представляла себе эту большую крокодилу, которая ходила по улицам. Какое отношение имела крокодила к суровой действительности послереволюционного российского времени, Настя, естественно, знать не могла. А в другой песенке, которую папа напевал, — разумеется, префальшиво! — даже если дяди Миши в гостях не было, рассказывалось про приключения жареного цыпленка:

*Цыпленок бедненький, цыпленок бледненький,
Из дома в рошу убежал.
Его поймали, арестовали,
И к трибуналу привели.
— Я не советский, я не кадетский,*

*Я просто детский, — он сказал.
— Я не расстреливал, я не обмеривал,
Я только зернышки клевал!*

Каково было удивление Насти, когда она услышала, что эту песенку напевали также серьезные папины и мамины гости, которые не имели никакого отношения к дяде Мише. А послереволюционное время уже давно прошло. Наверное, финляндские русские немного отставали от исторической действительности.

В десятилетнем возрасте наконец у Насти появилась подруга. Познакомились они случайно. Настя прогуливалась в том самом сквере, где когда-то произошла драка между Колей и большим мальчишкой. В сквер зашла девочка примерно Настиных лет и мальчик немного постарше. «Должно быть, это ее брат», — подумала Настя, а потом услышала, что они разговаривают по-русски. Недолго думая, Настя подошла к девочке и спросила: «Ты говоришь по-русски? Как тебя зовут?» Смутившись, девочка ответила: «Надя». У Нади была длинная косичка и носик крючком. «А меня зовут Настя. Мы обе на букву Эн. Где ты живешь?» — не теряя запала, продолжила Настя. Надя махнула рукой в неопределенном направлении, а Настя сказала: «А я здесь, рядом. Пойдем ко мне».

Надин брат отправился домой, а Надя зашла к Насте. Она рассказала, что их семья недавно переехала в Хельсинки из другого города и теперь она пойдет здесь в русскую школу, в четвертый класс. И Настя тоже была в четвертом, — они оказались одноклассницами! Надина семья жила на соседней улице, совсем недалеко. Девочки начали ходить друг к другу в гости. Настины мама и папа были этим довольны. Наконец-то и у Насти есть подружка, да еще и русская, — больше она не будет сидеть одна, уткнувшись в книжки. Настя быстро заметила, что семья Нади совсем не похожа ни на ее собственную семью, ни на семьи маминых или папиных родственников. Надин папа работал в гараже, ее мама была домохозяйкой и по-фински говорить почти не умела. Их квартира была увешана какими-то старыми портретами, изображавшими мужчин и женщин в русских дворянских одеждах. Надя говорила, что ее мама почти что из царского аристократического рода. Насчет царского она, конечно, преувеличивала, но что аристократического — это было точно. А вот книг у них дома было мало, только одна полочка с какими-то старыми книгами еще царского времени. Для Насти это было странно, настолько она привыкла видеть у себя дома стены, заставленные книжными полками. Надина мама сказала Насте, что в России у ее родителей было много книг, но им пришлось оттуда уехать, а книги вывезти не удалось. А здесь они книг не покупают: денег не хватает. Иногда Настя оставалась обедать у Нади, а Надя у Насти. Обед Настиной мамы был всегда очень скромным, а у Нади — очень обильным и вкусным, из нескольких разных блюд. Так Настя поняла, что книги для папы и мамы важнее, чем еда, а в Надиной семье наоборот. С Надей Настя научилась играть в карты и раскладывать пасьянсы. Дома папа над этим смеялся, говоря, что аристократы играют в карты, а пролетарии — в шахматы. Но играть девочкам не запрещал, потому что играли они не на деньги. На день рождения или на Рождество Надя и ее брат получали много подарков, Наде всегда дарили красивую одежду. В семье Насти таких

подарков не делали, но папа купил хорошее радио и фотоаппарат и учил Колю фотографировать. А позже, когда появились телевизоры, папа приобрел и телевизор, в то время еще черно-белый. Тогда Надя начала еще чаще приходить к Насте: смотреть телевизор, на покупку которого в их семье якобы денег не было, хотя на одежду и обильную еду денег тратилось больше, чем нужно. Несмотря на все эти странности, Настя любила ходить к Наде в гости, а Надина мама Настю просто обожала, называя ее хорошей девочкой, может быть, из-за того, что когда Надя внезапно тяжело заболела туберкулезом, то Настя продолжала к ней приходить и играла с ней, даже когда Надя лежала в постели. А главное, Настя приносила Наде все школьные задания, и они их делали вместе, чтобы Надя не отстала по учебе.

Узнав о том, что у Нади туберкулез, Настина мама очень испугалась и хотела было запретить Насте туда ходить, чтобы она не заразилась. Но Надина мама ее заверила, что у Нади какая-то незаразная форма, что это туберкулез не легких, а какой-то гланды. Было ли это правдой? А потом умерла Надина тетья, тоже от туберкулеза! Тогда Настина мама совсем перепугалась, хотя Настя ей и говорила, что, может, Надя действительно заразилась от своей тети, но у нее-то самая форма незаразная. Однако мама всерьез хотела запретить Насте ходить к Наде домой. Но тут вмешался папа. «Если Настя сейчас бросит Надю, она потом никогда себе этого не простит. Есть вещи важнее здоровья и важнее самой жизни. Надо уметь рисковать. Пусть ходит к Наде», — сказал он. Так Настя и продолжала ходить к Наде, а потом Надя пошла на поправку. Летом, во время школьных каникул, врач сказал, что теперь Надя почти здорова и ей было бы полезно дышать свежим деревенским воздухом. Надин папа был шофером и работал в гараже. Собственной машины у них не было, но ему разрешали брать иногда для прогулок легковую машину из гаража. Чтобы Наде не было скучно ездить в загородные поездки одной, звали также и Настю. Дома у Насти были этим очень довольны, ведь и для Насти было полезно дышать деревенским воздухом. Однажды, усадив Надю и Настю в машину, Надин папа повез их за город. По дороге он зачем-то заехал в свой гараж, и кто-то из других работников, заглянув в салон машины, сказал: «Kuka siellä? Nätti tyttö!»⁸ Настя поняла, что хорошенькая девочка — это Надя. А про нее, про Настю, ничего не сказали. Настя знала, что Надя была действительно хорошенькая — с большими темными глазами, круглым личиком и длинной косой. Но все же почему про нее, про Настю, ничего не сказали? После этого случая она начала поглядывать на себя в зеркало, стараясь увидеть, не дурнушка ли она какая-нибудь. Но в зеркале она ничего особенного не видела. Так, просто обыкновенная девочка, только нос, возможно, немного слишком длинный, а все остальное как у всех: короткие русые волосы, не слишком темные, не слишком светлые, самые обыкновенные серые глаза. Все самое обыкновенное. Назвать ее хорошенькой было действительно трудновато.

Дружба с Надей продлилась несколько лет, а потом, неожиданно семья Нади уехала в Ниццу, где жили какие-то родственники ее мамы.

У Настиной мамы кроме брата Лексы был еще один брат, дядя Олли. По-русски он был Олегом, но так его называла только мама, ну и папа, когда дядя Олли заходил в гости, традиционно декламировал: «Как ныне собирается ве-

щий Олег!» Лицо у дяди Олли было совсем не такое, как у мамы и дяди Лексы: не кругловатое, а напротив, вытянутое, и волосы светлые, рыжеватые. С дядей Олли Настя сблизилась в возрасте десяти или двенадцати лет. А случилось это потому, что дядя Олли стал ездить как гид-переводчик с финскими туристами в Советский Союз. В то время это было еще удивительной новостью: туристические поездки между Советским Союзом и Финляндией были еще редкими. Возвращаясь из этих поездок, дядя Олли любил заходить к своей сестре, Лизе — Настинной маме, и рассказывать о своих впечатлениях, особенно когда его туристическая группа ездил в Карелию или Выборг, город, в котором мама и ее братья родились и выросли. Настю эти рассказы очень интересовали, да и Колю тоже. Папа слушал, можно сказать, благосклонно, но говорил, что когда они поедут жить в Советский Союз, то поедут не в Выборг, а, скорей всего, в Ярославль, потому что его предки были родом из Ярославля и переселились в Великое княжество Финляндское когда-то очень давно, дружили с карелами и финнами, но всегда оставались русскими.

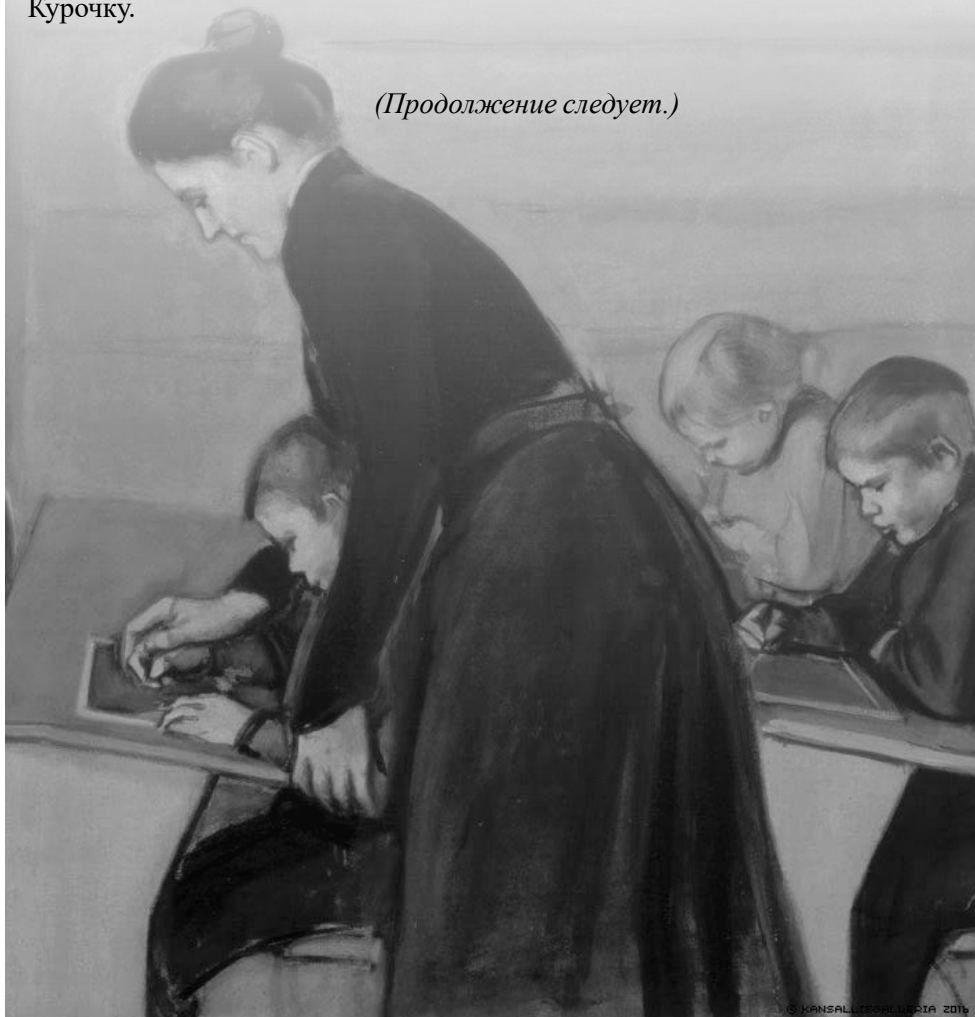
В пятом и шестом классах школы начались уроки природоведения: некая смесь между ботаникой, зоологией, физикой и химией, — всего, так сказать, понемножку. Учиться на этих уроках особенно не заставляли, потому что более серьезно к ним возвращались в лицее. Но Насте уроки природоведения запомнились особенно потому, что их вела учительница, которую дети называли Курочкой. Она была маленького роста, говорила всегда быстро, действительно, куда-то торопясь, как курочка. Учеников своих Курочка обожала, и они ей платили тем же. Иногда во время переменок, когда ребята бегали в зале, а учителя чинно сидели в учительской, она вдруг появлялась среди детей и, к их общему восторгу, начинала бегать за ними, хотя была уже не такая молодая, — не старушка, конечно, но все же не молоденькая. Бегала Курочка прытко, ловила мячик и уверенно его бросала, хотя, по правде говоря, бросать мячик в зале было запрещено, с мячом разрешалось играть лишь во дворе. На уроки природоведения Курочка часто приносила что-нибудь инте-

ресное, — микроскоп, камешки и ракушки или листья деревьев, — и рассказывала как они дышат. А раза два в год обязательно ездила с каждым классом в загородный зоопарк. Ее настоящее имя было, конечно, не Курочка, а Любовь Гаврииловна, но это было слишком длинно, особенно с двумя буквами И в отчестве Гаврииловна. Но Курочка соглашалась вполне и с одним И, объясняя, что по-русски можно и с одним, а с двумя — это по-церковнославянски: архангелы Гавриил и Михаил.

Заинтересовавшись архангелами, Настя стала искать книги, в которых можно было что-нибудь узнать про Гавриила и Михаила. Дома таких книг не было. В школьной библиотеке она тоже ничего не нашла. Тогда Настя спросила у Курочки, и та отправила ее в так называемую Купеческую библиотеку. Что ей дали в библиотеке, Настя не запомнила, но главным было то, что теперь Настя знала, где искать русские книги, изданные в царской России. Курочка иногда приходила к папе и маме в гости, и Настя услышала, как папа однажды сказал: «Любовь Гаврииловна всю себя детям отдает». Курочка была единственной учительницей, которая преподавала и в начальной школе, и в лицее. Переходя в лицей, школьники искренне радовались, встречая там родную им Курочку.

(Продолжение следует.)

Людмила Яковлева

Ludmila Jakovleva

108

Врач, кандидат медицинских наук. Работала в Ленинграде научным сотрудником в одном из ведущих медицинских НИИ, автор более сотни научных статей и книг. В 1991 году переехала в Хельсинки. В настоящее время является секретарем Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Рассказы и

переводы публиковались в журналах «Иные берега *Vieraat rannat*», «Родная Ладога», альманахе «Царицынские подмости», малотиражной газете «*Yhdessä*». Автор книг «Человек, утративший надежду. Биография поэта Вадима Гарднера, рассказанная им самим» (2008), «Записки дамы элегантного возраста» (2009), «Моих странствий ветер...» (2010), «Три цвета времени. Дороги, которые нас выбирают» (2013), «Судьбы моей калейдоскоп» (2014), «Ветер странствий» (2016).

Сицилия

Я сижу на балконе ослепительно белого,
с бирюзовыми жалюзи отеля.
В руках у меня чашка кофе, а над головой
ласточкино гнездо. Вечер. Птицы отходят ко сну,
мирно толкаются в своем гнезде
и тихонько воркуют нежными голосами.
Ласточка, не урони кусок глины мне в чашку,
недаром горничная каждый день моет кресло на балконе.

Внизу, прямо подо мной мирно шумит море.
Тысячу и еще раз тысячу раз волны Тирренского моря
с шорохом и шумом набегают на песчаный берег.
И вот я уже Одиссей, который с ужасом наблюдает,
как спутники его убивают священных быков бога Гелиоса,
а он знает, что им уже никогда не вернуться в родные края.
Смеркается: солнце, как и тысячу лет назад, грандиозно
и торжественно уходит в глубину моря.
Весь горизонт занимают разнообразного цвета тучи со всеми
мыслимыми и немислимыми переходами:
от светло-серого через темно-синий к черному,
и сквозь разрывы в них острыми и яркими лучами, как стрелами,
пробивается заходящее солнце.
Огромный раскаленный круг
медленно поглощается морской пучиной.
Вот видна уже только половина диска,
потом верхняя его часть. Быстро промелькнул
последний, зеленый луч, и стало совсем темно.
Здесь, на этой земле особенно отчетливо чувствуется
движение времени, прошлое переплетается с настоящим
и уже трудно понять, кто ты и где находишься.
Время...
Оно не имеет ни конца, ни начала.
Оно не торопится и никогда не останавливается.
Оно не любит, когда его убивают.
Великий Иммануил приравнивал его к Богу.
Нужно ли поэту знать о нем?
Нужно ли поэту помнить о нем?
Но тогда кто скажет, зачем существуют часы?

2016, 25 сентября

Сфинкс

Мужу моему посвящается.

*Сфинкс: Мы духи, дышим звуками пред вами,
А вы их воплощаете словами...*

Иоганн Вольфганг Гете, «Фауст».

Далеко, в неведомых странах,
на высокой, царящей над морем скале
живет сфинкс.
Он был человеком, но потерял дорогу к себе,
заблудился в хитросплетениях
своих мозговых связей и стал сфинксом.
У него чужое лицо, он не мигая смотрит вдаль,
давно забыл свою загадку
и не видит ничего вокруг.
Это сфинкс, это сфинкс, он заблудился в себе
и потерял дорогу к своей скале.
Мертвые никогда не встретятся с живыми,
а сфинкс никогда не задаст
свою загадку прохожим.
А вдруг загадки никогда и не было!
Вот сфинкс, вот сфинкс,
он заблудился в самом себе.
Ни боги, ни люди не помогут ему,
и он никогда не вернется к ним,
или, возможно, он ушел к богам
и люди уже неинтересны ему.
Вот сфинкс, вот сфинкс, он заблудился
в самом себе и ушел к богам.
В действительности это только
пустая коробочка с головой сфинкса.
Он сфинкс, он сфинкс, который заблудился
в самом себе и потерял дорогу к людям.
Придет время, и он, вспомнив свое человеческое,
расправит широкие крылья,
взмахнет ими и покинет этот мир,
бросившись со скалы в море.

2015, 27 июля

Что такое пустота?

Пустота, это когда в сердце невыносимая боль.

Пустота, когда ночь не имеет конца, а тишина кажется
оглушающим и все поглощающим шумом.

Пустота, когда умирает надежда.

Пустота, это когда утром не хочется
открывать глаза потому, что небо черное,
а солнце не поднимается вверх
и не совершает предписанный ему богами путь.

Пустота, когда звуки вызывают боль,
а музыка кажется какофонией.

Пустота, когда, глядя на цветы, хочется плакать,
а роскошные краски северной осени
острыми шипами впиваются в глазные яблоки,
и к ним хочется повернуться спиной.

Пустота, когда любимая книга кажется скучной,
а стихи бесполезным шумом.

Пустота, когда нет смысла жить,
когда не понимаешь, зачем утром поднимаешься с постели,
не помнишь, что было вчера,
и не знаешь, что делать завтра.

Пустота, когда каждый шаг требует невероятных усилий.

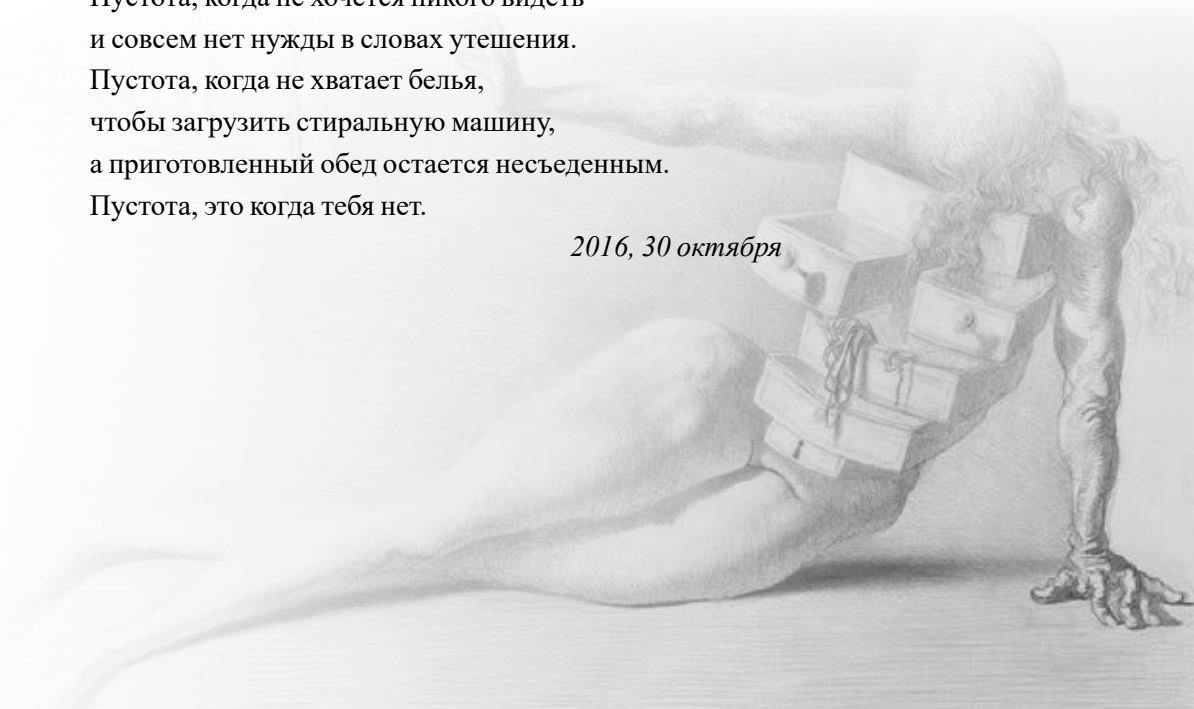
Пустота, когда не хочется никого видеть
и совсем нет нужды в словах утешения.

Пустота, когда не хватает белья,
чтобы загрузить стиральную машину,
а приготовленный обед остается несъеденным.

Пустота, это когда тебя нет.

2016, 30 октября

Salvador Dalí: "City of Drawers", 1936

«...И ВЕК МИНУВШИЙ...»

«...Ja vuosisata mennytkin...»

Дмитрий Шляпентох

Dmitriy Shlyapentokh

Родился в Киеве. Сын основателя советской социологии В. Шляпентоха. Учился сначала в Новосибирском государственном университете, а после переезда в Москву на истфаке МГУ. С 1973 по 1979 год работал в московском экскурсионном бюро. В 1979 году эмигрировал с семьей в США. Учился в Мичиганском и Чикагском государственных университетах (Michigan State University, University of Chicago). Доцент (Associate Professor of History) индианского университета в Саут-Бенде (Indiana University, South Bend).

Автор книг: "The Counterrevolution in Revolution" («Контрреволюция в революции»), (1999); «Russia between East and West: Scholarly Debates of Eurasianism» («Россия между Западом и Востоком: академические дебаты евразийства»), (2006); "The Proto-Totalitarian State Punishment and Control in Absolutist Regimes" («Прото-тоталитарное государство: наказание и контроль в абсолютистских режимах»), (2007);

"Societal Breakdown and the Rise of the Early Modern State in Europe: Memory of the Future" («Социальный разлом и подъем раннесовременного государства в Европе: воспоминания о будущем»), (2008); "The French Revolution in Russian Intellectual Life 1865-1905" («Французская революция в русской культуре 1865-1905»), (2009); «Russian Elite Image of Iran from the Late Soviet Era to the Present» («Образ Ирана в сознании русской элиты: от позднего советского периода до сегодняшнего дня»), (2009); "An Introduction to 'The Heart of Asia' by Nicolai Rerikh" («Введение в «Сердце Азии» Николая Рериха»), (2011); "Afanasiy Nikitins Journey beyond the three Seas: An Orthodox Russian in Medieval India" («Хождение за три моря Афанасия Никитина: православный русский человек в средневековой Индии»), (2011); "The Role of Small States in the Post-Cold War Era: The Case of Belars" (Роль малых государств в период постхолодной войны: Беларусь»), (2012); "Global Russia: Eurasianism, Putin and the New Right" («Глобальная Россия: Евразийство, Путин и новое право»), (2013).

Фемистокл, сын Неокла

(Начало в № 2 (21) 2016.)

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Перед ним стояла группа женщин. Впереди находилась статная старуха с распущенными черными волосами, которые очень шли к ее высокой сухой фигуре. Он мутными глазами обвел женщин: таких он не знал. Может быть, это дальние родственники, о которых он даже и не слышал. Но старуха тут же объяснила ему все. Она плакальщица, а это ее напарницы. Она предложила свои услуги. И тут же назвала цену, которая показалась ему необычайно высокой. Он совершенно неожиданно рассвирепел и стал кричать, что он не позволит себя грабить, и пусть все они убираются вон. Старуха с товарками попятилась к выходу. Там они столкнулись с родственниками, которые их остановили. Обе стороны пошли на компромисс, и конфликт был улажен.

Во время обеда он лежал молча, уткнувшись головой в подушку ложа. Его не тревожили, полагая, что он убит горем. Вечером всех родственников развели по комнатам, расстелили шкуры, тюфяки, расставили ложа. Гости ворочались и охали, скрипели кроватями. Утром их разбудил раб, и начались похороны. Сначала совершили возлияние в честь богов. Затем рабы взяли носилки, положили на них труп, носилки же поставили на колесницу. Тело лежало головой вперед, без маски, с открытым лицом. Под ним было одеяло, на нем туника и плащ. Процессия двинулась к кладбищу. Заунывно пиликали флейты, рыдали плакальщицы, однообразно и заученно. Под ногами хлюпала грязь. Ветер рвал серые облака. Из окон высовывались заспанные лица, раздавалась ругань. Было раннее утро. Наконец подошли к кладбищу. Кругом были разбросаны надгробия из мрамора и песчаника. На них были высечены воины, печальные фигуры, тушащие факелы, Гермес, провожающий души в темное царство мертвых, Харон, переплывающий Стикс в набитой мертвечами лодке. Валялись засохшие гирлянды цветов, стояли скамеечки, на которых кое-где сидели пришедшие сюда родственники: одни беседовали с усопшими, другие клали кутью и вино на могилу. На некоторых могилах плиты осели, иные же были свежие и чистые. Вид многих не наводил на него страха. Он просто удивлялся, что так много людей было и не стало, а когда-нибудь не станет и его – Фемистокла, сына Неокла.

Наконец он подошел к свежей могиле. Рабы, рывшие ее всю ночь, стояли тут же, чуть поодаль, около блестящих пластов земли. Они устали и жаловались, что после рыхлого и влажного грунта пошла земля с гравием, и им пришлось потрудиться. Все это они говорили окружающим, намекая на поощрение. Совершили обряды, положили труп в могилу и стали забрасывать его землей. Сначала комья упали на живот, затем на лицо, рассыпались на нем. Фемистокл увидел лягушку или жабу, случайно попавшую в яму ночью. Комья земли обстреливали ее, и она, чувствуя опасность, пыталась выпрыгнуть. Если бы у нее был разум, она тут же прекратила бы свои попытки, понимая,

что стенки могилы слишком высоки, но разума у нее не было, а был лишь один инстинкт – воля к жизни, и она боролась. Вскоре все тело было засыпано, и работа закипела более быстро и уверенно. Люди приободрились, сначала им было как-то страшно и боязно кидать землю на лицо и тело, сердцу трудно было втолковать, что это уже не человек. Этот страх делал движения рук неуверенными и слабыми, когда же тело полностью исчезло под слоем земли, все почувствовали себя легче. Перед ними была яма, просто яма, которую нужно было заполнить землей. Вот и все.

Через несколько месяцев Фемистокл уже забыл о смерти отца. Вернее, память была, но память разума, а не сердца. Он вспоминал об отце уже более рассудочно и холодно. Отца нет, и если его имя помогало ему, то теперь он должен рассчитывать только на себя, исключительно на себя. Вскоре его противники перешли в наступление, и он лишился своего поста в правительстве. Ему не удалось получить санкцию на постройку флота.

* * *

В том же году началась война. Мощная персидская эскадра с пехотой и кавалерией на борту взяла курс на Афины. Флот проплыл уже свыше половины пути, как вдруг случилось непредвиденное. Ясное и безоблачное небо вдруг заволочили тучи. Горизонт покрылся свинцовым, темным подтеком. Мерно заходило под днищами кораблей море. Ветер подул сильнее. Валы волн поднялись огромными зелеными гребнями, которые трепетали султанами шлемов атакующих гоплитов. Они наклонялись, готовясь к атаке, и один за другим падали на палубы. Волны накрывали их холодной стеклянной ладонью и скатывались вниз, смывая людей, бухты канатов, палубную надстройку. Люди цеплялись за мачты, за сиденья гребцов, за уключины. И всякий раз, когда волны подымались и нависали над ними, они со страхом ждали вязкого и мягкого удара, водопада, который, окатив их с головы до ног, властно потянет в холодную утробу моря. Многих смывало, на какое-то мгновение их головы показывались среди волн, а затем навсегда исчезали в кипящем водовороте. Тем, кто находился в трюмах, было не легче. Дикими буйволами носились многопудовые бочки с вином и водой. С треском разламывались глиняные сосуды, и вытекающее масло смешивалось с белой мукой и желтым зерном. Стаей волков рыскали груды одежды, сорванные полки, доски, доспехи. Люди увертывались от этих зверей, прятались в углах. Бочки сталкивались одна с другой, жалобно трещало выдержанное дерево. Они достигали людей, калеча неосторожных. От ударов глухо стонали шпангоуты. Людей рвало, рвало до икоты, до одурения. Корабли сталкивались, налетали на прибрежные скалы и подводные рифы, в пробоины с шумом врывалась вода. Безуспешно люди пытались остановить ее – она сбивала их с ног. Когда буря улеглась, и восходящее солнце осветило мыс Афон, Мардоний, зять Дария, главнокомандующий и сухопутными, и морскими силами персов, понял, что половина флота погибла в волнах – вместе с тысячами солдат экипажа и десанта. Сухопутная армия лишилась морской поддержки. *«О корабль, вот опять в море несет тебя / Бурный вал. Удержись! Якорь брось в гавани. / Неужели ты не видишь / Что твои борта потеряли / Весла – бурей твоя*

уже мачта надломлена».¹

В одну из ночей лагерь Мардония был подвергнут нападению. Он проснулся от шума. Схватив оружие, выбежал из палатки. По лагерю метались черные тени, похожие на людей. Строить в боевой порядок войска в такой обстановке было совершенно невозможно. Но уйти в палатку Мардонию не позволяло чувства долга, требующее, чтобы он как полководец присутствовал на поле битвы. И он стоял. Вместе с ним стояла стража.

Вдруг откуда-то сбоку вынырнула шальная стрела и вонзилась в центральный столб палатки, распоров ткань. Мардоний инстинктивно подался в сторону, но вторая стрела, такая же бессмысленная и лихорадочная, вонзилась ему в плечо, пробив кожу панциря и пройдя сквозь зазоры между металлическими пластинками. Острая боль обожгла его. К нему подбежали телохранители, закрывая тело военачальника щитами. Но выстрелов не последовало. Стреляли наугад. Мардония притащили в палатку. Отстегнули панцирь и обнажили большое белое тело, красноватое в свете факелов. Двое телохранителей схватили Мардония за руки, двое держали ноги. Врач острым ланцетом полоснул

Unknown author: "Fleet of Athens in Syracuse bay", 1878.

по ране. «А-а-а!» – завизжал Мардоний пронзительным женским голосом и стал биться в руках стражи. Врач сильно дернул стрелу из плеча и выдернул: «А-а-а!» – вновь завизжал Мардоний тонким фальцетом. Кровь свободно и радостно хлынула из раскрытой раны. Мардоний тихо охнул и обмяк, в рану засунули корпию, перевязали и смочили крепким вином. Раненого положили удобнее, накрыли одеялом, а начальник телохранителей выбежал узнать, что происходит в лагере.

Все было кончено, атака фракийцев отбита, но так как было еще темно, противника не преследовали. Мардоний лежал на постели. Вокруг него прогуливались телохранители. Он хорошо слышал, как ходят солдаты вокруг

1 Гораций Флакк Квинт, «К республике».

палатки. Он снова вспомнил все ужасы предыдущего шторма, ржание лошадей, треск дерева, падающие мачты, взмахивающие парусами, словно бабочки. А еще он очень отчетливо вспомнил туман. Это был какой-то дождь с туманом. Туман, словно серая легкая газовая ткань, повис очень низко над водой. В такие ткани одевали дорогих танцовщиц. Ткань была дырявая, клубящаяся, и сквозь дыры он видел голубоватые глянцевые горбы с плавниками. Плавники и горбы то появлялись, то исчезали. Их было много, очень много. Казалось, что плавники танцевали, кружились в хлопьях тумана. Они приближались к людям, гроздьями висевшим на досках и бревнах. Страшный крик разрезал воздух, и человек исчезал в воде. Она начинала биться бурунами, кипеть от ударов хвостов и плавников, иногда хвосты подавались вверх распрямленными лопастями и снова исчезали. Однажды среди бурунов поднялась голова со стесанным, как у триеры, носом и сжатыми челюстями. В глазах, маленьких и неподвижных, в глазах без век застыло что-то холодное, безразличное и в то же время лукаво смеющееся. В стиснутой пасти торчало кровоточащее человеческое туловище. Это продолжалось всего несколько секунд, затем голова снова исчезла в волнах, и борьба за человеческое мясо возобновилась. Но этих нескольких секунд было достаточно – находящийся рядом с Мардонием знатный перс из его окружения, молодой красавец, храбрец, доблести которого все дивились, завизжал не человеческим, а каким-то заячьим криком и прыгнул в воду. Он тут же был растерзан, темно-мяслянистое пятно расплылось по воде. Утром все акулы исчезли так же внезапно, как и появились. Лишь изредка их одинокие плавники легко и плавно резали тихое, глянцево-прозрачное море.

Мардоний пролежал несколько дней, рана воспалилась. А когда немного поправился, то понял, что дальше продвигаться невозможно. Мардоний ограничился оккупацией Фракии и вернулся в Азию. Весть о фактическом провале экспедиции сильно опечалила двор, но Дарий был слишком трезвым человеком, чтобы опасаться повторения шторма. Гибель эскадры — случайность, случайность и не более. И он стал готовиться к новому походу.

* * *

Через два года после злополучных событий ранним летним утром на пристани одного из портов малоазиатского побережья кипела работа. В трюмы сотен триер заходили лошадей. Они фыркали от страха перед водой и новым помещением. С пастбищ гнали овец и коз, тугое молоко капало с переполненных сосцов. Вкатывали бочки с вином и маслом. Зерном засыпались огромные глиняные сосуды. По сходням, прогибающимся от тяжести, всходили на корабль солдаты в шароварах и рубахах, с луками, копьями и плетеными щитами: люди шли непрерывным потоком. Они выстраивались на палубе, их пересчитывали начальники. Каждому отряду отводилось свое место, и солдаты, разложив свои вещи, усаживались. Некоторые стягивали с себя рубахи и, подставив плечи и животы солнцу, загорали. Другие оживленно обсуждали план предстоящей компании. На один из кораблей внесли на носилках дряхлого беззубого старца. Он осторожно слез с них и уселся на поставленное на палубу кресло. Опахальники навевали прохладу веерами, зонты на

длинных ручках отбрасывали тень, на беззубом рте застыло подобие улыбки. Раб-мальчик вытер платком слюну. Стариком в кресле был Гипсий, сын Писистрата, изгнанный тиран Афин. Он надеялся войти в город с помощью армии царя царей.

Наконец погрузка окончилась, корабль оттолкнули от пристани баграми, и он вместе со всеми отошел на несколько метров от берега. Ударили с плеском весла, запиликала флейта, и эскадра взяла курс в открытое море, приставая в пути к островам государств, без сопротивления признавших власть персов. Они не только снабжали персов всем необходимым, но и поставляли им рекрутов: греки шли сражаться против греков.

Вскоре персы приблизились к Эритрии. Этот город был воинственным и желал сражаться до конца. Без взятия Эритрии нельзя было подойти к Афинам. Персы втащили корабли на берег. Из них стали вытекать тысячи пехотинцев, выводили коней, которых тут же взнуздывали кавалеристы. Лучники вытаскивали из колчанов стрелы и делали пробные выстрелы.

Один из лучников видит старика-пастуха в зипуне, гонящего с берега десяток шелудивых, с репейниками в свалывшейся шерсти, овец. Они испуганно блеют. Старик объят ужасом, оборачивается, кричит овцам, чтобы те бежали быстрее, и лихорадочно стегает их хворостинкой, но не бросает. Маленький ягненок с жадностью присосался к вымени матери, она бежит, отталкивая его, но он продолжает цепляться за сосцы. Лучник заключает пари с пехотинцем. Он натягивает лук, щелкает тетива, и оба, и пехотинец и лучник, напряженно всматриваются в даль, стараясь проследить полет стрелы. Та вонзается в одну из овец. Овца пытается подняться, подымается и снова падает с жалобным блеяньем. Лучник торопливо накладывает вторую стрелу на тетиву, его глаза горят от возбуждения, руки трясутся. Лучника подзадоривают, ему стыдно за свой промах. Он вспотел и вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Прищуривается, натягивает тетиву. «Господи, великий светлый Армузд! Если ты дашь мне меткость и я попаду в пастуха, то я заколю в честь тебя лучшего барана из его стада!» Снова щелкает тетива, лучник подается всем корпусом вперед, как бы стараясь придать летящей стреле силу. Стрела попадает в голову овцы с ягненком, наконец дробит череп, и животное, как будто подкошенное, падает на прибрежный песок, дергая конечностями, ее остекленевшие глаза тупо смотрят в землю, из головы капает густая черная кровь. Ягненок пытается сосать умирающую мать, но она в предсмертной агонии ударяет его ногой, и он отскакивает, ничего не понимая. Через мгновение он снова подходит к ней с призывным блеяньем, его тонкие ноги шатаются, мордочка вытягивается, жадные губы схватывают сосцы, но молока нет. В это время вторая стрела попадает в спину старика. Тот как будто только и ждал этого и, тихо охая, хочет опуститься на землю, но, видя, как радостно и возбужденно бегут к нему люди, опять берет на себя тяжелую обязанность жизни. Он еще крепкий и жилистый старик, и он уходит. Люди подбегают к тому месту, где в него попала стрела, а третьего выстрела все нет.

Лучник, радостный и возбужденный, оправдывается перед товарищами: он не попал с первого раза потому, что солнце светило ему в глаза – сейчас

оно закрыто тучей. Он еще совсем молоденький, почти мальчик, с пробивающимися темными усикам. Во время путешествия он был очень услужлив, предлагал своим соседям то воду, то вино, им купленное, с остервенением добивался права спуститься в трюм и накормить, почистить, напоить лошадей для целого эскадрона. Всю дорогу рассказывал, как спасался от отца своей любовницы, которой у него, конечно, не было. В общем, смешил всех и очень хотел понравится ветеранам. А они теперь смеются, заводя его: «Смотри, старик жив!» Он, почти плача, с яростью обреченного снова хватается лук, накла-

Unknown author: "Departure of fleet", 1878.

дывает стрелу. Старик, пошатываясь, но не оборачиваясь, прошел уже шагов сто — сто пятьдесят, стрелой достать его уже достаточно сложно. Лучник натягивает тетиву и, прикусив губу, чтобы от волнения не дрожали руки, наводит лук на темную фигурку. Стрела вылетела из лука, и он с надеждой провожает ее взглядом. Он видит, что фигурка падает. Сердце радостно забилося у него в груди, и он, вереща от восторга, бежит к добыче. За ним гурьбой валят его товарищи. Старик лежит на земле лицом вниз. Стрела угодила ему в затылок, кровь идет горлом, голова в кровавой луже. Он хрипит. Кто-то поворачивает его сапогом на спину: глаза смотрят в небо, рот открыт и наполнен мокротой и кровью. Он мертв. Хороший выстрел. Стрелки хлопают парня по плечу. Он успокоен и возбужден одновременно. Ловят и гонят к кораблям овец, несут двух подстреленных. Кто-то отстегнул от пояса старика глиняную бутылочку и пьет из нее на ходу воду.

Эретрийцы готовятся к осаде: укрепляют стены, натаскивают на них камни и чаши с водой, расчищают колодцы, куют оружие. Персы становятся ла-

герем под стенами. Ждут недолго: пятая колонна открывает им ворота. Ночью персидская армия ворвалась в город. В деревянные дома, на соломенные и дощатые крыши полетели факелы и зажженные стрелы. Город запылал. Сначала огонь завладел каждым домом в отдельности, затем пожары соединились, и огненный шквал с гудением, ревом охватил центр и окраины. А среди полыхающих огромным костром зданий, среди падающих балок и перекрытий носились персидские всадники и пехота. Люди голышом выбегали на улицу, выпрыгивали из окон.

На следующий день, когда деревянные здания сгорели, начался грабеж, а через два дня все кончилось. На улицах валялись обгоревшие доски, рваные тряпки, битая посуда, открытые сундуки, обгоревшие и необгоревшие трупы людей, кошек, собак и лошадей, лежал мягкий, жирный, парной конский навоз. Было ясно и солнечно. По улице ехали кавалькады персидских всадников. Около сгоревшего дома с черными, обуглившимися досками и таким же черным, обуглившимся трупом с белыми оскаленными зубами отдыхали солдаты. Они сидели на плаще, скрестив ноги и с аппетитом хрустели огурцами и яблоками, с набитыми ртами ведя неторопливый разговор. Тут же, к обгоревшей части стены были привязаны их лошади, пытающиеся достать ветки рядом растущего дерева: оно лишь слегка обгорело, и крона было зеленой и свежей. Недалеко солдат играл с маленькой девочкой, ползающей около убитой матери. Девочка плакала, но затем она заинтересовалась золотым браслетом на руке перса. Перс снял браслет и дал посмотреть его девочке. Около них, захлебываясь от вдохновения, лаял пес, дворняга неопределенной породы. Перс кинул в него камнем. Пес отбежал, но продолжил гавкать возле обгоревшего забора, на который пулей взлетела взъерошенная кошка. Пес тут же забыл перса и начал лаять на кошку. Прошли солдаты, всадник провел связанных цепочкой двух стариков, девочку и молодую женщину. За углом солдат лежит на земле с изнасилованной девушкой. Платье ее разорвано, колени согнуты, в глазах равнодушие, такое же, как и в глазах перса. Он пьян и периодически отхлебывает вино из кожаной бутылочки. Штаны перса сняты, курчавится открытый черный пах.

Вечером был устроен настоящий рынок. Особенно бойкая торговля кипела в храме. Статуи были разбиты, и их руки, ноги, части туловищ валялись на полу, где расположились и люди. Храм набит, так что для того, чтобы выйти из него, нужно было протискиваться между куч мрамора и человеческих тел. Награбленная добыча лежала тут же, у ног владельца, и он был одновременно и продавцом, и менялой, и покупателем. Иногда товаром служили рабы и лошади, запертые в пристройках. Продавец и покупатель бежали туда. Тут храпели привязанные лошади, лежало сено, вонял конский навоз и человеческие фекалии, пленники сидели, лежали, тихо переговаривались, тут же справляли нужду и совокуплялись, матери укачивали и кормили грудью вопящих детей, девушка подкладывала сено под голову стонущей старухе, кто-то перевязывал раны. Внесенный светильник освещал все это красноватым неярким светом. Глаза людей жмурились: управляющиеся, особенно женщины, испуганно вскакивали, но продавец и покупатель ничем не интересовались, кроме предмета коммерции. Наконец он найден, освещен огнем

светильника, а затем продан или выменян. В захваченной Эретрии персы простояли несколько дней и затем отплыли дальше.

* * *

В дверь дома Мильтиада постучали. Шло пиршество. Бессвязный говор и обрывки песен были слышны уже на улице. Стучали настойчиво; старый привратник, повозившись с засовом, наконец открыл. Человек вошел, холодный и промокший, к двери хлынули опьяненные гости. Увидев представителя власти, они наперебой стали приглашать его к столу. Он отстранил их и потребовал хозяина: вышел сам Мильтиад. На нем был белый короткий хитон с пурпурной каймой, на лбу красовался венок из цветов, совсем не шедший к его серьезному лицу. «Стратег! Ты должен немедленно явиться в пританию². Война».

Разговоры немедленно смолкли, лица вытянулись, и люди стали медленно выходить из дома. Мильтиад, набросив плащ и нахлобучив шляпу с полями, вышел из дома. Ливень хлестал по траве, крышам домов, серые потоки дождя крутились над храмами, вращались над статуями и украшениями фасада. По каменным плитам текла вода, она скапливалась в прозрачные и бурлящие, как бы кипящие лужи. Он вошел в здание притании. Все стратеги были в сборе. Председательствовал полемарх Каллимах. «Кто будет говорить?» Мильтиад посмотрел на вставшего оратора. Это был высокий и статный человек с густой бородой.

– Я не хотел повторять вам общеизвестные вещи, но сам ход дела требует уточнения и повторения. Вы знаете, что Эретрия пала. Мы открыты для нападения. Нельзя сказать, что война была для нас неожиданностью. Мы понимали, что ее не избежать. Пританы, совет и вы во главе с достойным Каллимахом (тут оратор повернул голову к сидящим представителям совета и притании) делали все необходимое для того, чтобы Афины пришли к этой войне подготовленными и мощными. Но обстоятельства складываются, увы, не в нашу пользу. И мы должны иметь мужество посмотреть правде прямо в глаза. Мы бессильны. На кого мы можем надеяться? Перед лицом варварской угрозы мы делали все возможное для сближения со Спартой. Туда, как вам известно, было отправлено посольство, которое кончилось практически ничем. Эфоры сообщили, что поскольку стоит неполная луна, выступить в поход совершенно невозможно, ибо это будет противоречить обычаю, навлечет на Спарту гнев богов. Как вы все прекрасно понимаете, дело тут вовсе не в богах. Чем руководствуется Лакедемон? Может быть, он полагает, что ему удастся договориться с варварами или же он надеется, что ослабленный перс будет легко добит им после того, как истечет кровью на полях Афин? Замыслы Спарты нам неизвестны. Ясно одно – мы одни. И то, что боги накажут Лакедемон за предательство Эллады – это несомненно. Но так же несомненно, что нам от этого будет не легче. Мы имеем одного союзника – Платею. Но что такое Платея? Полторы тысячи гоплитов. А где лучники и кавалерия? Да и что такое тысяча гоплитов по сравнению с десятками тысяч персов?

Вдруг старческий визгливый голос вскрикнул: «Богов забыл, забыл, нечестивец, Пана забыл, который явился Филиппиду! Боги – вот сила. И сокрушит она любую силу человеческую. Кровь и мясо жертв, молитва и в бой! Сокрушим, если захотят бессмертные, а они не покинут народ свой». Оратор ласково и плавно повернулся к тому месту, откуда стрелой вылетел этот пронзительный голос, театральное негодование появилось на его лице.

– Граждане! Кто считает меня нечестивым, тот пусть подумает, прежде чем говорить порочащие слова. Любой член моего дома расскажет всем, что нет человека более благочестивого, чем тот, кто стоит перед вами. Я никогда не сомневался, как человек набожный, в силе бессмертных богов, но я всегда полагал, что человек разумный кроме молитв и богов будет учитывать и реальное соотношение сил.

Речь его была легка, приятна, великолепно поставленный голос передавал все оттенки мысли, он прекрасно играл им. Во время выступления он периодически поглаживал волосы и, поворачиваясь всем телом, обращался то к Полемарху, то к пританам, то к стратегам. Сначала оратор говорил изящно и даже, как некоторым казалось, весело, как будто он выступал где-нибудь на вечеринке и произносил застольный тост, но потом голос его усилился, туловище перестало поворачиваться, и взгляд устремился прямо на Мильтиада. Голос стал жестким и решительным в своей правоте.

– Мы всегда решительно выступали против тех, кто в угоду своему честолюбию, в угоду теориям бесплодным не желает видеть истину. Мы всегда говорили, что необходимо принять Гилия. Годы, проведенные нами при демократическом правлении, развеяли иллюзии, охладили горячие умы. Мы убедились, что это не золотой век Кроноса, что свобода не приносит ничего, практически ничего. Мы всегда поддерживали демократическое правление постольку, поскольку мы были добрыми гражданами страны и не желали ввергнуть ее в пучину гражданской войны. Но сейчас, когда мы стоим над пропастью, мы поднимаем свой голос в защиту всего святого, что есть у гражданина, его родины. Мы говорим «нет» тем политическим безумцам, которые хотят воевать, не имея ни лучников, ни конницы, ни союзников против армии, не знавшей поражения. Мы говорим «нет» тем, кто хочет затопить кровью граждан этот прекрасный город, — он обвел рукой стены зала, как бы желая показать всю прелесть Афин: сквозь узкие окошки сильно дуло и капал дождь.

Мильтиад молчал. Он опустил глаза. «Они вырвались, вырвались!» Он не думал, что они отважатся на открытый бой. Он недооценивал их смелость. И зря. Он встал.

– Я думаю, что есть и другие точки зрения.

«Отсидеться», – услышал он чей-то грудной грустный голос. Черноволодый вскочил и, не ожидая разрешения председателя, выкрикнул:

– Где отсидеться?.. Зачем?.. Мы прождем месяц, полтора, ну год. А затем?.. Или вы полагаете, что наше сидение будет нашим козырем? Или пример Эретрии ничего не говорит? Или вы забыли, что вы отдали на растерза-

ние толпе послов царя? Дети и безумцы, – голос его стал патетическим и, пожалуй, прекрасным, это отметили все, даже Мильтиад. – Имейте же разум – высшее благо для смертных!

Мильтиад снова встал. Он не мог, не умел говорить так звонко, так красиво. Он должен нанести удар только логикой, только разумом. О, как ему хотелось верить в этот разум.

– Граждане! Я не хочу говорить всем, что такое рабство, что такое персидское владычество. Братья, враг силен. Лучше других я знаю его силу. Но сражение с ним не бессмысленно. Численность персидской армии сильно преувеличена. Их тысяч десять-пятнадцать, не более. Если мы произведем тотальную мобилизацию, то сможем противопоставить персам не меньшее количество солдат, что же касается конницы, то она может действовать лишь на равнине. Атика не Фессалия – тут горы. Удачно расположив гоплитов, мы сможем свести на нет это персидское преимущество. Создав плотный заслон из щитов, можно избежать сильных потерь от стрел. Опыт показывает, что фаланга может атаковать и при сильном обстреле. Мы сможем выстоять.

Он обернулся к Каллимаху:

– В твоих руках, Каллимах, сделать нас рабами или же, освободив, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не воздвигали себе даже Гармодий и Аристокитон. Ведь с тех пор, как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гипшия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из Эллинских городов. Как это возможно, и почему именно это решение в твоей власти, я сейчас тебе объясню. Мы, десять стратегов, разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом прежде, чем у кого-либо из афинян возникнет гнусный замысел изменить, то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость. Все это теперь в твоей власти и зависит от тебя. Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен, и станет самым могущественным городом в Элладе. А если ты станешь на сторону противников битвы, тогда, конечно, мы погибем.

– А пехота, греческая пехота, которая есть у персов? – крикнул молодой мужчина.

– Ее мало, и ей не доверятся, – ответил Мильтиад.

– Слова, слова, слова! Доводов нет, – снова крикнул черноволосый.

Мильтиад сел и спокойно сказал: «Думаю, стратеги, что дальнейшие прения бессмысленны. Необходимо приступить к голосованию». Подняли руки. Аристиад и полемарх присоединились к мнению Мильтиада. Было решено объявить мобилизацию.

* * *

Армия шла к Марафону. Доспехи были сняты и положены на телеги: за солдатами двигались обозы. Было душно, и прозрачное облако пыли поднималось от сотен идущих ног. Впереди и позади шло боевое охранение. Группы солдат в полном вооружении должны были в случае нападения противника задержать его и дать основным силам время для приведения себя в боевую готовность. Пейзаж был обычным: пологие холмы, волнами уходящие за горизонт, свечами взметающиеся в небо кипарисы.

Фемистоклу было жарко, он вытирал глаза от липкого соленого пота. Мысль о том, что скоро, быть может, его убьют, заползала в его липкий, потный, мягкий мозг. Но она была ему чуждой и непонятной. Он не мог представить, что мир будет, а его не будет. Он закрыл глаза, чтобы понять это, перед ним зароились радужные круги, беспорядочно вспыхивали и гасли огоньки-образы. Ему показалось, что он когда-то уже ощущал подобное. Он попытался вспомнить, но не смог. Ноги его затекли, пот стекал по лицу, и он часто пил теплую воду, хотя и знал, что этого делать не следует.

Армии подошли к Марафону, где высадился персидский десант. Это была узкая долина, окаймленная с двух сторон холмами. Им не дали отдохнуть: опасаясь немедленной атаки персов, стратеги приказали создать заграждения против конницы. Выставив заградительные заслоны, вся армия стала собирать камни и складывать из них пирамиды. Однако к вечеру все поняли, что атаки не будет. Персы ждали. Ждали и греки.

Афиняне все еще надеялись на помощь Спарты. Персы всматривались в холмы, искали на их вершинах блестящий щит, означавший, что ворота Афин открыты. Но не было ни того, ни другого. Тогда, чтобы побудить персифильскую партию к более решительным действиям, было решено отправить к Афинам конницу и часть пехоты. В палатку Мильтиада ввели грека-перевежчика. Он упал в ноги: «Господин! Конница персов ушла к Афинам. Нельзя медлить ни мгновения». Он велит трубить всеобщий сбор. Всем передать: конница ушла. Эта весть с быстротою молнии пронесется по рядам. Надо атаковать немедленно. Фемистокл видит, как Мильтиад одевает латы. Есть люди, которые красиво едят, одеваются, на них приятно смотреть. Так Мальтиад готовился к битве: он пристегнул с помощью раба поножи из бронзы, одел тяжелый, медный, красно-блестящий панцирь, шлем с волнистой гривой, надвинул забрало, взял копье и щит. Солдаты выстроились, Мильтиад ослабил центр, но усилил фланги. Протрубил рожок, запиликала флейта, копья и султаны шлемов заколебались в такт мерно идущей пехоте.

Фемистокл не видел персов, он старательно всматривался в горизонт, но кроме каких-то бугорков не видел ничего (это были персидские палатки). Сейчас, в строю, ему было совершенно не страшно. Его отряд находился не в первой линии. Кругом было множество людей: люди впереди его, позади и по бокам. Они шли мерно, в такт звукам флейты. Вдруг он услышал какое-то шуршание. Фемистокл поднял голову, чтобы увидеть, что произвело этот странный звук, но не увидел ничего: солнце брызнуло ему в лицо. Он отвел глаза: оперение стрелы торчало рядом с его плечом. Оно было синего цвета,

почему-то он обратил внимание именно на это. Стрела сидела в плече солдата: он ругался от боли, пытался идти вперед, затем остановился и стал ждать, пока не пройдет колонна. Через несколько минут снова послышался шелест и посвист: Фемистокл увидел человека, который медленно оседал, таких людей было много. У человека, упавшего рядом, из горла шла кровь. Солдаты, не обращая внимания на умирающих, продолжали идти вперед, их лица были сосредоточенными и деловыми: так надо, это обычно, это предусмотрено. Однообразно и равнодушно пиликали флейты, и это мерное пиликание было жутким. Шелест стал повторяться чаще и чаще. По рядам пронеслось: «К атаке готовь!» Фемистокл поднял копьё, скомандовал своему отряду и побежал со всеми. Он слышал топот и горячее дыхание, воздух с силой вылетал из тысяч плоток. Затем он услышал треск, шум, крики и понял, что они столкнулись с противником. Странная мысль пронеслась в его мозгу: удастся ли ему так сильно ударить кого-либо копьём, чтобы убить? Он мог пробить копьём толстую доску и даже металлическую пластину, но здесь его охватила какая-то робость. Треск раздавался все ближе, наконец передняя линия разломилась, и в просвете он увидел бой. Треск слышался с боков, и он понял, что их окружают. Затем он увидел, как человек в шароварах подбежал сбоку к солдату с копьём и прежде, чем тот успел закрыться щитом, что-то с ним сделал. Солдат упал. Фемистокл понял, что это и есть перс, и его нужно убить. Он побежал прямо на него. Перс стоял, растопырив руки, в одной руке он держал короткий меч, в другой – плетеный щит, причем не защищался, а лишь в упор смотрел на бегущего Фемистокла. Тот с размаху всадил в него копьё. Перс вскрикнул и упал. Фемистокл удивился, что ему так легко удалось убить человека. Пробитый копьём хрипел, кровь хлестала из горла. Руки Фемистокла ослабели, пропали все звуки, его вдруг затошнило. Затем перед глазами замелькали люди, бегущие в разные стороны. Центр греков был разбит, но фланги, смяв персов, сомкнулись и нанесли удар по персидскому центру. Персы побежали. В жизни бывает так, что человек или целый народ идет к какой-то цели. Он идет к ней яростно и упорно. Сердце хочет ее, но разум холодно говорит сердцу, что, скорее всего, ничего не получится: всего один шанс из тысячи. И человек смиряется, смиряются народы и идут по инерции, без надежды на победу, идут лишь потому, что все равно куда-то надо идти. И вдруг победа, блистательная победа!..

Персы бегут. Они бегут, бросая оружие и щиты, путаются в одеждах, падают, подымаются и снова бегут. Нужно немедленно перерезать им пути к отступлению, зажечь корабли. Но солдаты стоят, копья и мечи взлетают вверх: «Гера! Гера!». Люди молотят по щитам древками копий, бьют плашмя мечами, стоит невообразимый шум, бессмысленные радостные морды. «Вперед, вперед!» — командует Фемистокл своему отряду. Он видит, что другие военачальники требуют того же, но тщетно. Воины стоят на месте, словно замороженные: «Гера! Гера!» Скоро экстаз прекратился, но время ушло. Персы снялись, потеряв всего лишь несколько кораблей. Не успели их паруса растаять на горизонте, как греческая армия без минуты отдыха идет в полном вооружении к Афинам. Вперед послан лучший бегун, который возвестит гражданам на площади радостную весть о победе – и упадет замертво. Сол-

даты вымокли, тяжелые доспехи и копья, покрытые засыхающей кровью и пылью, давят плечи. Но усталости нет. Есть нервный подъем, экзальтация, победа.

«Вы хотели убить мою душу? – проносилось в голове Фемистокла. – Я боялся смерти? Чепуха! Я хотел славы – это не чепуха. Вот она – слава, вот оно – бессмертие. Разве можно убить эти холмы? Эту траву? Эти храмы? Этих людей? Это ведь и есть моя бессмертная душа, это ведь и есть я. И как я не понимал до этого дня ничего, равным счетом ничего? Я гнался за славою, за блеском. Я хотел, чтобы меня почитали, чтобы я был богом. Но какой я бог? Я умру, все умрут, но их дети останутся. Затем все будут свободны, свободны и счастливы. И каждая минута будет вечностью. И времени больше не будет.

Unknown author: "Battle of salamis", 1878.

Да, все так думают, и этот юноша, и этот опытный лучник, и этот старик, – все до одного. Но они стыдятся говорить это, как и я стыжусь. А ведь когда я говорил на собрании о любви к родине, то не стыдился: не стыдился, потому что не любил. Пусть они нас атакуют, пусть на каждого будет десять персов – все равно их отбросят. Потому что я и все, мы чувствуем силу не людей, но богов. Да, сейчас мы все – смертные боги!»

Когда персидская кавалерия подошла к стенам Афин, вместо открытых ворот и жителей, молящих о милосердии, она увидела ряды гоплитов, покрытых пылью, кровью и потом, но готовых дать новый бой свежей и превосходящей по численности персидской кавалерии. И персы его не приняли!

Народ встретил армию восторженно. На воинов летели цветы, девушки бросали им гирлянды, а они шли спокойно и радостно и пели победные песни.

Мильгиада несли на руках. Народное собрание постановило, что он имеет право мобилизовывать армию без санкции собрания и совета и направлять ее туда, куда сочтет необходимым для блага Афин. Ему безгранично доверяли. Война была выиграна.

Счастливым и взволнованным пришел Фемистокл домой, лег на койку, в сладкой усталой дреме закрыл глаза: перед ним вновь возникли радостные лица сограждан. Когда же он спокойно осмотрел комнату, то все опять стало прежним – и сама комната, и мебель, и блюдо с недоеденной рыбой, и сам он должен возвратиться к будничным заботам. Он вспомнил, что большая часть жизни уже прожита, а он никто, практически никто. Он посмотрел на рыбий скелет, у головы которого засохло мясо, на просынную кашу и подумал, что вот так, незаметно он прожил две трети жизни. Еще десять-пятнадцать лет, и начнется старость. Он вспомнил о своих мечтах в юности, о бешеном честолюбии, о собственных способностях, вспомнил и сопоставил с рыбьей головой и кашей на столе. Вспомнил о радостном экстазе Марафона, но тут же зло осадил себя: «Экстаз, Фемистокл? Экстаз – это прекрасно, это вино, опаивающее душу. Без вина нельзя жить смертным, но нельзя и всю жизнь пьянствовать. А ты пьянствовал. Сначала ты опаивал себя женщинами (ты был молод, и это прощается тебе), затем – позерством (ты вырос, возмужал и должен бы поумнеть), потом ты взялся за ум и занялся политикой: ты, пьяница жизни, попытался спойть других, но у тебя ничего не вышло, и ты снова запил – Марафоном. Будь умным человеком. Брось это! У тебя есть шанс, маленький шанс, но есть. Ты еще можешь уйти из жизни, насытившись славой и днями. А общественное благо? Но общественное благо создается удачливыми. А если тебе не нравится эта оговорка, то послушай, какое тебе дело до общественного блага, если ты сам живешь один раз? Один раз. Ты чувствуешь, Фемистокл? Ты должен чувствовать. Таков твой возраст, он учит мудрости. Ты лыс, тело тяжелеет, ты находишь в висках седые волосы. Помни, Фемистокл, один раз. Это – истина, а дальше – смерть, пустота. Это тоже истина. Эти истины очевидны Мильгиаду, ему слава и власть, тебе – «благо». Ты можешь еще нанести удар, ты знаешь, куда бить, у тебя есть опыт».

* * *

Обвиненный в измене, был сослан Мильгиад. За Мильгиадом последовал Аристид Справедливый. Он был справедливейшим из справедливых, благороднейшим из благородных. Никто не выполнял общественные поручения столь самоотверженно, никто не трудился на благо родины с такой самоотдачей. Он был безукоризненным праведником, богом. Афиняне не любили таких прекрасных богов, видя в их добродетели было нечто тираническое, поскольку она возвышалась над простыми гражданами. Аристид стоял в толпе народного собрания. Его никто не узнавал. Его узнавали все, когда он находился в ореоле славы. Но стоило ему сойти с пьедестала и перестать быть статуей бога, как он сразу же растворился в толпе. Всем раздали глиняные таблички, в которых каждый должен был нацарапать имя человека, опасного для народной свободы. Старый крестьянин толкнул Аристида: «Гражданин, я безграмотен, напиши на этом черепке имя Аристида». Аристид удивился и спро-

сил: «Какое зло причинил тебе Аристид?» Тот ответил: «Никакого – я вообще не знаю даже этого человека. Но мне надоело, что его постоянно называют справедливым». Услышав это, Аристид ничего не ответил, но написал свое имя и вернул его гражданину. Когда же его изгнали из города, он поднял руки к небу и стал молиться, но его молитва была, как видно, совершенно противоположна молитве Ахилла: он молился, чтобы афиняне никогда не оказались в таких обстоятельствах, когда им придется вспомнить об Аристиде. «Подло, подло, – думал Фемистокл, тем не менее, ощущая удовольствие от того, что подло-нервный озноб проходил по его коже. – Они думали, что меня возьмут голыми руками, оболванят, приручат как львенка: это – благо, а вот это – зло, это подло. Ну что, что вы меня пугаете словами. Это формулы, это слова, пустота по обе стороны мира. И пусть они теперь обличают меня, пусть клянут. Я вырвался. Я вырвался, разорвал веревки и спасся. И пусть они презрительно усмеваются, пусть качают головами. Я знаю, я уверен — я спасен».

Огромная империя недоумевала, как они могли выстоять. Персы перебирали достоинства и недостатки противника. Победа была рядом, рядом, совсем рядом, уже касалась ее рука. Но птичка улетела, хотя приманка и силки были отличны. Это случайность. Случайность, которая дважды не повторится. Мы были слишком самоуверенны, полагали, что Афины можно взять голыми руками. Но теперь персы не будут столь самонадеянны. Великан поднялся во весь рост, империя приготовилась, но не успела – умер Дарий. Его наследник Ксеркс стал готовиться к решительному наступлению на Элладу. Решение было бесповоротным. По нервам побежали к мускулам приказы. Боги одевали доспехи. Летите, летите, вестники! Пусть молятся о победе и вооружаются летящими по веткам обезьянами многорукие и многоликие боги Индии. Пусть трубят боевые слоны, растопырив уши, пусть поднимают плоские колеблющиеся головы змеи, пусть высовывают колеблющиеся, словно пламя костров, раздвоенные языки, пусть судорога пройдет по глянцевой коже, пусть сожмутся для прыжка тигры в джунглях Бенгалии. Армия, одевай доспехи! Так говорит мышцам мозг. Летите, летите, вестники! Пусть молят о победе и вооружаются звероподобные боги Египта. Боги чужие, боги звериные, боги холодно жестокие и безразличные к человеку, как плиты пирамид. Пусть открывают пасти нильские крокодилы среди стоящих в мутной воде фламинго. Пусть рычат, придавив лапой антилопу, львы пустыни. Летите вестники, летите! Пусть молят о победе и вооружаются боги Вавилона и Ассирии. Пусть Ассур вспомнит свою былую мощь. Встань, ты был один. Теперь же ты мышца огромной руки. Готовьтесь. Точите мечи. Летите, вестники, летите! Пусть вооружаются боги Персии, пусть вооружается бог света, пусть сплотит под своими знаменами всех богов необъятной империи, сплотит и завоеует Элладу.

Готовилась к войне и Греция: практически одни Афины. Фемистоклу удалось вслед за Аристидом и Мильтиадом убрать всех остальных своих аристократических конкурентов, и путь к осуществлению его программы был открыт.

Идет восьмой год после битвы под Марафоном. В Афинах строится эскадра. Верфи. Фемистокл ступает по мягкой деревянной стружке. Пахнет деревом и морем. Кругом торчат скелеты будущих судов. Прекрасные суда, отличные суда, и как скоро и ладно стучит топор и визжит пила, даже мастера ругаются как-то бодро и весело. И эти скелеты вовсе не пугают его, они обрастают мясом, скоро по ним побежит кровь жизни. Он вдохнул воздух, едкий и пьянящий воздух моря. «Я пьян, – подумал он, – опять пьян. Меня пьянит успех, как пьянило вино, деньги, женщины. А может быть...». И странно, он не смог улыбнуться этой мысли. У него не хватило сил посмотреть на нее сверху вниз. И это бессилие почему-то (этому он удивился сам) не раздосадовало его. Наоборот, какая-то щемящая, пьяная, сладкая боль наполнила его сердце. Ему стало грустно и радостно одновременно, и он ощутил какую-то легкость. Так легко и свободно он не чувствовал себя уже долгие годы. «Успех? – Фемистокл усмехнулся и потрепал лысую голову. – «Поседели, поредели кудри – честь главы моей!» – вспомнил он Анакреонта. – Иду к концу, а все о том же, об успехе. Не справиться, одним трудно, очень трудно. До чего глупы эти спартанцы, да и другие до чего глупы. Они думают, что их обойдет, пронесет. А может быть, ничего не думают, может быть, просто смирились?» Он вспомнил свою последнюю мысль: «Иду к концу». «А может и верно? – задал себе вопрос Фемистокл. – Конец, все кончено. Пустота. Смерть. Трезвость и... дать, дать им «земли и воды»?.. Ты устал, – сказал он самому себе, – устал, нужно отдохнуть, много пустых мыслей, половину можно выбросить, да что там половину, четыре пятых». Он улыбнулся и пошел домой.

* * *

Сталь короткого меча рыбьей чешуей блеснула и скрылась в волне. Царь поднял руки навстречу восходящему солнцу. Его примеру последовала охрана в длиннополых одеждах. Солнце поднялось выше, лучи его вонзились в курчавую бороду царя, в золотой обруч тиары, отразились от нее и полетели в огромную опрокинутую чашу неба. «Да пусть Ормузд дарует нам победу», – твердо сказал царь, и глаза его пристально и наивно-серьезно посмотрели за горизонт. Там, на другом берегу Геллеспонта виднелась маленькая рыбацья хижина, мост, положенный на кораблях, утончался в пространстве заостренной убегающей стрелой. «Да будет!» – словно эхо, повторили ряды персидских царских телохранителей, а затем и вся армия.

Началась переправа. Впереди шел обоз, затем полчища многоплеменных народов. Шла индийская и персидская пехота, вооруженная длинными копьями, короткими мечами и саблями. Шли ассирийцы в остроконечных медных шлемах, блестящих на солнце красным светом. Индийцы в белых дхоти. Каспии в козьих шкурах. Смуглые эфиопы в плащах из леопардовых и львиных шкур. Все это шло, ехало, катилось беспорядочной массой. Тысяча ног ступала по доскам моста, колыхались, опускались и подымались копыта, развевались ленты, изображения божеств на шестах, флаги, султаны шлемов, шкуры, слышался говор сотен народов, ржали лошади и тряслись

телеги с наваленным на них обозным добром. Из палаток, поставленных на повозки, высывались белые, оливковые и черные лица женщин – гаремы. В носках торчали кольца, рукава были увешаны браслетами, белые зрочки с любопытством перебегали с одного конца непрерывной ленты на другой. Блестели медные и бронзовые сосуды для приготовления пищи, металлические ванны военачальников, на горбах верблюдов громоздились корзины и амфоры с провиантом, катились колесницы.

Переправившись на другой берег, подразделения отступали в сторону, чтобы освободить место для вновь прибывших. К вечеру огромный лагерь светился тысячами костров, а армия все шла и шла, и казалось, что не будет конца этому бесконечному потоку людей и животных.

Армия растекалась по Балканам, захватывала область за областью, город за городом. Они шли по пыльным дорогам, и пыль от тысяч копыт, колес и ног поднималась серым удушливым облаком. Лишь горбы верблюдов с наездниками подымались над хребтами гор среди облаков. Вечером пыль превращалась в тонкую и прозрачную ткань танцовщицы, и босые ноги по щиколотку утопали в ней. Они шли ярким днем, когда солнце светило безжалостно, и белые полосы пота выступали на коже и материи лат. Они шли в дождь, когда на ноги и обувь липла грязь, увязали телеги и скот; они шли сквозь леса Македонии под шелест крон деревьев, щебет птиц и шум убегающих оленей. Они шли среди гор, обвиняя их, словно удавы, кольцами своих колонн. Ночью армия светилась глазами тысяч костров, которые будто отражали звезды неба. Черными группами темнели палатки военачальников и телеги, пахло дымом, мясом, потом людей и животных, цокали лошади часовых. Страдала армия лишь от диких зверей. Особенно доставалось верблюдам. Почему-то очень полюбили их огромные львы. Часто по ночам звериный рык будил людей. Они бежали с факелами и оружием к верблюду, на котором, будто всадник, сидел лохматый, гривистый лев, вцепившись животному в загривок. Несчастный ревел и яростно тряс туловищем. Видя, что так ему не сбросить наездника, верблюд падал на бок. Лев отскакивал, скалил зубы и глухо рычал. В красном пламени факела черной тенью колебалась зловонная пасть, хвост резко ударял по ребрам. Щелкала тетива, со свистом летели в хищника стрелы. Обычно он камнем, пущенным с крепостной стены, сшибал людей и исчезал во тьме. Иногда стрелы наносили ему смертельную рану. Лев обрастал копиями и стрелами, превращаясь в дикобраза. Он в бессильном гневе перегрызал хрупкие древки, катался по земле и издыхал. Утром трубил рожок, и армия снова подымалась и шла все дальше и дальше на юг. На привалах солдаты падали в мягкую траву и сено, облепляли берега водоемов. Говорили, что им не хватало воды, целых рек. Они шли несокрушимой, непреодолимой силой, которая как бы говорила Элладе: «Смирись, будь разумной, мы неизбежны, как смерть для каждого из живущих». И боги Греции смирились.

* * *

По крутым дорогам медленно поднимался караван. После нескольких часов пути караван подошел к храму. Что это не эллины, вышедший мальчик-служка

понял сразу, но не растерялся. В священные Дельфы приходили не только греки, но и варвары. Он знал, что где-то там, внизу, идет война, что Ксеркс – царь персов с огромной армией – пошел на Элладу. Некоторые говорили, что это вовсе не Ксеркс, а сам Зевс, который решил погубить греков. Ему стало неуютно при виде вооруженных людей, и он раздумывал, почесывая за ухом, бежать ли ему или стоять смиренно, как и подобает служителю Аполлона. Но тут он услышал речь – прекрасную эллинскую речь. Настоящие эллины не говорят так правильно. Они всегда вертятся на рынке, улице или на площади, а уличные торговцы никогда не вникали в грамматические тонкости. Речь была правильной, слишком правильной, отточенной. Его позвали. Служка подошел. Перед ним был человек знатный – это он сразу понял по золотым украшениям, по дороговому эфесу короткого греческого меча. Глаза прищельца были добрые, блестящие, борода коротко пострижена.

– Ты служка?

– Да, – ответил он.

– Позови старшего.

Мальчик не стал расспрашивать о звании и чине, о месте, откуда прибыл человек с коротким мечом. Он понял, что перед ним человек значительный и важный, и поспешил доложить.

Вышел главный жрец – старик с длинной козлиной бородой и жилистыми руками. Он был одет в длиннополую одежду из белого льна, в какую обычно одевают актеров, играющих царей. Да и в самом его облике было что-то от театрального величия.

– Что тебе нужно, странник, в доме бога? – спросил он напыщенно. Чувствовалось, что эту фразу он произносил тысячи раз.

– Я хотел бы поговорить с тобой, старик, – ответил спокойно и негромко человек с коротким мечом.

И этот простой и уверенный ответ сразу снял неведомую пелену, закрывающую глаза жреца. Он как будто очнулся от сна. Быстрым, умным взглядом он разглядел стоящего перед ним человека, нагруженных тюками ослов и вооруженных людей и понял – перед ним стояли персы. Старик сразу съежился, от былой напыщенности не осталось ни следа. Ему стало как-то пусто и очень страшно, он сразу вспомнил, что он – семидесятилетний старик и что эти сильные молодые воины могут его прибить, как пса, и никакой бог ему не поможет. Он сел на стоящий рядом валун.

– Что вам нужно? – он еще пытался сохранить величие и спокойствие, но дрожащий голос его выдал.

Высыпали остальные служители в своих рабочих одеждах: в белым хитонах, с лавровыми ветвями, венками, сосудами для возлияний. А в центре круга сидел он, символ бога с опущенными руками, жалкий от страха, который он уже и не пытался скрыть. Этот страх передался и стоящим людям. Они подались в сторону, когда перс еще ближе подошел к старику.

– Жрец, я представитель царя персов и хотел бы поговорить с тобой, как со служителем Феба. И желательно при закрытых дверях, – сказал перс.

Старик встал, и они вошли в храм, в помещение, где обычно народ ждал ответов на вопросы. Оно было очищено персидскими солдатами. Два стража встали у входа. Старик и перс сели на скамью. Но перс вдруг встал и, меря шагами комнату, стал говорить.

– Жрец! Ты, наверное, знаешь, что сейчас война, что царь персов, мидян, лидийцев, финикийцев, сирийцев, нубийцев и многих других стран, царь мощный и непобедимый, вступил в пределы Эллады. Некоторые сравнивают его с богом, и он действительно является богом.

Кончив фразу, он поднял голову и посмотрел на жреца добрым и печальным взглядом.

– Зачем мы начали войну?

Казалось, он отвечал самому себе, казалось, что только ему одному был интересен этот вопрос.

– Во-первых, для наказания Афин, которые помогали мятежным ионянам. Во-вторых, – тут он начал говорить бойко и быстро, чувствовалось, что это было заучено перед началом экспедиции, – царь, любящий порядок и счет, ненавидящий беззакония, не может спокойно смотреть на то, что эта прекрасная страна, управляемая такими чудесными богами, находится в состоянии анархии. Мы всегда любили и эту страну и этих богов, Аполлон и Гелиос всегда были нам близки как боги света, мы считаем, что вы и мы молимся одним богам, но называем их по-разному. Нам дороги интересы Греции, мы идем на нее ради ее же пользы. Это мы говорим всем от чистого сердца. Ты веришь мне, старик?

Он поднял голову, и глаза его загорелись. Жрец сидел неподвижно, глядя в пол. Он находился в каком-то забытии, и голос перса доходил до него как из глубокого колодца.

Услышав вопрос и толком не поняв его, он, тем не менее, утвердительно закивал головой.

– Значит, ты веришь мне – это хорошо. Доверие – это главное.

Он снова заходил по комнате, продолжая что-то быстро говорить себе под нос. Жрец не слушал его. Постепенно он понял, что непосредственной опасности нет, что его не прирежут, не разграбят святилище – во всяком случае, сейчас. Осмелев, он снова как бы надулся изнутри воздухом, выпрямился, к нему вернулось театральное-величавое выражение лица. Он встал и не без достоинства сказал:

– Но чем могу помочь вам я, слабый старик? Я, конечно, могу спросить у бога исход вашего похода. Я уверен, что он даст благоприятный ответ.

Перс усмехнулся.

– Я тоже в этом не сомневаюсь. Нам не нужны предсказания богов, но

они нужны другим. Греция обречена. Бог понимает, что сопротивляться нам бессмысленно, совершенно бессмысленно. Но этого не понимают другие. Греки – дети, они не могут соразмерить свои силы. Не все обладают трезвым мужским умом. Многие оглушают себя словами и берут в руки оружие. Мы совершенно точно знаем, что Афины готовятся к войне. Определенные военные приготовления идут и в Спарте, хотя мы и надеемся, что разум там в конце-концов восторжествует. Но мы готовы к неожиданностям. То, что сопротивление будет подавлено – в этом никто не сомневается. Словами не заменишь недостающих воинов, но сопротивление – это жертвы и с той, и с другой стороны. Бессмысленные жертвы, жертвы, не меняющие исход битвы. Но мы не хотим их. И здесь нам должен помочь бог. Бог мудр, Бог знает истину, и когда к нему придут греки, он должен дать им мудрый совет, понимаешь, мудрый, – теперь он стоял прямо, не ходил и смотрел на старика в упор холодно и бесстрастно, как будто кто-то чужой говорил в нем. – А чтобы ты знал, что расположение царя – не слова, мы принесли Фебу кое-какие подарки. Это – лишь начало, и если служители бога, – он выделил голосом эти слова, в упор посмотрев на старика, – правильно истолкуют грекам пророчества Аполлона, то они получают новые дары. Все зависит от правильного истолкования.

Перс хлопнул в ладоши, и стража бережно внесла завернутые в ткани сокровища. Веревки были разрезаны, и дары царя царей явились восхищенному взору жреца. Тут были драгоценная утварь, золотые и серебряные чаши для возлияний, бронзовые котлы, одежда, тиары, ткани, дорогое оружие и множество других прекрасных вещей.

Жрец не верил своим глазам. Он подносил ткани к лицу, рассматривая прихотливый узор. Стучал костяшками пальцев по днищам тазов и сосудов, издававшим мелодичный звон. Перс смотрел на жреца с холодным любопытством естествоиспытателя. «Это богу, а вот это тебе лично», – старик на лету поймал тяжелый мешочек. Он почувствовал – это золото. Тут же торопливо развязал и высыпал дары на камень. Подбросил монетку. Она звякнула. Посмотрел на рисунок. Провел по нему пальцем. Он забавлялся, как ребенок. Перс участливо посмотрел на него. Он вспомнил себя кучерявым мальчиком, которого обучал эллинской речи похожий на этого старика раб его отца. Он любил, по-своему любил Элладу, ее культуру и не расставался с Гомером даже в походе.

Бог все хорошо запомнил, и когда в Дельфы было отправлено посольство, Феб дал грекам следующий совет: *«Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу, / Дома покинув и главы высокие круглого града. Не устоит ни глава, ни тело пред гибелью страшной. / Не уцелеет. Но все истребит, и град сей погубит жестокий / Арес, что стремится колесницу сириян. Много и прочих твердынь – не только твою погубит. / Нынче кумиры бессмертных стоят, уже в стране трепещут, а кровли их храмов / Черною кровью струятся в предвестии бед неизбежных»*.³

Фемистокл понял сразу – оракул подкуплен. Он поехал в Дельфы в тот

же день, негласно, в строжайшей тайне, скрыв цель поездки даже от родных и друзей. В Дельфы он приехал поздно вечером и тут же потребовал главного жреца. Служитель ответил, что уже очень поздно, жрец устал. Он ответил, что его имя – Фемистокл и он не может ждать, он желает поговорить с жрецом по делу, которое касается не только его, но и интересов всей корпорации Дельф. Он был принят в той же комнате, что и перс. Величавый жрец в длинных ниспадающих одеждах белого льна встретил его при свете смоляных трескучих факелов. Он сидел, выпрямившись и застыл в величаво-спокойной позе египетской статуи. Сейчас ему нечего было бояться – перед ним стоял грек, и пусть он будет каким угодно философом и даже атеистом, все равно он эллин и не посмеет не то что тронуть его, первого слугу Феба, но даже сказать дурное слово. «Что угодно?» – глаза жреца смотрели поверх Фемистокла. Голос выходил как бы из подземелья, он хорошо играл свою роль. «Я хотел бы поговорить с тобой, жрец. Я Фемистокл, сын Неокла, представитель народа афинского. Узнав о столь ужасном решении бога, я немедленно прибыл сюда. Я не могу представить себе, чтобы Феб был столь безжалостен к эллинам». – «Вы забыли, что Аполлон помогал Гектору и троянцам в войне с греками. Вам нужно читать Гомера». Слова эти были сказаны тем же спокойным бесстрастным тоном, но Фемистокл понял: жрец смеялся, веря в свою безнаказанность. В груди Фемистокла закипело бешенство. Он сжал до боли кулаки, чтобы сдержаться, и снова сказал спокойным и ровным голосом: «Жрец, это не шутка, это не Гомер... Это живые люди. Это судьба Эллады. Сейчас не время для шуток». – «Что вы обращаетесь ко мне со своими претензиями? Я жрец. Я не Феб. Феб мне не подвластен. Его воля, его желание. Он сказал устами Пифии, и я истолковал. Вообще-то это делают другие. Но тут были такие важные гости».

«А может быть, до афинян здесь были еще более важные гости?» – Фемистокл задал вопрос резко и быстро, как ударил мечом, и почувствовал, что удар попал в цель. «На что ты намекаешь?» – так же спокойно и уверенно ответил жрец, но Фемистокл, почувствовав, что в ровной, отполированной до блеска гранитной стене появился зазор, ухватился за него. Он перешел в атаку. Надо сломить противника, нельзя дать ему укрепиться. «Ты знаешь, откуда они пришли, эти гости. От них ты получил и перстень, тот, что на твоей руке». Он увидел, как, блеснув в пламени камнем, рука инстинктивно дернулась, – казалось, она дотронулась до раскаленного металла. «Как ты смеешь! Ты у бога!» – голос жреца сорвался. Враг дрогнул. Сквозь монотонно-полированную речь египетской статуи прорвался крик, он боялся. «У тебя нет доказательств! Это домыслы. Ты шантажируешь. Да! Да! Ты шантажируешь, – («Он сорвался, – подумал Фемистокл, – перешел на крик»), – и хочешь, чтобы я тебе поверил. Ты требуешь денег. Ты хочешь выманить деньги у бога. Все знают, что ты за человек. Все знают, что ты развратник, корыстолюбивый потаскун. Потаскун! Потаскун! Я перед всеми скажу, что ты – растратчик государственных денег, взяточник и потаскун, кобель. И такому вот человеку доверили управление государством!» Жрец уже не был величавой статуей. Борода взъерошилась. Поседевшие, но еще роскошные густые волосы растрепались. Он напоминал петуха, готового атаковать противника. Он подбежал к Фе-

мистоклу совсем близко и провизжал тонким фальцетом в самое ухо: «Потаскун!...» И тут неожиданно для самого себя Фемистокл схватил его за руку.

В молодости ему нравилась одна женщина – надменная гордячка. Муж развелся с ней, и она была в своем унижении горда и неприступна. Он хотел ее, очень хотел. Он говорил ей множество всяких глупостей. Бегал вокруг нее, цитировал классиков, дарил подарки. И чем больше хотел ее, тем больше боялся. Он боялся не то что взять ее, но даже коснуться руки. И вот он поставил перед собой цель: обнять ее и насильно поцеловать. Он знал, что она оттолкнет его, что между ними все будет кончено. Но он это сделал. Действительно, произошло все то, что он предвидел – она оттолкнула его, и они расстались навсегда. Но он не жалел, ибо победил собственную робость, он послушался разума.

Рука старика была сухой и жилистой, он нащупал пульсирующую кровь вздувшихся вен. Она дернулась, но, почувствовав силу, тут же обмякла. Фемистокл потянул его к себе, и жрец послушно плюхнулся рядом. «Я позову на помощь, это насилие», – простонал он слабым и покорным голосом. Фемистокл придвинулся к нему и зашептал в ухо горячим сухим дыханием, полагая, что шепот дойдет до него лучше, чем крик: «Старик! Все мы люди, я тоже не святой. Тебя подкупили, я это знаю, иначе ты не дал бы таких паскудных толкований. Молчи! Говорю тебе, молчи. Ничего не говори о голосе бога. Не нужно со мной играть. Все мы люди, я тоже брал взятки. Я тоже, как и ты, люблю деньги, а сейчас, быть может, больше, чем раньше. Раньше у меня были еще и женщины. Много женщин. Я и сейчас их люблю, но старею. Одна утеха – тщеславие и деньги. Вот видишь, я такой же мерзкий тип, как и ты. Меня не стоит бояться. Доверься. Ты подкуплен персами. Но не только это – ты боишься их репрессий. Их армия стоит недалеко от Дельф, я это знаю. Но пойми, что если вдруг мы все-таки их разобьем, и эллины узнают о твоих происках, то ты представляешь, что будет со всей твоей корпорацией? Ты любишь ссылаться на мифологию. Так вот, Геракл, которому не понравился ответ пифии, вытащил жертвенник из храма. Это цветочки по сравнению с тем, что здесь произойдет, если ты будешь упорствовать. Ты знаешь, как эллины суеверны, как все может рухнуть из-за твоего толкования. У нас все готово: флот, огромная сухопутная армия – чуть меньше персидской, но неизмеримо лучше по качеству. Ионийцы готовы отложиться, это мне достоверно известно. С Фессалией, Беотией и Македонией то же самое. А раз так, то у нас будет и конница. С союзниками полное взаимопонимание». Он врал быстро, на ходу, сам верил в то, что говорит, заставляя себя верить и потому говорил убежденно. «Я не требую, чтобы ты предсказывал, что победа обеспечена. Я не экстремист. Они придут второй раз. Им посоветует повторить запрос один мой знакомый в Дельфах. Делегация еще здесь. Я узнал об ответе от своего человека. Он бежал всю ночь. И вот я тут. Дай им ответ почти такой же, но добавь, что Афины спасут деревянные стены. Слышишь: деревянные стены. Персы ни в чем тебя не заподозрят. Ни в чем. Ты слышишь меня? – Фемистокл потряс безвольную руку жреца. – Ты слышишь: деревянные стены». Он отпустил руку только тогда, когда услышал тихое «да».

Когда послы Афин вторично пришли спросить ответ бога, истолкователи принесли им следующий текст: *«Гнев Олимпийца смягчить не в силах Афина Паллада, / Как ни склоняй она Зевса мольбами иль хитрым советом. Если даже поля или скалы Кекропа высокие / И Киферона долина святая добычею вражеской станет. Лишь деревянные стены дает Зевс Трипогене / Несокрушимо стоять в спасенье тебе»*.⁴

* * *

Фемистокл выиграл бой, но не кампанию. Под Фермопилами греческая армия была наполовину разбита, все триста спартанцев Леонида погибли. Флот отошел от мыса Артемисия. Не только северная, но и центральная Греция была оккупирована. Над рядами союзников вот-вот должно было взметнуться знамя: «Спасайся кто может».

В таких условиях представители Эллады съехались в Коринф. В амфитеатре разместились делегации. Фемистокл лишь мельком взглянул на лица. Круглые, лыбые, курчавые, бородатые... Он опустил голову: ему хотелось смотреть на ноги и не встречать взглядов. Ноги красноватые, ноги, оплывшие жиром, мягкие, будто женские ноги, ноги загорелые, с черным и рыжеватым волосом, ноги в сандалиях, ноги в тщательно зашнурованных ботинках. Он услышал резкий и сильный голос и понял, что это выступает спартанский оратор: «Союзники! Вам хорошо известно, что персы на расстоянии всего нескольких дней пути от Афин. Захват Афин неизбежен. Мы не хотим сказать, что сопротивление бессмысленно – это противоречило бы всей нашей политике, направленной на спасение Эллады от рабства. Мы хотим лишь сделать соответствующие выводы из сложившейся ситуации. Мы должны сражаться и будем сражаться, но вся центральная Греция должна быть оставлена, единственно удобное место, где варвар может быть разбит, – это Истм, граница Спарты». – «Значит, отдать две трети Греции варварам?» – услышал Фемистокл чей-то резкий голос. – «Увы, это суровая необходимость, – парировал спартанец. – Если мы спасем Спарту – мы спасем Элладу. Если же армия Клеомброта будет разбита, то погибнет не только Спарта, но и вся Греция». – «А почему нельзя было задержать персов у Фермопил, позиция была не хуже, а может быть, и лучше, чем на Истме?» – снова раздался голос. «Хорошо, – подумал Фемистокл, – хорошо». Он захотел посмотреть в лицо выступающему, но вместо этого отыскал среди ног ту пару, что принадлежала оратору – это были сильные жилистые ноги. «Им мешало выступить неблагоприятное расположение светил». – «А почему оно не мешало Леониду?» – «Я не привык заниматься софизмами!» – выпалил спартанец. Голос оратора прозвучал резко и возмущенно: «Софизмы? Я говорю, что здесь очень простое объяснение. Вы хотите дать царю откупные: пусть берет всю Грецию, но не тронет Спарты, а если тронет, то будет иметь дело с тридцатью тысячами гоплитов Клеомброта». Спартанец криво усмехнулся и развел руками. Фемистокл не удержался и мельком взглянул на его лицо: «Он сошел с ума. Чего добивается этот человек? Куда смотрят все остальные? Или им не дорого единство союза? Или

они не видят, что его здание и так слишком неустойчиво? Этот человек явно хочет его разрушить». – «Вот видите, он шантажирует!» – закричал оратор, не давая спартанцу окончить. «Этот человек, – резко парировал спартанец, – этот человек – персидский агент, потому что только ему выгодно слова, направленные на развал союза! – собрание глухо зашумело. – Он, этот человек, смеет обвинять Спарту. Спарту, которая отдала своего лучшего сына на алтарь общеэллинской свободы. Да стал бы сам Леонид умирать за ту страну, которая бросила его на алтарь, как жертвенную овцу? Я спрашиваю вас!» – «Слова дайте, союзники, слова, прошу слова!..» – послышалось с задних рядов, и некий растрепанный малый вылез на сцену, не ожидая разрешения. «Слышите! Вы хотите свободы, а я хочу жить. Понимаете, жить! Хотя с персами! А если вы хотите умереть за свободу – так и умрите! И никто, слышите, никто не имеет права требовать, чтобы я следовал за вами!» Поднялся невообразимый шум. Кто-то закричал так же надрывно и истерично, как и малый: «Проститутка! Беги к персам, раздевайся, ложись! Может быть, дадут что-нибудь за услужливость. Может быть, фессалийцев переплюнешь!..» – «Да что мы тут сидим, захлебываясь, доказывая что-то! Вязать его, вязать! Агент персов! Это какой город?!» Творился настоящий погром. Делегаты кричали, бросались косточками, сухой рыбой, яростно жестикулировали. Двое сцепились, с треском лопнула материя хитона. Фемистокл внимательно прислушивался к шуму и крику. Странное дело – малый с рыжими волосами не вызывал у него антипатии. Он заметил, что и у него самого появилось желание закричать что-нибудь безумное и дикое. И послать всех и вся, в том числе и самого себя, к черту.

Среди всеобщего гама на сцену вышел высокий тучный человек и, как столб, встал в середине арены. Он стоял так некоторое время, ожидая, когда все уgomонятся. Его величественная фигура подействовала на людей умиротворяюще, и собрание успокоилось. «Союзники, – сказал он ровным голосом, – положение серьезное. Сейчас не время сводить счеты и упрекать друг друга. Я, в принципе, не против того, чтобы отойти к Истму: будем надеяться на благородство Спарты». И тут Фемистокл совершенно неожиданно для себя сказал с места, не вставая: «Так что же, нужно оставить персам практически всю Грецию и дать бой только на Истме? Повторить Марафон?» Спартанец, появившись около кучерявого, отпарировал: «Да, только повторить Марафон. Потери персов у Фермопил были огромны. Клеомброт прекрасный полководец». – «Персы прорвутся», – продолжил Фемистокл. «Прорвутся?» – спартанец посмотрел испытующе на него в упор, а затем, повернувшись к собравшимся, крикнул: «Он говорит, – при этом рука его показала на Фемистокла, – что греки должны, забыв свои собственные интересы, ринуться защищать Афины, которые, может быть, уже захвачены варварами». Толпа зашумела: «Эгоизм! Они хотят повелевать нами как тираны. С союзниками они не лучше персов. Мы для того боремся за свободу, чтобы стать рабами Афин?» Фемистокл, стараясь не кричать, хотя ему этого очень хотелось, сказал, когда шум немного улегся, сказал спокойно, но так, что всем было ясно, что это спокойствие в любой момент может прорваться криком: «Я не утверждал ничего. Это мысль спартанского делегата». Спартанец бросил взгляд на него,

затем на толпу: «Я не лгу, я лишь формулирую то, что хотел сказать афинский делегат». Фемистокл посмотрел на него в упор: «Вы лжете, – отчеканил он, – лжете. – Саламин является идеальным местом для боя. Тише! Дайте мне высказаться! Вы шумите! Я прекращу говорить! Выслушайте еще немного. Я хочу вытянуть вас в бой. Хорошо, пусть восторжествует мнение Спарты, и встанем гоплитами на Истме. Пусть будет так. Но что мешает вам идти на Саламин? В том случае...» – «Мы не хотим никаких «случаев», – прервал его спартанец. – Мы решили давно. Афинский делегат еще час будет утомлять нас своей речью. Мы идём на Истм. И там варвар будет разбит. Что же касается Саламина, то афиняне просто хотят защитить своих жен, детей и челядь. Вот реальное объяснение тому яростному желанию, с которым Фемистокл тянет нас к этому острову. Желание это к стратегическим планам никакого отношения не имеет». – «Вперед на Истм!» – закричала толпа, упоенная речью оратора. Фемистокл заметил, что тот малый, который до этого кричал, что жаждет только жить, вопил всех сильнее, похлопывая ладонями по коленям и вращая в каком-то вакхическом танце рыжими космами. «На Истм! Боги с нами! Варвар ляжет костями!» Фемистокл понял, что объяснять что-либо этим людям бессмысленно, и крикнул толпе, не заботясь о том, услышат его или нет: «Афины полагают, что если с ними не желают разговаривать, то они со своим эгоизмом не нужны Элладе. Мы отходим к Саламину, все те, кто желает, смогут к нам присоединиться». Сказав эти слова, он встал со своего места и стал пробираться к выходу.

* * *

Корабли шли на юг. С палубы было хорошо видны бабочки парусов, слышны мерные удары весел. Фемистокл смотрел на спину сидящего слева от него гребца. Хорошо были видны мышцы, пульсирующие под блестящей от пота кожей. У персов сильная армия, но не столь значительный флот. Персия не морская держава. Он смотрел на поднимающиеся и опускающиеся лопасти весел. Нужна только одна серьезная неудача. Только одно поражение.

Ночь была ясная. Все небо покрыто южными звездами, а внизу, как бы отражая это небо, горела тысяча костров. Он пошел к одному из них. Голова болела от вчерашних бесконечных споров с союзниками. Они все-таки подошли к Саламину, но когда их корабли осветил пожар Афин, всех снова охватил панический страх. От него требовали отступления, кричали, угрожали и даже хотели чуть ли не избить. Страсти накалились до предела. Сейчас он еще более ясно чем раньше знал, что отход к Истму – лишь повод для того, чтобы им всем разбежаться. Они были глухи к доводам разума. Наконец его обвинили в предательстве. Адмиралы дружно заявили, что утром, как только взойдет солнце, они поднимают якоря и покидают неблагодарные Афины и этот негостеприимный остров. И вот теперь он остается один, один на один с персидской армией и флотом. Утром они уйдут. Он посмотрел на море костров и почувствовал страшное одиночество и страшную ответственность. Ответственность и одиночество. Он подумал, что эти тысячи людей не подозревают о своей неизбежной гибели, что все эти тысячи смертей он должен взять на себя. Он один, у него нет советчиков. Ему не к кому прислониться –

это к нему, наоборот, прислоняются тысячи человеческих душ. Ему стало холодно, и он вплотную подошел к одному из костров, около которого сидел мужчина неопределенных лет, палочкой мешавший кашу в котелке. Рядом женщина баюкала младенца. Фемистокл встал над костром и молча смотрел, как красные и голубые языки лижут хворост: он заметил что в кострах, вообще в огне есть всегда что-то успокаивающее. Он протянул руки к огню. Лицо соседа было красным в отблесках пламени. Фемистокл подумал, что человеку не следует ничего говорить, пусть умирающий надеется до конца. Надежда и иллюзия. Но, подумав так, он тут же почувствовал, что слишком тяжел для него груз тысяч жизней, что у него трещат плечи, что он не выдерживает, и тогда он сказал, глядя на язычки пламени, пляшущие перед глазами: «Завтра утром союзники снимутся с якоря. Они не дадут здесь бой. Они идут к Истму. Мы одни». Умолкнув, он продолжал потирать над огнем руки, он ждал, что человек повернется и спросит: «Так, значит, мы одни? А что делал ты? Зачем мы тебя избирали? Не оправдывайся, не говори, что ты сделал все, что мог. Нам не нужны твои усилия, нам нужны результаты. Ты путешествовал, читал стихи, играл речами, охотился на женщин, развлекался, как мог, и твоя работа была для тебя тем же развлечением. Собственный успех был для тебя дороже всего, и ты был готов продать все, что угодно ради него, а продав, ты бы тешил себя словами, что не имел права губить свой талант, умереть, не выразив себя. Но я был снисходителен и верил в твой талант. Ты подрядился меня спасти и обманул. Но прежде, чем погубить нас, ты убил тех, которые, быть может, вынесли бы эту ношу. Ты убил Мильгиада и многих других, которые были честнее тебя. Ты не только мошенник, но подлец и убийца. И прежде, чем персы нас вырежут, мы казним тебя не как вора, но как убийцу. Ты, Фемистокл, политик. Ты прикоснулся к власти, к деньгам, к роскоши, к славе. И ты вымарался в этом, как в дерьме. И сейчас, сидя здесь передо мной, ты просишь: обмой меня от этого дерьма, ибо и я есть человек смертный. Нет! Я посажу тебя на кол в собственном дерьме, чтобы, умирая, ты чувствовал запах, чтобы ты умирал не как честный человек, но как блудливый старый пес».

Это ожидал услышать Фемистокл. Но человек вытащил из котла палку с прилипшей кашей, потрогал ее языком, и сказал: «Еще рано снимать. Хотят уйти. Мы давно это знаем. Человек глуп. Определенно еще не договорились, – он снова окунул палку в котел. – Перебьют их поодиночке. Это уже точно. Глуп человек. Ничего, вытерпим. Боги нас не оставят».

Фемистокл посмотрел на него. Это был человек как человек. В его лице, в его фигуре не было ничего от тех прекрасных статуй, которые выставляют на площадях. Волосы редкие, нос ноздреватый, какой-то сучок, задранный кверху, у глаз и на лице морщины, лоб низкий, руки мозолистые, корявые.

Вдруг он услышал музыку, торжественные звуки победы. Они неслись отовсюду: казалось, невидимый оркестр заиграл под этим темным, холодным и прекрасным небом. «Откуда эта музыка?» – спросил он себя. И тут же ответил: «Она играет во мне самом. Она была всегда, просто между ней и мной была преграда, а сейчас кто-то ее разрушил». Музыка продолжала играть в его душе. Человек между тем сказал: «Определенно не договорились».

Фемистокл посмотрел на него и ответил весело: «Да ты хворост не экономь – и с кашей полный порядок». Улыбнулся ему и встал. Мысли, которые роились в его голове и звучащая музыка требовали, чтобы он ходил, рассуждая сам с собой, размахивая руками. Он встал, попрощался и пошел к берегу; посмотрел на небо: оно смотрело на него блестящими глазами звезд. Но как спастись, продолжал думать он, как? Мысль в первом экстатическом возбуждении работала с лихорадочной быстротой. «Разбегутся, разбегутся...» – мысли рассыпались в его мозгу, и показалось, что тысячи тараканов в ночной тьме суется в его извилинах. Ему стало противно, он яростно тряхнул головой и, сев на камень, зажал виски руками. Он был у моря, на краю обрыва, внизу плескалась и фосфоресцировала вода. Оглушительно трещали цикады.

«Разбегутся», – снова пронеслось в его мозгу. Но вдруг мысль, дерзкая и несбыточная, пронеслась в его сознании так же быстро и беспорядочно, как и остальные. Сначала он отбросил ее как уж больно наглую. Но мысль вновь возникла перед ним. И он решился. Это был его последний шанс.

* * *

Человек шел по тропе обрыва. Наверху было звездное небо. Звезды подчеркивали, что человек мал, пуглив и унижен огромной недосыгаемой высотой. Он спешил, пот катился по его лицу. Впереди он увидел яркое пламя, и через мгновение клинок уперся в его грудь, он был отведен к костру. Эфиопы в леопардовых шкурах сидели на корточках, прислонив копья к камням. К пленнику подошел офицер. «Что, лазутчик, попался?» – «Я не шпион, – ответил он по-персидски, – я должен сообщить нечто чрезвычайно важное царю царей. Ведите меня немедленно к нему». Подошло еще несколько персов. Они посоветались, завязали ему глаза, и спустя некоторое время он очутился в палатке Ксеркса. Горели плошки с маслом. Рядом с царем, не спуская глаз с незваного гостя, стояли воины с обнаженными мечами. Человек пал ниц. Маленькая козявка перед всеильным владыкой. Ему велели говорить. «Послал меня военачальник афиняин тайно от прочих эллинов (он на стороне царя и желает победы скорее вам, чем эллинам) сказать, что эллины объята страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить величайший подвиг, если вы не допустите бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления; вы увидите, как ваши друзья и враги в их стане станут сражаться друг с другом!» Царь испытывающее посмотрел на него. Человек был один, совершенно один в степи. Ветер гнал по ней сухую траву, пересыпая сбитыми комьями. Высоко в небесах паслись миры, белыми пятнами пережевывали время галактики, тысячи звезд мерцали в черном бархате вечности. Человек был затерян среди бесконечного времени, одинок и слаб. «Ближе», – его подтолкнули острием меча к кровати, где сидел, свесив волосатые босые ноги, царь. Он был разбужен и не успел привести себя в порядок. Мягкие шаровары и халат. Человек поискал глазами чашу недопитого вина, яблоки, принадлежности женского туалета: быть может, царь забавлялся с наложницей. Ничего не было. Все было просто. По-солдатски просто. Он посмотрел на лицо царя, усталое и измятое, посмотрел на него еще раз быст-

рым, умным взглядом, и ему стало даже жаль этого великого завоевателя. Он снова бухнулся в ноги. «Ближе!» Снова послышался окрик солдата, и острые клинки уперлись ему в спину. Он пролезол еще немного вперед по ковру, устилавшему пол палатки, подползя прямо к свесившимся ногам владыки. Запах пота резко ударил ему в ноздри: «Встать!» Голос царя был повелительным и усталым. Он приподнял голову. Царь спрыгнул с высокого ложа. «Ты не врешь?» – «О нет, Господин!» – он снова бухнулся в ноги. И добавил: «Мой хозяин сделает все, чтобы задержать их до утра. Он хочет узнать твой ответ». Сказав это, он приподнял голову. Царь, смотря куда-то в пространство на горящий огонь светильника, сказал: «Скажи своему господину, что сегодня ночью персидский флот окружит Саламин со всех сторон. Они не уйдут. Мышеловка захлопнется».

* * *

Фемистокл стоял на палубе. Перед ним были начальники эскадр и командиры кораблей. Подымалось солнце. На горизонте белел парусами персидский флот. Он говорил о будущем сражении и всматривался в их лица, простые лица, совершенно простые. Многие из этих людей не доживут до вечера. Он говорил только по делу. О незначительном превосходстве персов в кораблях, о неповоротливости их транспортных судов, о растянутости вражеских коммуникаций. Никаких громких слов, которые он обычно произносил на агоре. Но он знал, что каждый из них произносит их про себя.

«Когда же снова / Светило дня сильным ярким светом землю осветило, / Раздался в стане греков шум ликующий, / На песнь похожий. И ему ответили / Гремящим отголоском скалы острова. / И сразу страхом сбитых с толку варваров / Прошибло. Не о бегстве греки думали, / Торжественную песню запевали ту, / А шли на битву с беззаветным мужеством / И рев грубы отвагой зажигал сердца, / Соленую пучину дружно вспенили / Согласные удары весел греческих, / И вскоре мы воочию увидели всех, / Шло впереди прекрасным строем правое / Крыло, и дальше горделиво следовал / Весь флот. И отовсюду одновременно / Раздался клич могучий: «Дети эллинов, / В бой за свободу родины! Детей и жен освободите и родных богов дома, / И прадедов могилы! Бой за всех идет!»⁵

Разгром персидской эскадры был полным. Фемистокл шел по берегу моря. Весь берег был усеян досками, торчащими на отмелях мачтами кораблей, всплывшими трупами, кругом валялись щиты, колья, деревянные шлемы. Он был возбужден и чувствовал, что ему нужно пройти еще много стадий, взобраться на крутые склоны обрывов, сбросить в воду тяжелые камни, чтобы прийти в себя от радостного возбуждения. «Да, – стремительно пронеслось в его сознании, – я всю жизнь думал только о себе. Я забыл себя только один раз – это было во время Марафона. Но тогда я чувствовал, что это опьянение кончится. Я понимаю, почему: я не удовлетворил своего тщеславия. Я не мог безвестным спасти мир. Я должен был жертвовать как герой, как Прометей. На меньшее я не рассчитывал. И сколько бы я не говорил себе: смерть уничто-

жает всех, я все равно знал, что не успокоюсь, не успокоюсь даже, если тысячи философов будут обучать меня истинной мудрости. Я был похотлив, похотлив до безумия: я хотел славы. Но вот она есть. И теперь не только разумом, но и сердцем я могу себе сказать: «Суета, суета». Нужно отдавать, а не брать. Только так можно счастливо войти в последнюю гавань, а мне уже нужно готовиться». При разделе добычи, ко всеобщему удивлению, он предложил свою долю молодым офицерам. Он бог, а богам ничего не нужно.

Но афиняне не любили беспорочных богов, и Фемистокл был подвергнут остракизму так же, как Аристид и многие другие. Смертельно обиженный, он уехал в Аргос. От умиротворения не осталось и следа. Он снова захотел власти и рева восторженной толпы; через некоторое время как частное лицо он отправился на Олимпийские игры.

Он смотрел на бегущих юношей, и ему вдруг показалось, что это воины при Марафоне бегут в атаку, что сам он молод и силен. Он стремительно вышел из цирка и пошел домой. Он шел быстро и задыхался. «Они приползут. Я еще покажу им, покажу, накажу, они поймут, что рано списали меня». Он смотрел на проходящие парочки с молодой сладострастной злобой.

Вскоре к нему стали приходиться письма Павсания. Из них он узнал, что полководец, изгнавший персов за пределы Греции, обвинен в измене, отстранен от власти. Прочитав письма, Фемистокл очень обрадовался. «Значит, и он туда же. А он спартанец. Преданность идеям, аскетизм превыше всего. Хорошо, очень хорошо. Самопожертвование. «Умру – отечество останется». Прекрасно. Ах ты политический девственник! Не выдержал. Захотелось. Всю свою жизнь он не прикасался к власти и к честолюбию. Крепился, но не выдержал. Взревел как бык. Похоть, дикая политическая похоть проснулась в тебе, мой Павсаний. Захотелось во что бы то ни стало, любой ценой власти безграничной, бесконтрольной. И он думает: что я? Пойду, они же все знают, что Фемистокл циник, подлец, старый кобель. Он постарел, шерстка почти вылезла, но он еще хочет кусаться своими выпадающими зубками. И на этом можно сыграть». Он встал и заходил по комнате. «А вот ошибся! Все ошиблись. Я свободен. А поэтому и не совершу того, что совершил бы, если бы не был свободен. Не выйдет. Я свободен. Я приду, я возвращусь – обязательно увижу Афины, увижу, обязательно увижу».

Он очнулся только на корабле. Со всех сторон мерно били о борт волны. Суматошно проносились в его сознании события прошедших дней. Он носился по всему городу, что-то кричал, грозил, брызгал слюной, унижался, плакал. Он напоминал толстого ребенка, жалкого, взбалмошного, до слез жалкого, потому что ни крики, ни угрозы его ни на кого не действовали. Он пришел в себя только на корабле, когда ветер и запах моря немного успокоили его. Тут он вспомнил все. Спарта не примирилась с его существованием. Она понимала, что пока он жив и может снова занять место у руля Афинской триеры, ей не удастся стать властительницей Греции. Измена Павсания дала ей в руки козырь. Если уж Павсаний предатель, то о Фемистокле и говорить нечего. Он, как и Павсаний, изменил – и не только Афинам, но всей Элладе. Его нужно предать общегреческому суду и казнить. И Спарте поверили.

Спешно отправлены в Аргос послы, чтобы его схватить, и вот теперь он должен спасать свою жизнь. Солнце закатилось за городом, и небо стало бархатно-черным, заблестело звездами. Фосфоресцирующий светящийся след вьется за кормой. Свежий, холодный, соленый морской ветер дул в лицо. «Пустота, – думал он, – пустота. Основа жизни – ничто и пустота. Разве я не знал этого раньше? Знал. Но только разумом. А сейчас я знаю это сердцем».

Он метался по Греции в поиске убежища. Но никто не желал из-за него вступить в конфликт со Спартой и Афинами. В одном из городов он задержался у знакомого на несколько дней. На пиру, устроенном в честь его прибытия, к нему подбежала молоденькая танцовщица с браслетами на ногах. «Что пригорюнился? – она, сюсюкая, провела пальцами по его лысине, покрытой бисеринками пота. – Хочешь со мной потанцевать?». Она игриво отскочила, и Фемистокл почувствовал запах ее тела. Он представил себе ее голой: тонкие стройные ноги, бедра, курчавые волосы, темные бугорки сосков. И вдруг в сознании вспыхнуло ослепительным светом: «Ничто. Благо. Истина. Смерть». Блаженная улыбка появилась на его лице, и он произнес вслух, тихо, но отчетливо: «Главное – спокойно умереть». Утром он зашел к властям, чтобы получить стандартный вежливый отказ. Он снялся с якоря, и через несколько дней, как только забрезжила утренняя заря, его встретила Малая Азия.

* * *

Он полз: живот и жирные груди отвисали, как брюхо беременной суки. Он уперся в золоченую львиную лапу и понял, что это трон. Он замер: «Встань!». Ему показалось, что голос донесся с неба. Ему захотелось забиться куданибудь в щелку и оттуда понаблюдать за людьми: пусть воюют, грабят, стремятся к власти и почестям, мучают и унижают друг друга, а он будет сидеть в тепле и спокойствии, вместе со своей семьей. У него будет семья – маленькие тараканы, которые будут его любить, а он будет любить их. И пусть рушатся дворцы, пусть падают статуи богов и героев, пусть крошатся гранитные блоки, поднимая тучи пыли. Пусть гибнет мир – ему все равно будет тепло, радостно и уютно, а гибель мира, гибель сильных и надменных, кичащихся мощью и властью, еще больше подчеркнет уют и сладость любви. Мир был огромен и беспределен. Маленькая звездочка солнца. Звездные острова, миллиарды комков раскаленной материи. Кометы с огненными шлейфами среди черного бархата неба. Безжизненные камни, оскаленные зубы кратеров и трещин. Огромный и враждебный мир. И маленькая пленка жизни, копошащейся на зените и в воде. Хрупкая игрушка природы, которую так легко сломать.

«Встань, Фемистокл!» – он снова услышал голос царя. Он встал на четвереньки, но старческое грузное тело с трудом держали слабые руки, и он упал. И вдруг царь вскочил с трона, подошел к нему и, поддерживая, помог подняться: «Фемистокл! – глаза царя были лучистыми и добрыми, глаза бога. – Так вот как платит тебе за услуги твоя страна, твоя свободная Эллада». Царь хлопнул в ладоши. Его отвели в покои. Вскоре он получил город и область.

Однажды скоморохи привели к нему во дворец группу уродов. Это были дети-монстры, страшный брак природы. Домашние хотели прогнать всех, но хозяин остановил их и сам вышел посмотреть. Мальчик лет десяти с огромным лошадиным черепом подошел к нему вплотную и протянул руку. Фемистокл поискал мелочь, но не нашел ничего. Вдруг его взгляд упал на массивное золотое кольцо с печаткой – подарок отца в день его первого публичного выступления. Он немного подумал и стал снимать кольцо с пальца. Оно не поддавалось, и ему пришлось повозиться. Наконец он снял его.

Через несколько дней прибыли послы царя. Ему приказано было явиться в столицу: царь готовит новый поход на Элладу, и ему нужен советник. Фемистокл вежливо проводил послов, сказав что будет в столице через несколько дней. Его нашли мертвым недалеко от дома. Склянка с ядом валялась рядом, лицо посинело, пальцы впились, обломав ногти, в землю. Перед смертью он, видимо, сильно мучился, его рвало кровью. Как определил домашний врач, яд подействовал не сразу.

*«Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его».*⁶

ПЕРЕВОДЫ
Venäjännöksiä

Объединение русскоязычных литераторов Финляндии представляет победителей Четвертого Международного конкурса финской поэзии «С Севера на Восток» - 2016. Мы продолжаем знакомить читателей с творчеством нашей современницы, замечательной поэтессы Пяйви Ненонен. На конкурс была выставлена ее баллада "Torni" («Башня»).

Päivi Nenonen
Пяйви Ненонен

Проза печаталась в журналах «Звезда» и "LiteraruS", стихи в журналах «Карелия», «Интерпоэзия», «Северная Аврора». Автор стихотворных сборников Takatalvi" (2008) и "Maailmansivu" (2015), книги прозы на русском языке «Мелочь, но приятно» (2008), двуязычной книги стихов "Kunttilän räivä" – «День свечи» (2010), написанного в соавторстве с А. Банщиковой сборника «Утренние рассказы» (2012). Учредитель издательства «Юолукка». Живет в Финляндии и Санкт-Петербурге.

Поэт, прозаик, переводчик русской литературы. Родилась в Финляндии в маленьком городе Китэ. В 2000-м году окончила гуманитарный факультет университета города Ювяскюля. Пишет стихи по-фински и прозу на русском и финском языках.

Torni

Lähti kuningas joukkoineen ratsastamaan.
Alkoi tömistä harju ja rinne.
Hänen joukkonsa osoitti uljuuttaan,
Ja hän valtasi voimalla uuden maan
Ja pystytti linnansa sinne.

Linna upea nous, monitorninen,
Kohos ylväänä taivasta kohti.
Oli kaunis ja suuri ja valkoinen,
Oli kullalla silattu kupolit sen
Ja se loisti ja säihkyi ja hohti.

Mutta torneista yks oli kummallinen:
Siihen ei ollut pääsyä mistään.
Ei ovea, porttia sisälle sen,
Ei rakoa mennä ees hiirien,
Vaikka etsittiin etsimistään.

Tämä myöhemmin vasta kai keksittiin,
Oli aluksi muutakin huolta.
Muita osia linnasta koristettiin,
Muita saleja, torneja kalustettiin,
Eikä huomattu tornia tuota.

Mutta kerran taas kuningas taistelemaan
Lähti joukkoineen vieraille maille.
Ja hän voiton ja saaliin toi tullessaan.
Linna valaistiin voittajaa juhlistamaan.
Silloin huomattiin, yksi jäi vaille,

Vaille valoa juhlaa ja kauneutta
Jäi yksi vain ainoa torni,
hon kukaan ei löytänyt portaita.
Ja se synkkänä osoitti taivasta
Kuin musta ja syyttävä sormi.

Silloin sanottiin: ”Sattunut varmaankin
Jokin virhe on rakentajilleen.
Torni voitaisiin rikkoa tietenkin,
Mutta ulkoa päin näin on paremmin”.
Ja niin torni sai jäädä silleen.

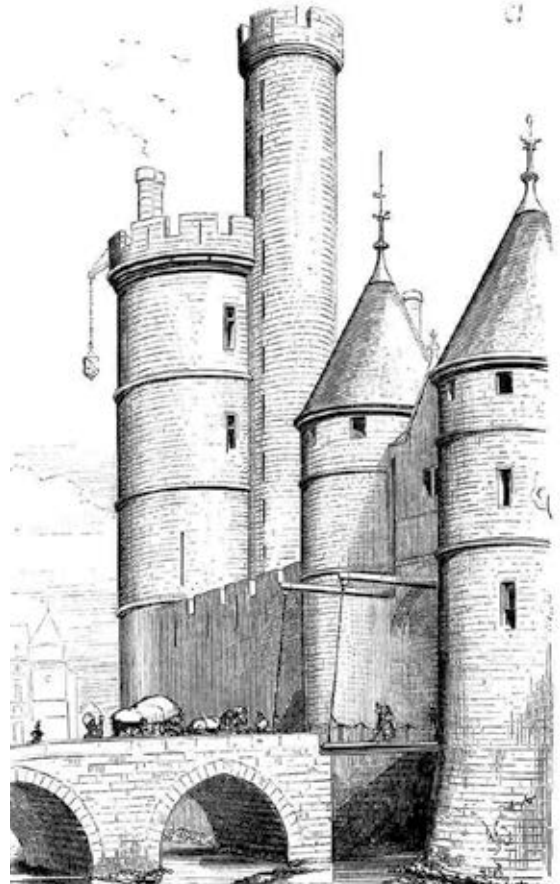
Sitten kerran taas kuningas matkoiltaan
Palas tappion näännyttämänä.
Oli väsyty häntä jo odottamaan.
Oli pimeät ikkunat linnassaan.
Oli yksin hän hetkenä tänä.

Ja hän haavoittuneena ja murheessa
Oli väsynyt käymiinsä sotiin.
Silloin huomasi: oudossa tornissa
Paloi valo, niin lämmin ja auvoisa
Kuin oottaen, kutsuen kotiin.

Silloin sanottiin: ”Harjoja varmaankin
Näit, kuningas, uupuneen tavoin.
Ehkä aurinko viimeisin kultaisin
Sätein tornin sai ikkunat liekkeihin”.
Vaan on kysymys tää yhä avoin.

Tuosta tornista, tummasta konsanaan
Moni kierteleo linnassa huhu.
Silti vaieten odottaa vuoroaan
Torni kummallinen, mutta aikanaan
Se puhuu, kun muut eivät puhu.

9.3.2015

Первое место
(Диплом Золотой ступени)

Родилась на Смоленщине, в городе Починок. Окончила филологический факультет Смоленского пединститута (СмолГУ). С 2003 года работает редактором смоленского издательства «Русич». Автор познавательных книг «По "Серебряному кольцу России": от Пскова до Соловков» (2007 в соавторстве с Ю. Ивановым), «Страны и народы мира» (2008, в соавторстве с Ю. Ивановым, О. Ивановой, А. Жеребиловым). Автор книг для детей: «Ребятам о зверятах» (2006), «Забавная арифметика» (2006), «Букварик» (2008), «Азбука в стихах и загадках» (2009), «Необыкновенный поросенок» (2011), «Лесные истории» (2013), «Мышки-малышки» (2014), «Самолетик Тема» (2015), «Приключения юной волшебницы» (2015) и др.

Елена Агинская
Elena Aginskaja

Башня

Королевская рать поскакала в поход –
И долины, и горы дрожали.
Королевские воины – мощный оплот,
Покорили они чужеземный народ,
Отодвинув границы державы.

Замок с башнями в новых пределах возник,
Высоко в небеса устремился.
Белоснежен он был, и красив, и велик –
Купола золотились, как солнечный лик, –
Он сиял, и блистал, и искрился.

Но была одна башня загадок полна:
Как попасть в нее, если нет входа?
Ни ворот, ни дверей, даже щель не видна,
Чтобы мышь проскочила, – сплошная стена.
Можно тратить на поиски годы...

Но об этом задумались люди потом,
Об ином все радели вначале:
Украшали и замок, и комнаты в нем,
Пировали в пространстве уже обжитом.
Башни будто бы не замечали.

Вот король подготовился к новой войне,
Принялся за привычное дело –
Дань большую собрал на чужой стороне;
И встречал его замок сияньем огней,

Но заметили, что не блестела,

Не сверкала, пленяя своей красотой,
Лишь одна эта странная башня.

Ни ворот, ни дверей в башне не было той,
И грозила угрюмой она чернотой,

Словно перст указующий страшный.

«По ошибке, должно быть, ее возвели, –
Все подумали. – Раз уж такое
Приключилось – сотрем ее с лика земли,
Но по виду могучий она исполин».

И оставили башню в покое.

Время шло. Из похода однажды домой
Возвратился король с пораженьем,
Но не вышло на встречу души ни одной,
Его замок объятый стоял темнотой,

Одинок был он в это мгновенье.

И, страдая от ран, сокрушенный, поник
Головой обессиленный в войнах.
И заметил король в странной башне в тот миг
Свет отрадный и теплый, мерцающий блик –
Призывал он и ждал его словно.

Говорили: «Мираж... Вот что было с тобой –
Померещилось, видимо, это.
Просто солнца закатного луч золотой
Вспыхнул отблеском ярким на башне на той».

И остался вопрос без ответа.

Башня так же была, как и прежде, темна,
Слухи множились снова и снова,
Все равно не раскрыла секрета она.
Но другие на смену придут времена –
Башня скажет последнее слово.

Второе место
(Диплом Серебряной ступени)

Поэт, переводчик (для разных изданий перевел произведения Э. По, Т. Мура, Р. Киплинга, Р. Фроста и др.), драматург. Автор поэтических сборников: «Речевая характеристика» (1990), «Наше наследие» (1994), «Пятьдесят пять экземпляров» (2007), «Стихами» (2012). Автор книг для детей: «Расскажите сказку, господин Перро!» (1991), «Петропавловская крепость (путеводитель для детей)» (1998), «Жизнь замечательных слов» (1999, 2014), «Волчонок по имени Ух» (2005), «Приключения академика Пятитомова и профессора Синицына» (2012, в соавторстве с Г. Григорьевым), «Горного корпуса кадет» (2015) и др. Член Союза Российских писателей и Союза театральных деятелей. Родился в Ленинграде, живет в Санкт-Петербурге.

Николай Голь
Nikolay Gol

Башня

Был когда-то король: и храбрец и боец,
Вел он войско дорогой сражений
И победу сумел одержать наконец,
И велел возвести себе замок-дворец
Посреди обретенных владений.

И исполнена воля владыки была,
Встал дворец – и велик, и украшен:
Он огромен, и эта громада бела,
Чистым золотом крыты ее купола,
К небу тянется множество башен.

Только с башней одной получился просчет:
Нежилая закрытая вышка.
Где тут выход и вход? Ни дверей, ни ворот,
Даже мышка ни щелки себе не найдет,
Чтоб залезть, хоть обыщется мышка.

Но об этом задумались много поздней –
Занимали другие заботы:
Залы замка хотелось обставить скорей,
И о башне без входа, ворот и дверей
Размышлять не случалось охоты.

Вновь собрался король через несколько лет
На войну и, окончивши дело,
И добычу привез, и трофеи побед.
Вспыхнул в честь триумфатора праздничный свет,
Только странная башня темнела.

Как ее осветить? И не думай о том,
Никакой не представится случай.
Пусть огонь торжества расцветает цветком,
Но она обвиняющим черным перстом
Одиноко уставилась в тучи.

Видно, зодчий ошибся меж планов и схем.
Что же делать с ошибкой вчерашней?
Можно башню разрушить, да только зачем?
Ведь она очертаньями нравится всем!
И на месте оставили башню.

Но однажды король, вновь отправясь в поход,
Возвращался, разбитый врагами.
Он уныл. Он один. Радость больше не ждет,
И никто не спешит, и никто не зажжет
Во дворце триумфальное пламя.

И открылось тогда перед тем королем,
Что не столь упоительны войны,
И сейчас же, как будто маня его в дом,
Вспыхнул в башне среди тьмы, воцаренной кругом,
Свет отрадный, зовущий, спокойный.

«Ты закатным лучом в заблужденье введен, –
Объяснила усталая свита.
– Он, прощальный, оконным стеклом отражен,
Башня будет пуста до скончанья времен».
Так ли, нет ли – пока не открыто.

Слух за слухом, как прежде, о башне идет –
Той, что тьмою над замком чернеет.
До сих пор говорить не настал ей черед,
Но придет, – и она разговор заведет,
И тогда все вокруг онемееет.

Третье место
(Диплом Бронзовой ступени)

Окончила факультет романогерманской филологии Воронежского государственного университета. Работала преподавателем английского языка и переводчиком с английского и французского языков. Финалист Третьего Международного конкурса перевода финской поэзии «С Севера на Восток» (2015, Бронзовая ступень). Живет в Воронеже.

Вера Соломахи
Vera Solomakhina

Башня

Как с отрядом король проскакал – по горам
Дрожь от топота вихрем носилась.
Каждый воин выказывал доблесть, а сам
Постепенно земельку прибрал он к рукам
И поставил там замок красивый.

И возвысился замок, могуч, как скала,
Устремился в небесные дали.
Ослепительна крепость была, так бела,
И покрытые золотом все купола
Загорелись огнем, заблестали.

Но из башен одна странноватой была,
Ведь не вел в нее вход ниоткуда.
Ни ворот, ни дверей, даже мышь не могла
Проскользнуть – щели не было. Что за дела!
Обыщись – не найдешь, вот так чудо!

Возвратился с победой король боевой,
На чужбине сражался он где-то.
Из похода добычу привез он домой,
Осветили для праздника замок большой,
Но осталась та башня без света.

Призадуматься некогда было о том,
Озабочены были чрезмерно.
Украшали и залы, и башни, потом
Обставляли красивою мебелью дом,
О той башне забыли, наверно.

Не светилась лишь празднично башня одна,
Где никто никогда еще не был,
Потому, что ворот не нашел, и она,
Словно перст обвиняющий черный, мрачна,
Указала в молчанье на небо.

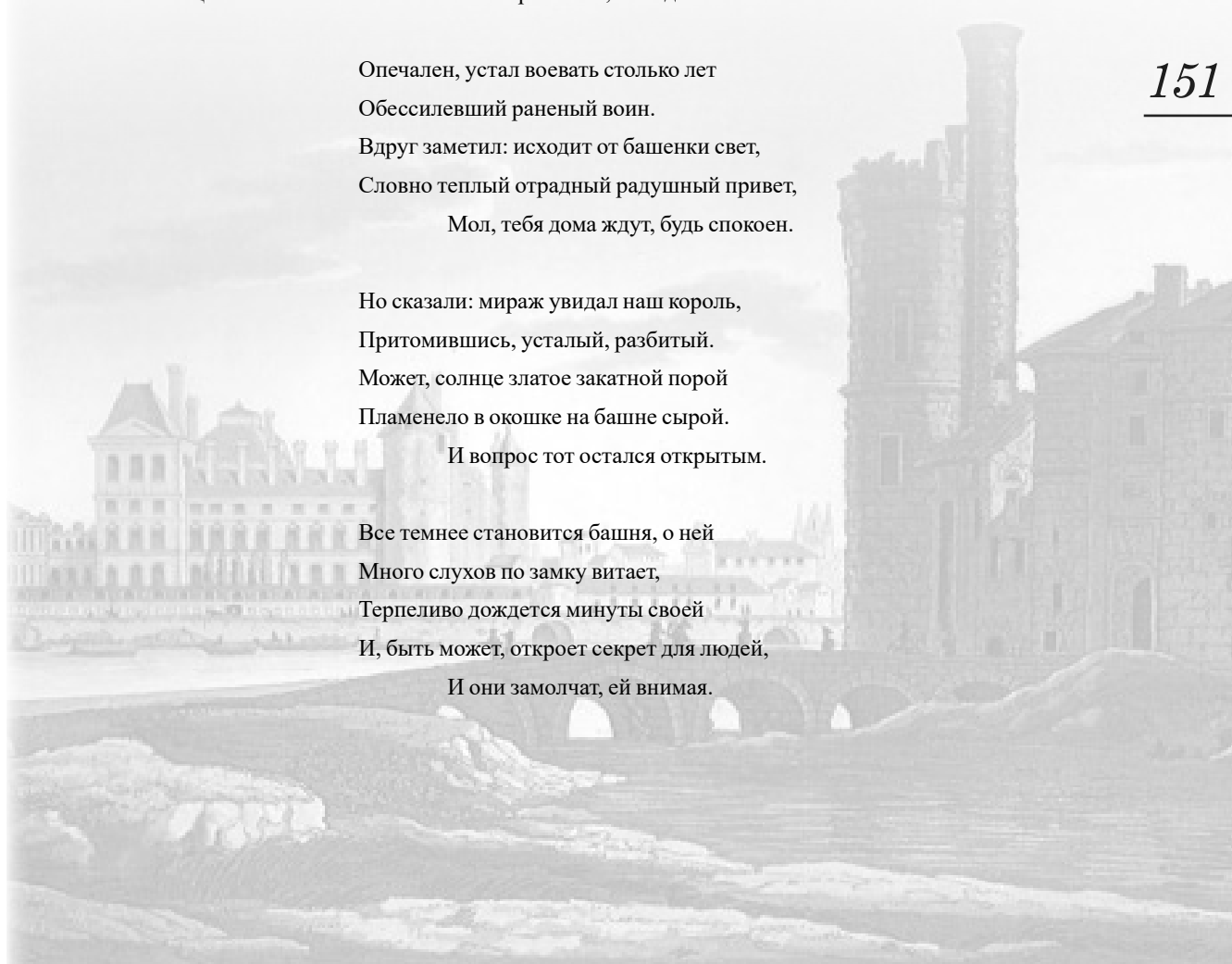
– Что ж, – сказали, – ошибочка вышла тогда,
Что построено – уж не исправить.
Башню можно, конечно, снести, это да,
Но она хороша, а изъян – ерунда.
И дозволили башню оставить.

Пораженьем закончился новый поход,
Возвращался король издалека,
Окна были темны, очевидно, народ,
Подустал ждать хозяина чуть ли не год.
И монарх понял, как одинок он.

Опечален, устал воевать столько лет
Обессилевший раненый воин.
Вдруг заметил: исходит от башенки свет,
Словно теплый отрадный радушный привет,
Мол, тебя дома ждут, будь спокоен.

Но сказали: мираж увидал наш король,
Притомившись, усталый, разбитый.
Может, солнце золотое закатной порой
Пламенело в окошке на башне сырой.
И вопрос тот остался открытым.

Все темнее становится башня, о ней
Много слухов по замку витает,
Терпеливо дождется минуты своей
И, быть может, откроет секрет для людей,
И они замолчат, ей внимая.

**КРИТИКА И
ПУБЛИЦИСТИКА**
Kritiikkiä ja lehtikirjoituksia

Ольга Пуссинен
Olga Pussinen

**Первое поколение
новой страны: Молодая
русская проза.**

**Часть вторая. Синдром Гамлета —
Николай Васильев.**

*...в этом мире ценятся и нужны дела,
и в нем люди оправдываются не верой,
а делами.*

Л. Шестов. На Страшном суде.

Заглянув по какому-то незначительному поводу в программу российской общеобразовательной школы за восьмой класс по литературе, я среди других изменений, увидела, что Гамлет Вильяма, друзья мои, нашего Шекспира, с которым в мое время было запланировано ознакомительное факультативное знакомство, заменен на Ромео и Джульетту. Я вздохнула с невольным облегчением, хотя мне, собственно, от такой замены не было ни горячо, ни холодно: ни самой мне не вернуться в нежное прыщавое пятнадцатилетие, ни сын мой в русскую школу ходить не будет и вряд ли вообще когда-нибудь прочтет что-нибудь из великого драматурга, —

Писатель и ученый филолог, доктор философии («Функционально-ограниченный русский язык: контактные разновидности, вариативность языкового сознания и типы коммуникации», Хельсинкский университет, 2016), кандидат филологических наук («Концепция человека в творчестве Иво Андрича», СПбГУ, 1999). Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор поэтического сборника «Жизнь в двух частях» (2012), детских книг «Куйгорож» (2013) и «Сказки Ведявы» (2013). Литературные публикации: в журналах «Иные берега *Vieraat rannat*», «Нева», «Зинзивер», «Северная Аврора», «Молодая гвардия», в «Литературной газете», альманахе «Синь апельсина» (2012). С 2001 года живет в Хельсинки.

дай Бог, если голливудскую версию посмотрит. Причем руку готова дать на отсечение, что если и будет смотреть, то историю веронских влюбленных, а не Гамлета с Офелией.

Земной свой путь пройдя до середины, а то и больше, я дозрела до осознания и признания того факта, что Гамлета никогда не любила, — ни как главного героя произведения, ни как само произведение. На мой взгляд, это самая нескладная для своего времени пьеса Шекспира, со слабым сюжетом, вялыми героями и их аморфным действием. Я, честно говоря, удивляюсь, что первые английские зрители не забросали автора гнилыми помидорами и тухлыми яйцами за то, что тот заставил их выслушать два часа безостановочной говорильни, — народ-то ведь в целом был достаточно простой, гуманизмом не обработанный и воспринимавший пытку как естественный метод дознания, а яд в питье — как несомненный ум и ловкость противника. «Недотепа» — это, наверное, самое мягкое, что мог сказать о Гамлете современник обезглавленной Марии Стюарт, зарезанного Генриха IV и умершего от сифилиса Рудольфа II. Ну, разве что зрителей заманила в зал предшествующая череда постановок на заданную тему, — шекспировский «Гамлет» был, выражаясь по-современному, духовным мидквелом, наследуя нескольким «Гамлетам», впоследствии безвозвратно канувшим в Лету. Возможно также, что пьеса удержалась на плаву благодаря развлекательной череде бессмысленных смертей — Полония, Офелии, Гертруды, Клавдия, Лаэрта и, наконец, самого Гамлета. Хотя даже и эти корчи не оживляют действия, которое, по сравнению с динамичной завязкой и бодрым призраком, вплоть до финала тянется и тащится, как по инерции, словно появление духа сковало судорогой икроножные мышцы наследного принца. Весь спектакль Гамлет как будто все пытается и пытается встать и пойти отомстить за подло убитого отца, но ноги его не идут и, чтобы хоть как-то компенсировать этот паралич, он говорит, говорит и говорит, затопляя всех героев и зрителей словами, а между потоком этих слов, словно во сне, совершает какие-то глупые поступки и нелепые убийства. «Гамлет изнывает от мук и не находит в себе сил ни для чего, кроме язвительных насмешек и горьких сетований на себя, мир, людей». ¹

Безусловно, позднее средневековье не предъявляло к художественному произведению столь жестких требований, как классицизм и романтизм, предписывающих заключать действие в строгие сюжетные рамки, — герой Шекспировских времен вполне мог просто болтаться от приключения к приключению, но в таком случае он должен был быть либо комичен, как Дон Кихот, либо авантюристичен, как Фортунат, либо пародийно раздут до полусказочных размеров, как Гаргантюа с Пантагрюэлем. В Гамлете же нет ни комедии, ни авантюризма: зрителю не смешно и дыхание от опасности момента у него не перехватывает. Призванный к мщению благородный принц аморфен, и действие его суть апофеоз бездеятельности. «Гамлет» — это пьеса о неспособности на поступок, о страхе поступка, о том, как поступок замедляется словом, в чем, собственно, принц прямо и признается в своем самом известном, так сказать, программном монологе:

*Теряют имя действия.
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиися мощно,*

Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия.²

Не удивительно, что следующие триста лет после премьеры пьесу и так и сяк перетряхивали, перелатывали и переиначивали в зависимости от нужд театра и фантазии переводчика. «XVIII век, с его рождением нормативного литературоведения, стал и первым веком, сурово осудившим «Гамлета» – в лице критиков. <...> В том же восемнадцатом веке пьесу стали «поправлять», а то и переписывать целиком, следуя традициям трагедии классицизма: в финале Гамлета оставляли в живых, а Лаэрта³ короновали». Тем не менее, «Гамлет» пережил сурово-рационалистический классицизм Корнеля и Расина, перенес романтические бури Шиллера, перебрался через реализм королевских дворов в пьесах Гюго и, не растворившись в десятках переделок, дотянул до эпохи декаданса. Декаданс стал, по сути, вторым рождением «Гамлета», поскольку тяжелый на подъем принц явился самым подходящим героем, выражающим главный постулат декаданса — изначальный трагизм человеческой судьбы: *делай ты что-нибудь иль не делай*, финал все равно будет ужасен. Именно тогда Шекспир был торжественно занесен в красную книгу гениев рода человеческого, а «Гамлет» объявлен пророческой пьесой, опередившей свою эпоху на века. Трагическое ничегонеделанье принца с проклятиями в адрес матери, дядюшки, невесты, отца невесты, брата невесты и всего датского королевства идеально вписывались в философию декаданса, которая, в свою очередь развивалась как протест против научно-материалистического взгляда на мир, атеизма и распространения учения еще одного знаменитого соотечественника Шекспира — Чарльза Дарвина. Но это так, à propos⁴.

В России интерес к «Гамлету» так же, вслед за Европой, постепенно поднимался начиная со второй половины XIX века. Гамлет весьма удачно вписался в портретную галерею «лишних людей» русской литературы, — от Онегина до Рудина, — которые из-за пустяка могли прихлопнуть друга на дуэли, но трусливо убежали от влюбленной в них девушки, которые умели прекрасно и пылко рассуждать о смысле жизни, науке и просвещении, но что-либо сделать для этого самого просвещения было уже выше их сил. В 1896 году состоялась премьера «Чайки», в которой персонажи пьесы Шекспира спустя четыреста оказались словно бы перенесены в декорации разоряющейся русской усадьбы: в роли ветреной королевы-матери — Аркадина, в роли ее любовника Клавдия — Тригорин, в роли несостоявшейся возлюбленной принца Офелии — Нина Заречная, в роли принца Гамлета — Константин Треплев. Аркадина обращается к сыну словами Гертруды, Треплев, вслед за Гамлетом, ставит пьесу, пытаясь театром воздействовать на тупое окружение, Нина сыплет истерическими восклицаниями, перекликающимися с безумными речами Офелии: *«Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, чувства, похожие на нежные, изящные цветы...»* — *«Вот розмарин, это для воспо-*

2 Монолог Гамлета. Перевод М. Лозинского.

3 В.В. Сердечная, Е.А. Лисина. Связующая нить: «Гамлет» шекспировский и современный // Язык. Словесность. Культура. — 2012, 2.

4 Кстати (фр.).

минания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет, это для дум. Вот укроп для вас и голубки; вот рута для вас; и для меня тоже; ее зовут травой благодати, воскресной травой; о, вы должны носить вашу руту с отличием. Вот маргаритка; я бы вам дала фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец; говорят, он умер хорошо». Как и Гамлет, Треплев «с наслаждением, преувеличенно бранит себя, постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя — и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презрением. Он не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет, — и привязан к жизни...»⁵ Разница лишь в том, что Гамлет XIX века не только мечтает о самоубийстве, но и осуществляет его.

Чехов вывел к русскому читателю целый ряд русских Гамлетов: милых, умных, тонких, чувствительных, добрых, воспитанных, образованных, интеллигентных слабых людей, живущих мечтой о некой настоящей жизни, которая непременно наступит, когда они уедут в Москву, когда придет весна, когда жена перестанет грозить самоубийством, когда Наташа снимет с зеленого платья розовый пояс, когда рак на горе свистнет. Пока же не жизнь, а прозябание, но нет сил открыть глаза, нет воли выйти из мира сладких грез... Прекраснейшей души человек, полковник Вершинин из «Трех сестер» — духовный наследник датского принца. Как и Гамлет, Вершинин «хочет только, чтобы само собой случилось нечто такое, что облегчило бы его положение. Он «мыслитель». События отражаются и запечатлеваются на поверхности его души, как предметы на фотографической пластинке: отчетливо, верно, — даже красиво — но мертво. Привнести от себя он не хочет и не может решительно ничего. Прежде было так, — теперь иначе».⁶ Именно поэтому Вершинин не способен на решительный поступок, не способен сделать счастливой Машу — женщину, которую любит сильно и искренне.

Так

*Всех трусами нас делает сознание,
На яркий цвет решимости природной
Ложится бедность немогущая мысли,
И важные, глубокие затеи
Меняют направленье и теряют
Названье действий.⁷*

«Гамлет не хочет идти. Судьба насильно влечет его, но он не понимает, зачем и куда зовет его этот властный голос. <...> Но кто сам не просыпается, кто сам не рвется навстречу бурям и опасностям, тому все-таки не миновать их. Пробьет его час, и страшный удар разбудит его», — писал в 1896 году еще никому неизвестный Лев Шестов в статье «Шекспир и его критик Брандес». Для Гамлета таким страшным ударом стала встреча с призраком, для чеховских героев — октябрьская революция 1917 года, до которой Чехов вполне бы дожил, если ли б не злая чахотка. Революция вошла в этот мир русской

5 И.С.Тургенев. «Гамлет и Дон-Кихот».

6 Л.И. Шестов. «Шекспир и его критик Брандес».

7 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод В. Набокова.

интеллигенции, подобно армии Фортинбраса, которую никто не ожидал — то есть, конечно, чувствовали, что продавать вишневый сад нехорошо и даже грешно, но того, что после Лопухина сад отойдет к Фортинбрасу, представить даже не могли!

Новые времена перетрясли как российское общество, так и русскую литературу. Главным героем вновь стал человек действия, направленного на уничтожение недобитой контры, организацию колхоза, стройку гидроэлектростанции или завода, выполнение и перевыполнение плана. Герой советской литературы был загружен практическими делами по самые уши, так что на сомнения у него просто не оставалось ни сил, ни времени. Ему, конечно, ради развития сюжета и усиления коллизии разрешалось общаться с героями полусомневающимися (сомневающимися, как правило, оказывались в числе столь же деятельных врагов, над которыми герой в итоге праздновал победу), но лишь для того, чтобы развеять туман в их головах и заразить своей неумной жадной действий во имя мировой революции. На мой взгляд, самым ярким отражением этой философии является вовсе не «Поднятая целина» или «Цемент», а знаменитейший «Золотой теленок», в котором страна победившего социализма превращается в поле деятельности сына турецкоподданого, потомка янычара, идейного борца за денежные знаки — великого демонического плута Остапа Бендера как воплощения Homo Agendi, человека действующего,

Четыре года тяжелейшей войны и торжество победы 1945-го года укрепили и без того сильные позиции человека действующего, поскольку сомневающемуся гамлетовскому персонажу не было места под бомбежками и арт-обстрелами. Интересно, что характеристики Homo Agendi не менялись в зависимости от политических взглядов русских писателей: и Виль Липатов, и Александр Солженицын, по сути, предъявляли читателю одинаковых по философскому отношению к жизни персонажей. Глеб Нержин и Евгений Столетов по своему активному сопротивлению «ударам судьбы» — одного поля ягоды, и отношение к государственной системе здесь дело уже совершенно вторичное. Разумеется, нет правил без исключений, но мне на ум приходит лишь единственный антипод Homo Agendi этого времени — интеллектуальный алкаш Веничка из поэмы В. Ерофеева «Москва — Петушки». Физическая активность Венички ограничивается потреблением спиртного, и революция видится ему лишь в дурмане алкогольного бреда, но вот вербальная продуктивность Венички в виде бесконечных монологов столь же высока, как и у датского принца, причем оба героя фиглярствуют, только Гамлет фиглярствует с трагическим акцентом, а Веничка — с акцентом комическим. «Вместо того, чтобы пойти навстречу всему, что дается нам в жизни и через великое горе прийти к великому счастью, чтобы самому стать в борьбе за лучшее достойным этого лучшего, человек ищет покоя и убаюкивающих песен мечтательной философии».⁸ Так же, как и Гамлет, герой Ерофеева изо всех сил стремится избежать столкновений с судьбой и так же, как и Гамлету, судьба сама идет ему навстречу нанося смертельный удар колющим орудием.

*Так сознание делает нас всех трусами;
и так рожденный цвет решимости
покрывается болезненно-бледным оттенком мысли,
и предприятия большого размаха и значительности
в силу этого поворачивают в сторону свое течение
и теряют имя действия.⁹*

Нынешние пост-капиталистические времена мало чем изменили героя русской литературы. «Современный автор, стремительно теряющий массового читателя, ведет себя так же, как учитель со сложным классом: либо приковывает внимание описанием экстремального, душераздирающего опыта <...> либо держит сложносочиненной интригой».¹⁰ Издательства прямо пишут на своих страницах: «Отдаем предпочтение сюжетной литературе». Оно и понятно, — обаятельная прустинская болтовня о том, о сем превратилась в винтажную роскошь, и без фабулы избалованный кинематографом читатель вообще забудет о художественной литературе. Бессюжетные страдания ныне позволительны только лауреатам Нобелевской премии, и то заграничным. Так что большинство авторов, держа нос по ветру, ставят своего героя в суровые условия выживания, а читатель наблюдает, как Homo Agendi, продукт синтеза соцреализма и постмодернизма, бьется в смертной схватке с целым морем бед. Рассказы Романа Файзуллина, которые я анализировала в первой части¹¹ своей критической «трилогии», как раз представляют собой очень наглядный пример господства данной идеологии, и если бы «экстремальный опыт героя» не довел самого автора до печального конца, то, думаю, у него были бы неплохие шансы заинтересовать своим творчеством столичные издательства.

Тем не менее, гамлетовская рефлексия окончательно не исчезла. Разумеется, чаще ее используют как своего рода приправу к литературному произведению, но изредка встречаются писатели, решающиеся сделать ее основой своего творческого мировоззрения. Прозе одного из таких смельчаков, Николая Васильева, и будет посвящена эта статья. Прошу у читателя прощения за столь длинное вступление, но, во-первых, надеюсь, что оно получилось небезынтересным, а во-вторых без него мне пришлось бы вслед за другими литературоведами наукообразно вещать о том, что «в конце XX — начале XXI века появилось не только множество произведений полисемантического, полистилистического, поливалентного плана, но и целый ряд писателей, чье творчество с трудом укладывается в рамки самых разных измов. Можно ли найти современного реалиста, который избежал бы модернистского или постмодернистского воздействия, и наоборот? Практика литературного творчества показывает, что синтез становится не просто общей чертой литературы конца прошлого и начала нынешнего века, предполагающей

9 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод М. Морозова.

10 С. Оробий. Эй, начальник! // Литература, 89 [URL: http://litteratura.org/issue_criticism/2060-sergey-oroby-ey-nachalnik.html]

11 См.: О. Пуссинен. «Первое поколение новой страны»: Молодая российская проза. Часть первая. Топор или петля? — Роман Файзуллин // Иные берега *Vieraat rannat*, 2016, 2 (21).

диалогическую переключку разных течений и поколений, но весьма чутким показателем на пути движения литературы в поисках новых эстетических форм, ее "третьим течением".¹²

Проза Николая Васильева, вне всякого сомнения, является характерным образцом воздействия литературных «измов». Автор, я бы сказала, чувствует свою прееменность перед всеми модернистами и постмодернистами и изо всех сил старается не писать просто, выбирая плотный до перенасыщенности стиль повествования, с трудом угадываемый сюжет, полифоничность сознания, склонность к метарефлексии, эмоциональность и интуитивность как основной принцип мировосприятия и отношения к жизни, которое ему очень сложно выразить в ясных и точных понятиях. Сам Н. Васильев, стремясь выявить смыслозначимые для него ориентиры мировой литературы, имел неосторожность на странице в известной соцсети охарактеризовать свой писательский метод следующим образом: *«Это самая что ни на есть «набоковско-фолкнеровско-платоновско-поэтическая проза», а на самом деле васильевская – ну то есть, густой дремучий огнедышащий п***дец в плане языка, содержания и экспрессии»*. Тут можно было бы очень кстати вспомнить Алису в Стране Чудес, выпившую из пузырька волшебное зелье, которое «оказалось необыкновенно вкусным (на вкус точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренок с маслом)». Но не будем ехидничать, — вспомним, к примеру, сколько шпилек было отпущено современниками в адрес поэзии Б.Н. Пастернака.¹³ За кажущимся уходом от реальности в рассказах Н. Васильева, тем не менее, стоит реализм отображения бытия, и я уверена, что если писатель не бросит прозу, то лет через десять-пятнадцать жизнь добавит в его творчество святой (священной) простоты, дающей не чужим опытом, а только лишь собственными набитыми шишками. Важно и то, что Н. Васильев сознательно не идет на поводу у литературной конъюнктуры: «В его прозе «нет ни "порнухи", ни "чернухи", ни специального исследования "темных", неизвестных углов нашей социальной или исторической жизни, на освещении которых внезапной фото-вспышкой сделали себе имя иные из известных ныне литераторов, описывая то кладбище, то стройбат, то внутреннюю жизнь церковного прихода...»¹⁴

Главный герой рассказов Н. Васильева — созерцатель, наблюдающий текущую вокруг него жизнь с ощущением собственной потерянности, бездомности, бесприютности, обездоленности. Повествование в силу этого нарочито лишено динамичности, с точки зрения классического (реалистического) раз-

12 Чю Цзяньхуа. Эстетика постсоветской русской прозы // Вопросы литературы, 2015, 4.

13 «На Пастернаке мой бедный язык малость заплетается, — иронизировал, допустим, удостоенный страницы в Википедии писатель Э. Шульман. — Проглатываю, может быть от восторга, два-три слога... Да и не так, знаете, просто выбраться из больницы...» (Э. Шульман. И это все в меня запало... // Вопросы литературы, 2013, № 1.) Насмешки Шульмана удостоилось следующее четверостишие Пастернака:

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

14 Н. Иванова. Ностальящее // <http://magazines.russ.ru:81/znamia/dom/ivanova/index.html>

вития действия в нем отсутствует фабула, перипетии бытия и психологические коллизии, стрессовые ситуации, кульминационные разоблачения. Конфликт в данном случае лежит не в столкновении характеров, а во внутреннем напряжении героя, очевидном только ему самому, — именно за счет этого напряженного внутреннего анализа, порой проваливающегося в бессознательное бормотание, текст становится выпуклым и многогранным. Вне созерцания герой Н. Васильева, как и Гамлет, оказывается слабым и несостоятельным. Главным лейтмотивом рассказов становится острое ощущение дисгармонии мира, непонимание того, заложен ли вообще какой-либо смысл в объективной действительности и каков этот смысл, если он в самом деле есть.

«Самые ценные, бытийственно ценные вещи просто не укладываются в комод бытия — нет в этом комодe жизни для подлинной любви. Высшее чувство, высшее осознание и деяние вынуждено ютиться в тесной, изнафталиненной темноте, уступая львиную долю места низшему, косному, не приемлющему просветления — всем этим простыням эроса под пластами житейской морали и тряпок. Но вы открываете ящик, и свет июня падает на весь этот беззащитный, откровенный тлен, вдруг разом утративший всю свою грозную косность — от прикосновения к нему нетленного, бесплотного и бескрайнего. И уже как-то не хочется закрывать комод, выдвинутый ящиком в небытие, да, в сомнительное и гиблое для философии пространство, в бездну — в открытый торжествующий космос, куда стремится сорваться душа, как космонавт, как причастник свободы, гармонии и жизни. И не хочется закрывать комод, ибо как еще поместить в нем зияние — солнечное, июньское, сергиевопосадское?» Этот пассаж о соотношении духовного и материального, написанный от лица русского философа Н.А. Бердяева, вставлен в рассказ Н. Васильева «Бердяев, Шестов и тяжелая жизнь»¹⁵. По поэтике текста видно, что автор действительно не даром открывал тома и того, и другого философов, заявленных в качестве действующих лиц рассказа: «Это текст-воронка и одновременно текст-импульс — он противится добровольному вхождению любопытствующего. Он имеет также и свою зеркально гладкую, предельно разглаженную, даже порой глянцевиито приторную поверхность изысканной литературности».¹⁶ Тем не менее, сюжет рассказа предельно прост. В первой части главный герой, безымянный молодой человек, ожидающий свою бывшую первую любовь у московского метро Чистые пруды, вспоминает, как ездил в Сергиев Посад к своему приятелю, в квартире которого на книжных полках стояли тома Н.А. Бердяева. Во второй части главный герой вспоминает о своей жизни в Санкт-Петербурге: там он снимал комнату на окраине вместе с приятелем (не тем, что в первой части, другим) и ходил на работу, не примечательную ничем, кроме того, что там работал один еврей, — то ли похожий на Шестова, то ли звали его, как и Шестова, Львом Исааковичем, то ли, как и Шестов, тоже склонный к философии. Воспоминания о жизни в двух столицах, — сбивчивые, перескакивающие, сумбурные, — таким образом, помечены двумя этими именами, освещающими бедную, скудную на события жизнь героя своим туманным сиянием.

15 Литература, 88.

16 М.Л. Морева. Лев Шестов. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. — 88 с.

Уже по одному выбору духовных наставников становится ясно, что построение главного героя отнюдь не радужно: «Основная метафизическая интуиция Бердяева — острое ощущение царящего в мире зла, которое не может быть оправдано никакими философскими системами, никакой теодицеей <...> Что же касается Шестова, то для него антиномизм, беспочвенность, адогматизм, апофатичность остались определяющими характеристиками его мышления».¹⁷ И действительно, из рассыпанных по тексту, словно горошины по полу, отрывочных фраз читатель начинает, как пазлы, складывать кусочки жизненных неудач главного героя: во-первых, он расстался с любимой девушкой, во-вторых, из его амбициозных планов стать известным музыкантом ничего не вышло. Обычная, так сказать, история воспитания характера и укрощения строптивых молодых надежд. Маясь от собственной невостремленности, главный герой находит утешение в воображаемых, виртуальных беседах с Бердяевым и Шестовым. Эти диалоги становятся для него отдушиной в реальности, представленной как *«череда дней и ночей, скудное и напряженное существование линий на моей ладони, выводящее в «нигде» за ее пределы»*, причем, как это и бывает в человеческом воображении, герою очень хочется, чтобы его философские изречения звучали более философично, более броско, более многозначительно, чем изречения его именитых учителей. *«Знаете, я поначалу долго не мог устроиться — все как-то концы с концами не сходились. Столько зла в этом мире... зло вещь такая — достаточно одного прецедента, чтобы было совершенно нельзя устроиться. Слезинка ребенка, та самая... карамазовская ли, ставрогинская... Одну эту каплю в море — и все, берег невозможен. Невозможен»*, — говорит герою Бердяев. *«Счастье — такая же, по сути, беспощадная вещь, ему все равно где, ему лишь бы быть, и в этом житейском море, отравленном слезинкой ребенка — в этом житейском море, над которым, как голова над водой, всходит и заходит солнце — счастье спокойно вписывается на зыбкой жилплощади волн, попадаясь или не попадаясь нам; как утки в сточном пруду возле гипермаркета «Метрика» в Петербурге, где я когда-то продавал дешевый кафель, который встречаю в домах людей до сих пор»*, — отвечает Бердяеву герой Н. Васильева. Подобная духовная переключка создает впечатление, что персонажи «мыслят не умом, а каким-то другим, более первичным и стихийным органом, каким-то "нутром" своей души»¹⁸, чего, скорее всего, и добивается автор.

Тем не менее, все эти сложные, длительные экзистенциальные переживания, которые обычно подталкивают человека к совершению какого-либо поступка, в рассказе «Бердяев, Шестов и тяжелая жизнь» ничем не разрешаются. Бывшая первая любовь не приходит. Главный герой идет к метро, убеждаясь в безнадежности и «конченности» людей, которые не попадут в рай. Суррогатным замещением поступка становится виртуальная смерть Шестова, который то ли в действительности, то ли в воображении героя отправляется в Африку охотиться на льва (то есть, фактически на самого себя, если исходить из того, что Шестова зовут Лев) и там погибает, своей смертью

17 П. Кузнецов. Русский экзистенциализм? Николай Бердяев и Лев Шестов // Звезда, 2013, 10.

18 С.Л. Франк. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология. Вашингтон — Нью-Йорк, 1965.

как бы подводя черту завершения очередного этапа жизни героя: «И через неделю он уехал; независимо от того, как сложилась его судьба и судьба его жены в охоте на льва, в честь которого он назван — под покровительством опытного человека, сумевшего снять с себя вину за убийство семьи — независимо от всего, вестей от него больше не поступало. Да вообще говоря, он и так умер — задолго до того, как я растерял свежесть и стал искать способов проснуться — умер, не будучи ни смертным, ни бессмертным, и даже смерть не смогла бы утверждать положительно, что он не воскреснет». Таким образом, наполеоновские амбиции и планы героя, о которых упоминал Шестов (васильевский Шестов!), погребаются в зыбучих песках метарефлексии, в процессе которой герой возводит свои личные ощущения до философского принципа. К персонажу Н. Васильева хорошо применимы слова настоящего, неваильевского философа Льва Шестова из статьи «Шекспир и его критик Брандес», написанные (кстати!) как раз о переживаниях Гамлета: «Он умеет "думать" — а ему и в голову не приходит, что может быть выход из тяжелого положения, что нужно нести на себе не только мировую скорбь по поводу существования зла, но и малую долю этого зла».

*Так в трусов превращает нас сознание;
Так и решимости природный цвет
От бледного оттенка мысли тускнет.
И оттого-то также предприятия,
Великие по силе и значенью,
Сбиваясь в сторону в своем теченье,
Не переходят в дело...¹⁹*

Другой рассказ Н. Васильева «Вчерашняя жизнь в провинции» строится на воспоминаниях главного героя о событиях недавнего прошлого. Между деталями жизни нынешней герой вспоминает о том как он жил-был где-то на окраине провинциального российского городишки, была у него у то время жена, и отношения с женой были не очень, то ли из-за того, что герой жене потихоньку изменял, то ли от того, что денег мало зарабатывал, и однажды жена ни с того ни с сего дала герою пощечину, нет, даже две, а потом объявила, что беременна и собирается пойти к начальству героя просить прибавки к жалованью, после чего начался скандал, в ходе которого уже герой дал жене две плюхи, потом они легли спать, а на следующий день герой вернулся с работы прямо к полыхающему огнем своему старому деревянному дому, на окраине города, как мы помним, и, не разобрав что к чему, подумал было, что жена его сгорела в синем пламени, но потом увидел, что она жива-здоровехонька стоит себе недалеко от огня и торжествующе смотрит на пожар, и торжество ее подтолкнуло героя невесть зачем, вроде как за соседями, войти внутрь горящего дома, и конечно, он никого в пожарище не нашел, слава Богу, сам живой остался, хотя вроде сознание даже потерял, а жена его в это время сложила вещички и умотала в неизвестном направлении. Вот, собственно, сюжет, хотя, вполне возможно, что я в чем-то и ошиблась, поскольку сюжет почти полностью растворен в повествовании, — его приходится оттуда вы-

лавливать, как кости полностью разварившейся в супе рыбы. После прочтения в памяти остаются лишь многочисленные предметы и приметы окружающего мира, которыми наполнен текст: *«черно-рыжий кустарник вдоль обмелевшей реки», «надбровные тучи города», «свет в каких-то странных и родных полях, тронутых и пахнущих ветром оттепели», «утробный вой поездов», «прямота и откровенность голой рощи», «меж высоких, пробираемых ветром склонов грохочет и воеет поезд — слева еще один мост, автомобильный, желтый грузовик сверкнул на мгновенном солнце; вдоль реки — рыжая трава, обнажающиеся осины, тополя, березы, разновысотные жилые массивы, индустриальное урочище спичечной фабрики с курящимися в небо трубами, дальше — дачи, дачи, дачи, Вавилон гаражей, дачи и кладбищ, троица деревянных домов на горизонте», «а на дворе ночь и холодный ветер».* Прозе Николая Васильева вообще присуща большая художественная плотность, она весьма насыщена образами, вокруг которых кружится повествование. Образы «Вчерашней жизни в провинции» развиваются, трансформируются и перетекают один в другой, создавая поистине космогоническую картину мира, который держится на четырех регулярно упоминаемых первобытных стихиях: свет, дым, огонь и ветер.

162

Детали пейзажей и зарисовок становятся импрессионистическим фоном, в который вписан облик героя, — расплывчатый, зыбкий и неверный, словно читатель смотрит на него близорукими глазами без очков. Действия героя, в принципе, обычны, — вот он просыпается у какой-то из своих подружек, вот он, ощупывая ребра, вспоминает драку, в которую ввязался ночью, защищая абсолютно незнакомого парня, вот он едет в маршрутке на работу, вот он ждет у проходной начальника, опять вспоминает драку, подругу, другую подругу и, наконец, жену, стиравшую белье и давшую ему мокрой рукой пощечину, когда он вернулся домой со свидания с другой подругой. Тем не менее все движения героя требуют от читателя максимального напряжения для их разгадки, поскольку сюжет то проступает сквозь дымку образов, то теряет четкие контуры, заливаемый потоком сознания, перемешивающего настоящее с прошлым. Герой будто бы плавает в каком-то подводном мире, хотя мир при этом остается вполне узнаваемым и даже неизменным, — типичный мир российской глубинки, сохраняющий нестираемый никаким Интернетом отпечаток некрасовской тоски и чеховской скуки.

Но вернемся к герою. Герой «Вчерашней жизни в провинции» иррационален так же, как и космогонический мир, разросшийся на огне и дыме. Действия героя хаотичны, как порывы ветра, раздувающие пожар. Автор подчеркивает значение иррационально-интуитивных состояний человека в противоположность рациональному постижению действительности, можно сказать, что его интересует философский спектр радуги человеческих эмоций и ощущений. Хаотичность мира не осмысливается, а воспринимается героем рассказа через чувство, ощущается: весь рассказ герой сгорает от стыда и сомнения, будучи недоволен собой именно из-за того, что не может рационально и объективно осмыслить свою жизнь. Он недоволен, что ввязался в драку, благородно кинувшись на защиту незнакомца, недоволен своими связями с женщинами, *«сдержанным провинциальным блядством»*, недоволен тем, что не смог понять, постичь свою жену, которую своей иррациональностью (ветреностью) подтолкнул к поджогу. К середине рассказа

можно даже предположить, что в сознании героя любое деяние есть зло, и именно здесь проявляется его гамлетовское начало: нет поступка, нет и последствия, которое по своей отдаче оказывается куда сильнее и разрушительнее. Однако, герой Васильева пытается обосновать свои иррациональные импульсы, раскрепощающие языческие, стихийные силы, поставив их на платформу нравственной и этической позиции: *«Это входит в общую сумму моей ответственности... за существование Божье»*. Поступок, таким образом, превращается Н. Васильевым в некий сложный религиозно-философский конструкт, через который проявляется «божественное Я человека»: «онтологическое достоинство человека, его способность, более того, призванность быть не «страдательным», т. е. подчиняющимся довлеющей власти «необходимого», зависящего над человеком роком «случая», но свободным, творящим миры существом»²⁰. Апофеозом преодоления «страдательности» и проявления божественного начала становится финальная сцена рассказа, в которой герой вбегает в горящий дом: *«кто не войдет в горящий дом, тот не верит в Бога, это он подозревал с детства — не в набожности дело, это значило не верить вполне, до конца, до неизбежного горизонта — во что угодно, в свои силы, в любовь, в победу»*. Адское пекло пожарища, преодоленное поступком, превращает горящий дом в чистилище, через которое открыт прямой путь в горние высоты рая: *«Вот он, очаг, вот оно, солнце, отказаться от его нутра, где выживают только ангелы да святые — значит предпochеть мглу, пронизанную горем, как страхом, и страхом, как горем — нельзя не войти в горящий дом, — дом, в который никто не вошел, когда тот горел, чтобы вытащить оттуда хоть кошку, хоть мышь, хоть одеяло, хоть бумажки и фотографии, подтверждающие жизнь, хоть малейший призрак жизни <...> и кто убоился огня, тот не верил теплу, которым грелся»*.

Но когда поступок уже практически превращается в подвиг, когда уже почти доказано, что интенсивность экзистенциального переживания жизни способствует излечению от пустых метаний, сомнений и терзаний, что лучше 1) *«встретить // С оружием море бед»*²¹, 2) *«ополчась на море смут, сразить их // Противоборством»*²², 3) *«против моря // Невзгод вооружиться, в бой вступить // И все покончить разом»*²³, — как раз именно в этот момент выясняется, что никакой пользы от поступка героя не было: *«в чаду паники, падая и проваливаясь, сжигая силы, нервы, надежду, отчаянье — на втором эта же он взял на себя слишком много огня и дыма и не нашел никаких соседей — а нашел только сердцевину пекла, где языки пламени, осилив мир и принявшись за пустоту, трепетали и метались вечно»*. В геройстве героя, таким образом, нет ни толку, ни проку, — хорошо хоть сам жив остался. В итоге, по мысли автора, делай что-то или не делай, все равно не избежишь участи всех обывателей: *«понабрать кредитов, купить жилье, наделать детей, развестись с женой через год, два, пять, десять»*, — о чем герою ехидно *«вместо гласа свыше»* сообщает голос его жены, которая в качестве возмездия за наставленные рога сначала подожгла дом, а потом сбежала в неиз-

20 М.Л. Морева. Лев Шестов. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. — 88 с.

21 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод Б. Пастернака.

22 У. Шекспир. Монолог. Перевод М. Лозинского.

23 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод П. Гнедича.

вестном направлении, унося во чреве сына своего непутевого мужа. В финале рассказа герой Васильева отброшен в начальную точку своего пути, к старому дому, который и сгореть-то дотла не смог: *«он до сих пор здесь, а жизнь длится, уходя из-под «никогда».* Деятельность, таким образом, оказывается столь же нерезультативна, сколь и бездеятельность

*И эта мысль нас в трусов обращает...
Могучая решимость остывает
При размышленьи, и деянья наши
Становятся ничтожеством...²⁴*

Герой еще одного рассказа Н. Васильева — «Шум моря в ушах яростного старика»²⁵, кстати, выдвинутого на Астафьевскую премию, — еще более наглядно демонстрирует, что дилемма «быть или не быть?» (делать или не делать), поставленная датским принцем четыреста с лишним лет назад, не утратила и, надо полагать, никогда не утратит своей актуальности, что зачастую выше и благороднее *«сносить в душе с терпением удары // Працей и стрел судьбы»*²⁶. Безымянный главный герой²⁷, находящийся в смешанных расстроенных чувствах после расставания с любимой девушкой Олей, поддавшись неясному порыву, решает, воспользовавшись Олиным отсутствием, вывезти к морю ее любимого дедушку — полусумасшедшего, почти впавшего в старческую деменцию, но все еще бодрого вздорного старика: *«Он не всегда понимает, что ему говорят, но иногда неплохо понимает себя. Он излагает свой бред так непринужденно и открыто, что бывает невозможно удержаться и не съязвить — и кажется, будто сам он недалек от твоей иронии; нормальный старикан, цитирующий рассказы сумасшедшего».* Старик (также безымянный) надсаживает молодые уши бесконечными разговорами и каждый из них сводит к вопросу о том, где же море, которое постоянно *«шумит и стонет»* в его ушах. На берегу Балтийского моря, вдохнув осенней прохлады и хлебнув коньяку, старик сбрасывает с себя одежду и, по-молодому разметав сопротивление главного героя (кажется, его все-таки один раз называют по имени — Саша), погружается в пучины вод, в которых закономерно находит свой конец. Саша, очухавшись от тумачков, щедро отвешенных ему дедом, кидается вслед за безумцем, безуспешно пытаясь выловить его среди бурных волн, а затем, выйдя на берег и допив коньяк, долго слушает, как звонит телефон, с помощью которого внучка пытается разыскать пропавшего дедушку. Оля, поскольку о родителях ее в рассказе ни слуху ни духу, таким образом, с легкой подачи своего бестолкового недосуженного остается на свете горькой сиротинушкой, словно Офелия, лишенная отцовской опеки ударом шпаги своего почти что жениха-принца, решившего от слов перейти наконец-то к делу.

24 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод П. Гнедича.

25 «Homo Legens», 2012, 2-3.

26 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод К.Р.

27 Николай Васильев, насколько я заметила, очень не любит давать главным героям своих рассказов имена, особенно если героини эти являются лицами мужского пола. Из пяти прочитанных мною рассказов имя и фамилию имел лишь один, и того звали неестественно-возвышенно, словно героя пьесы Чехова, — Дмитрий Раскатов (О.П.).

Рассказ «Шум моря в ушах яростного старика», действительно, весьма неплох и вполне заслужил того, чтобы быть выдвинутым на премию, как впрочем, заслужил и то, чтобы премия ему не досталась: образы выписаны порой слишком поспешно, порой слишком плоско, порой слишком туманно. Старик вроде бы и не примитивный дед, и читал Фолкнера с Хемингуэем, и даже помнит слово «пошлость», и на войне, кажется, побывал, и говорить пытается афоризмами, но до полнокровной фигуры все-таки не дотягивает, зажатый в рамках банальных характеристик *«седовласый, широкоплечий, сутулый»*. Оля вроде бы милая, не затронутая жаждой богатых женихов, с отдаленным намеком на интеллектуальность девушка, прощающая герою его финдибоберы, но тоже не может выйти за пределы штампов: *«темные прямые волосы, непрочно сомкнутые губы и спокойные, упрямые серые глаза»*.

Лучше всех, разумеется вылеплен главный герой, томящийся от собственной неприкаянности Саша. Его терзания дороги молодому автору, как дорого свое отражение в зеркале, так что Саша рассмотрен весьма пристальным взглядом. Читатель узнает, что Саша в Петербурге из понаехавших и *«долгое время привыкал — бессознательно, тяжело, постепенно»*. Саша вроде бы где-то работает, хотя Оля ссужает его мелочью на проезд. Саша вроде бы с пытается общаться с коллегами по работе, болтая о всякой жизненной всячине: *«О том, насколько паршив этот коньяк, во что обойдется подержанная тачка, стоит ли брать на нее кредит, где лучше покупать кроссовки — и был ли смысл набить лицо тому типу, который брякнул моему коллеге глупость — задолго до меня, в Казахстане — или же не было никакого смысла»*. Но подобное общение из пустого в порожнее явно тяготит Сашу, в результате чего он регулярно оказывается в вытрезвителе, где ведет себя весьма агрессивно: *«Когда я проснулся в вытрезвителе, медбрат заявил, что я бился головой о стену и читал стихи на английском — очень четко выговаривая это ихнее «th». Я не помнил ничего, а такого — тем более; а он улыбался, он мог уличить меня в чем угодно»*. Как догадывается читатель, именно из-за этой буйной любви к английской поэзии Оля и решила с Сашей распрощаться. Саша же без Оли тоскует, хоть и ни разу не намекает на любовь, ни словом, ни помыслом: *«Меня тянуло к ней, как уходящего на работу тянет к кровати», «быть с ней — значит быть собой»*. Но при этом Саша тут же подчеркивает, что ему *«быть собой невозможно»*. Почему Саше невозможно быть собой, автор читателю разъяснить не может, — читатель должен просто принять, как аксиому Сашин *«кривой характер»*; Саша априори герой с трещиной в душе. Даже старик называет его *«бесприютный»*, — Саша заблудился в своей жизни чуть не с рождения: *«Иногда я вспоминаю, как мама накладывает мне макароны с котлетой и говорит: кто хоть ты у нас такой... вундеркинд, не иначе. Мама не знает, что я уже давно брожу внутри этого вопроса — кто хоть я у нас такой и есть ли я такой вообще — а там, внутри вопроса, не слишком темно, не слишком холодно и волков не водится; я шатаюсь меж деревьев, кочую по холмам, ночую в ложбинах, и в шорох листвы надо мной иногда вплетается шорох колес по трассе, окольцевавшей лес; и я полагаю, что всегда смогу к ней выбраться. А лес-то, само собой, волшебный, лес-то с подвохом, и мне из него уже не уйти, потому что я мыслю и чувствую этими кривулями и зигзагами, этими холмами, оврагами и ложбинами»*.

Каковы духовные искания Саши, мы так и не узнаем. Что толкнуло его на то, чтобы повести неадекватного старика к морю, месту не самому безопасному, также остается догадываться: обида на Олю? благородный порыв? глубоко запрятанное желание отомстить? стремление осуществить мечту, — чужую, поскольку своей-то нет? Видимо, все вместе взятое, помноженное на безрассудство, граничащее с глупостью. Более интересно чувство спокойно-отчаяния, охватывающего Сашу на берегу Балтики после смерти старика. Саша словно бы подбивает итог своей собственной жизни, хотя в этом итоге уже нет душевных метаний, нет дисгармонии, нет внутреннего раздора с самим собой. Сашин поступок, обернувшись непредсказуемыми трагическими последствиями, выталкивает его на новый экзистенциальный рубеж, и телефон недаром играет ему «музыку сфер» — мелодию из «Терминатора», фильма про апокалипсис: *«Я смотрел на залив, на облака, на баашню, на солнце, опускавшееся все ниже. Потом я зачем-то развернулся и посмотрел на приморский город, громоздившийся высотными домами. Арки в домах были почти такие же высотные, и в них, чуть пригибаясь, входило небо; за его спиной, в глубине пустоты, виднелись другие дома. Не было смысла смотреть — ни на залив, ни на город. Моря нет, старика нет; он нашел, что искал. Он сам стал такой же байкой, такой же навязчивой легендой — я до сих пор ищу его голову среди житейских волн — он стал свободой, на окраине которой нам позволено жить и дышать ее же сырým простором. Но моря нет, старика нет, и оправдания мне тоже нет и не будет»*. Окаймленный зелеными огнями материальный мир становится юдолью страданий и смерти, по сторонам которого простирается море небытия, но, окунувшись в небытие, Саша все же из него выплывает и возвращается к реальности, *«повинуясь нелепому и страшному пробуждению»*, — возвращается к жизни под бременем совести.

*Совість наша
Быть трусами нас побуждает,
Под гнетом мысли блекнет смелость,
И замыслы с огнем и силой,
Неволью сбившись с колеи,
Делами названы не будут.²⁸*

Если в «Шуме моря в ушах яростного старика» тема смерти основной не является и затронута в качестве следствия причины, то центральной осью рассказа «Предварительный марафон»²⁹ становится экзистенциальный выбор между движением к смерти и/или движением к жизни: опять тот самый Гамлетовский вопрос — «Быть или не быть»? Разумеется, тема смерти — вечная литературная тема. «На вопрос о сущности смерти история литературы отвечает чередой сменяющих друг друга личин. Смерть — это розенкрейцеровское Ничто, романтический духовный Абсолют, материалистическое небытие, декадентские игрища на краю пропасти, символистское сти-

28 У. Шекспир. Монолог принца Гамлета. Перевод А. Московского.

29 «Иные берега Vieraat rannat», 2016, 2 (21).

рание реальности, экзистенциальный страх, постмодернистский распад».³⁰ О смерти современный писатель размышляет с не меньшим напряжением, чем датский принц. «Воссоздание (при разных оценках!) встречи и конфликта современного человека с небытием — пожалуй, главное достижение литературной традиции наших дней».³¹ Н. Васильев также стремится ответить на главные вопросы бытия, один из которых — противостояние жизни и смерти. Какое же обличье принимает смерть в рассказе Васильева?

Уже первая фраза «Предварительного марафона» намекает на пограничность и зыбкость материального существования персонажа: *«Да потому что мы все сдохнем, говорит кровь, надевает капюшон, запирает дверь и стремительно нисходит по лестнице, звеня ключами где-то в глубине своих балахонистых одежд жреца или мелкого бандита»*. Рассказ написан по всем правилам метафизического реализма — метода, восходящего к творчеству Ю. Мамлеева. Главный герой деперсонализируется — это не литературный герой, это символический образ человека как физической субстанции, главной основой которой Н. Васильев выбирает кровь, используя достаточно редкий ныне художественный прием — синекдоху. Читателю, более привычному к юмористическому восприятию синекдохы³², следить за путешествиями крови немного жутковато, но если не рассматривать рассказ исключительно как аллгорию, то можно добраться и до сюжета: персонаж (кровь) выходит на пробежку столь ранним утром, что остальные люди, видимо, еще спят, и бежит по пустым улицам с нарастающим чувством опасности, подстерегающей его во внешнем мире, чужом, неудобном и враждебном. Не нарушая избранной стилистики «чистого» постмодернизма, Васильев не конкретизирует опасности, но лишь подготавливает к ней: *«какая-то часть меня уже висит, наверно, на достаточной для смерти высоте и не вполне понимает, как это вообще делается, и не видит даже смысла, не то что веревки, лестницы, падения — назад»*. Опасность наконец материализуется в виде женщины, одиноко стоящей у подъезда: *«Вроде бы кобыла кобылой, но по мере приближения к углу дома, где светился во главе угла подъезд — не только шаги и метроном ключей, даже дыхание прослушивалось в чуткой пустоте двора — стало мерещиться, что она еще и непростая кобыла, поскольку не оборачивалась посреди ночи до последнего. Смотришь на эту спину, плечи и ноги, в эти черные — то ли от густоты, то ли на фоне фонаря — волосы и думаешь с некоторой усмешкой: чем дальше она не реагирует, тем больше знает — и уже не только то, что ты приближаешься, а что именно ты»*. Женщина просит прикурить, персонаж (кровь), увидев опасность в лицо, в страхе и панике ускоряет свой бег и, не останавливаясь, бежит до железнодорожного переезда, где поезд отрезает беглеца (кровь) от преследовательницы (смерти). Но поезд проходит, и *«женщина не отвечает — наверно,*

30 А. Жучкова. Поединок жизни со смертью на страницах современного романа // Вопросы литературы, 2016, № 5.

31 А. Татаринев. Современный роман: важные встречи с небытием // Вопросы литературы, 2013, № 6.

32 Ср. со знаменитой чеховской синекдохой: «Прятели сильно расходятся и в своих привычках. Так, контрабас пил чай вприкуску, а флейта внакладку, что при общинном владении чая и сахара не могло не породить сомнений. Флейта спала с огнем, контрабас без огня.» (А.П. Чехов. «Контрабас и флейта».)

улыбаются — потом надевает туфли и медленно переходит вслед за кровью через пути».

«Предварительный марафон», видимо, сознательно написанный, как вещь для читателей «профессиональных», можно сравнить с текстами алхимиков «с их запутанным аллегоризмом, в которых лежащее на поверхности — не путеводная нить, но ловушка для пытливого ума, и в этом смысле всякий интертекстуальный анализ представляется делом довольно безнадежным»³³. Но если отбросить в сторону постмодернистскую игру отражениями и осколками метафизических смыслов и структур, то можно увидеть, что рассказ, в котором главным действием становится бег, — бег длительный, *марафон*, — учит бороться со страхом смерти, принимая его, потому что бегство от смерти равносильно бегству от жизни. Да, смерть (как и положено грамматикой русского языка — женщина) неотвратима, и недаром «*женщина орет: не расслабляйся, ты все равно обречен!*» Но именно это, согласно Н. Васильеву, «лучший повод продолжать движение; предварительный марафон перед основным, где все мы уже точно сдохнем прямо на бегу и перестанем существовать, как единственная возможность остановить чувство безответной любви к реальности, которому мы присуем». Рассказ можно назвать катастрофичным, поскольку он оставляет читателя один на один с безысходностью человеческого существования ввиду смерти, но выбор автора все-таки остается за «быть», хотя эпического противостояния смерти не происходит: кровь предпочитает не идти на смертный бой, а убежать от смерти, открыто признавая свою трусость.

*Всех трусами нас сделала боязнь.
Решимости роскошный цвет бледнеет
Под гнетом размышленья. Наши все
Прекраснейшие замыслы, встречаясь
Сужасной этой мыслью, отступают,
Теряя имя дел.*³⁴

Разумеется, гамлетовские лейтмотивы прозы Н. Васильева не родились в полной пустоте из ничего, — они встраиваются в тот «ключевой, отнюдь не бедный сюжетами и образами, эпос последних десятилетий: герой, оставшийся без почвы, без веры и любви, испытывает агрессию мощной стихии. В риторическом потоке звучит рефрен: жизнь не имеет смысла, страдание безгранично и бесцельно, Бог и личность — фикция, кругом — "лед", который и есть "последняя правда"».³⁵ Это идейное направление, по указателю которого движется современная русская литература, обусловлено рядом вполне объективных социальных причин: сменой исторической парадигмы российского общества, разрушением культурных традиций, заменой

33 А. Григорян. Дойти до дна ада: Достоевский, Сологуб, Мамлеев // Вопросы литературы, 2016, 5.

34 А. Татаринов. Современный роман: важные встречи с небытием // Вопросы литературы, 2013, № 6.

35 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод А. Соколовского.

их на западные, снижением эстетических норм и ростом индивидуалистических, эгоистических тенденций. В индивидуально-психологических метаниях героев рассказов Н. Васильева отражается не только томление от гамлетовского бездействия, но и внутренняя, безотчетная тяга к деятельности, которой нет места в деидеологизированном российском обществе, насильственно лишенном одного из важнейших мировоззренческих и поведенческих феноменов, обладавших особенной значимостью в русском культурном пространстве, — феномена подвига. «Подвиг» в русской культуре связан с идеалами самопреодоления и духовного совершенствования личности, самопожертвования и самоотречения во имя высокого идеала Добра и Правды, часто понимаемыми в религиозно-православном духе». ³⁶ Поколение же Н. Васильева, рожденное в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, переломного рубежа в истории России, выросло практически вне этих категорий, поскольку идеологическим принципом бурно развивавшегося общества потребления, сосредоточенного на получении материальных удовольствий, стали слова О. Уайльда: «Самопожертвование следовало бы запретить законом, так как оно развращает тех, кому приносится жертва». Но способность к подвигу, тем не менее, осталась значимой чертой русского национального сознания, и приверженность к героизму играет важную роль в российском менталитете. Говоря словами Ф.М. Достоевского: «...самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить собственный живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности...» ³⁷

Иррациональную тягу к героическому началу, противостоящему обыденности и тесно связанному с началом трагическим, в прозе Н. Васильева передают женские образы. В отличие от безвольных, «бесприютных» мужских персонажей, полных внутренней сумятицы, женские характеры у Васильева цельны, решительны, смелы и героичны: Оля Раскатова из рассказа «Простые цвета» ³⁸, отважно переступающая барьер инцеста и берущая в свои руки судьбу брата, который без сестры не видит в своей жизни ни смысла, ни цели; очаровательная менеджер по подбору персонала в контору, занимающуюся, — ни больше, ни меньше, — подготовкой конца света ³⁹; Катя из рассказа «Звезды, похожие на гвозди» ⁴⁰, дающая отчаянный отпор насильникам. Не все перечисленные образы равны по художественной силе, — разумеется, избитая Катя, глядящая на ночное небо, в которое словно бы «вбиты» звезды, производит на читателя наибольшее впечатление именно силой своего характера, несгибаемостью, способностью отстаивать свое достоинство в экстремальной (смертельно опасной) ситуации, — то есть именно той

36 А.В. Трофимова. Подвиг как явление русской культуры : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01. — Нижний Новгород, 2008.

37 Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях.

38 «Процесс», 2014, 2 (4).

39 Рассказ «Место под солнцем: «Иные берега Vieraat rannat», 2016, 2 (21).

40 Новые писатели: проза, поэзия, литература для детей, литературная критика, драматургия, эссе. — Москва: Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, 2015.

готовностью к подвигу, о которой я писала выше. Но общая тенденция очевидна: в создании женских характеров Н. Васильев опирается на целую галерею сильных и деятельных героинь русской литературы: от пушкинской Татьяны Лариной до некрасовской Катерины, которая, как бы мы ни иронизировали, и коня остановит, и в избу войдет, в отличие от склонных к самокопанию мужчин, даже подвиги совершающих как-то «впопыхах».

*Так бледный свой оттенок размышленья
Кладет на яркий цвет уж твердого решенья,
И мысли лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение.⁴¹*

В своих рассказах Николай Васильев предпочитает не заниматься социальным анализом действительности, отказываясь от так называемого «антропологического» исследования человека, — это явно не его стезя. Лишь по косвенным деталям и мимолетным фразам читатель узнает о постоянной бедности его героя, вынужденного работать то курьером, то продавцом в продуктовом магазинчике, то мелкой сошкой в офисе, кочуя по съемным конуркам с протекающими потолками и обшарпанными стенами, маясь от бытовой неустроенности и страдая от вечной нехватки денег и времени на творческие увлечения. Тем не менее, Н. Васильева никак нельзя отнести к молодым писателям, занимающимся «описанием своих и чужих прыщей вместо общественно значимого пафоса»⁴². Беря за основу собственный экзистенциальный опыт, писатель транслирует его как противостояние рационализма и иррационализма. Прячась за многозначительным мерцанием смыслов, Н. Васильев в своем творчестве тем не менее упорно обращается к поиску ответов на самые сложные вопросы: о жизни и смерти, о предназначении женщины и пути мужчины, о возможностях достижения счастья, о том, что есть Бог. Помимо этого, он талантливый и умелый стилист: по своей художественной фактуре его тексты густы, тягучи, но в то же время упруги, несмотря на текучесть образов, расширяющих схваченное мгновение до океана времени. Н. Васильев не боится длинных фраз, он любит сложно сочиненные и сложноподчиненные (представьте себе) предложения, и подобный разветвленный синтаксис, разумеется, льется бальзамом на душу ценителям «сложной» интеллектуальной литературы, чахнувшим посреди стремительно «опрашивающейся» прозы. Единственный минус такого подхода — в потере читательской аудитории, ряды которой и так-то стремительно редеют, сокращаясь до коллег, друзей и филологов-литературоведов. Но данный выбор автора, как минимум, заслуживает уважения, а как максимум — может рассматриваться если не духовным подвигом, то личным поступком.

А что же «Гамлет»? А «Гамлет», безусловно, одно из самых значимых произведений мировой литературы, выведшее на авансцену первого рефлексивного персонажа, хотя склонность к рефлексии до сих пор не может

41 У. Шекспир. Монолог Гамлета. Перевод М. Загуляева.

42 И. Фролов. Чудище стозево и безъязыко. «Новый реализм» как диктатура хамства // Литературная газета. 2010. 24 марта.

объяснить нам всех черт героя и его поведения на протяжении всей пьесы. Некоторые шекспироведы, правда, трактуют дело весьма просто: «Трудности, по-видимому, объясняются двумя поспешными и плохо напечатанными переделками грубой старой пьесы и сложными театральными условиями того времени. Поэтому никакой "загадки" или "тайны" в характере Гамлета нет, как нет их и в трагедии в целом».⁴³ Но мы им, разумеется, не верим.

Рафаэль Сайфрутин: «Яблоко», 2005.

43 Э.Э. Столл. Цит. по: А. Аникст. Гамлет, принц датский.

Нина Гейдэ
Nina Gade

Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, работала журналистом и искусствоведом. В 1994 году переехала в Данию. Занималась радио-журналистикой, сотрудничала с русскоязычными радиостанциями ВВС, «Свобода», «Свободная Европа». Возглавляла Русское Общество в Дании. Была главным редактором русскоязычного литературно-публицистического журнала «Берег» (теперь «Новый Берег»). Параллельно с журналистикой и

культурологией всегда занималась литературным творчеством. Стихи и проза публиковались в разных российских и зарубежных журналах: «Звезда» (Россия), «Иные берега *Vieraat rannat*» и «*LiteratuS*» (Финляндия), «Роза ветров» (Израиль), «Берег» и «Новый берег» (Дания), «Рукопись» (Ростовна-Дону), в итоговых сборниках фестивалей «Славянские традиции» и «Эмигрантская лира», а также в сборнике «Нам не дано предугадать...» (2014). Лауреат литературных фестивалей и конкурсов: «Русский стиль» (2009, проза), «Под небом Балтики» (2013, поэзия), «Русский стиль» (2014, поэзия). Автор стихотворных сборников «Тень незабудки» (2013), «Билет на «Титаник» (2016), видеокниги «В чужом раю» (2015).

Сюртук из Вечности

*(Рецензия-отражение на книгу
Станислава Айдиняна
«Механика небесных жерновов»)*

Вселенная каждого большого поэта неисчерпаема. Она населена своими собственными созвездиями образов и символов. В ней – свое переплетение смыслов и толкований бытия;

в ней – свой млечный путь, свои метеориты, астероиды, далекий свет «белых карликов» и магия «черных дыр». Каждый читатель – странник по поэтической Вселенной – найдет в ней что-то свое – волнующее, родственное. Так и я, отправляясь в путешествие по лирическим страницам книги Станислава Айдиняна «Механика небесных жерновов», буду прежде всего останавливаться у своих «небесных колодцев» с живой

водой, чтобы посмотретья в них и зачерпнуть созвучия, не претендуя на полный охват-обзор разнообразных поэтических измерений, представленных в книге.

*Механика небесных жерновов
Невидимо земле необходима;
И пролетают мимо, сквозь века
Ночей метеориты-пилигримы.
И музыки расплавленной нутро,
Что через хаос девственно струится,
Мелодию планет перепоеет
И Абсолютом солнца воплотится...*

Механика небесных жерновов... Сразу же – столкновение несовместимого. Небо на то и небо, чтобы быть на расстоянии от земных забот: перемалывания хлеба насущного. Но поэт творческим своеволием переламывает эту кажущуюся несовместимость. Поэтически легко, но напряженно эмоционально поднимает, как атлант, землю к небу. И удерживает там. Вся поэзия Айдиняна – служение именно этому действию, действу. Потому что – «в небе тысячи исхоженных дорог» и бесконечное множество еще нехоженных, которые предстоит открыть.

*Стихи из образов земных слагаются,
Как крылья птицы слагаются
Пред взмахом высоты...*

Как человеку подняться к небу? Прежде всего через силу духа, силу мысли. Редко удастся прикоснуться к поэзии, столь преданно служащей высшему – духовному – началу бытия. Столь искренне верующей в безграничность миропознания. Столь устремленной к Вечности.

Не авторское альтер-эго, именно Вечность – главная лирическая героиня большинства стихотворений «Механики небесных жерновов». «Мы все у Вечности в прямом долгу» – утверждает поэт. Если это не так – не стоит и браться за перо. Будут сменяться эпохи, гибнуть царства, города, развенчиваться идеи, поколения будут сменять друг друга. Останется поэзия – разве что с музыкой делящая лидерство в духовной первооснове человеческого бытия («весь мир – органнй звук, в котором ноты – тайны...»). Потому и служит поэзия таинству довоплощения земного в небесное. Она – те жернова, которые перемалывают зерна земного, чтобы испечь небесный хлеб вечного. Изначально насущный.

Кипучий, безликий водоворот житейского, повседневного промчится мимо и не оставит следа. А душа всегда будет тосковать по вечному, ловить его ускользящий свет в каждом навсегда гаснущем дне. За стремительным бегом времени, приближающем небытие, угадывать бессмертие.

*Пусть бешено несутся сквозь века
Пустые дни.*

А Вечность – неизменна.

Она как глубина,

Лишь сверху пена

Минут, непостижимых до конца...

В мастерской Вселенной кипит работа. Ее замыслы не всегда нам понятны. Но мы наблюдаем, как трудятся ее многочисленные подмастерья – невидимые закройщики цивилизаций, культур, судеб. А поэзия привносит в этот процесс завершающую смысловую и образную

И о тризне.

Вечности смертный налет на губах...

А вослед –

Что на дороге ночной

Оставляем мы вечной порою?..

*Люди уходят,
зерно польхает в костре...*

Когда камни разбросаны, и их уже не собрать, когда зерно любви превращается в костре разлуки в пепел, и смертный налет Вечности появляется на губах – что же остается? Только Слово. И возможность творить новую реальность – творить и населять новыми смыслами. «Пусть днесь и вечно будет Слово!...» – восклицает поэт. И смело выражает мысль о том, что, возможно, вся наша жизнь – не более, чем прихотливая игра Логоса. И вовсе не мы создаем Слово, а Слово – нас. Мы – лишь его отражение, его сны, игра его фантазии.

В воздухе дорога, –

Путь мой млечный

Небо поит белым молоком.

Вижу – тихо вьется Бесконечность

Тускло-звездно-искристым дымком.

Верю в то, что звезды, разгораясь,

В бездны души глядят из полумглы,

Что над нами, мыслями свиваясь,

Разум-Логос дремлет до поры, –

Мы живем во снах его, живого,

Мы лишь только «анимы» его;

Мысли мы, мы дремы, –

Полубоги, полутени,

Полу-ничего...

Слово делает окружающий мир реальным. Энергия Слова – не быто-

вая, не житейская. Иногда это не только энергия созидания, но и энергия разрушения – по-своему тоже преобразующая мир. Диалектичность бытия определяет диалектичность сознания и наоборот. Нужно стремиться к постижению жизни, но не грубому, бесцеремонному. Скорее – вкрадчивому: вслушиванием, вчувствованием. Не нужно ломать золотые часы, чтобы увидеть «непостижимый ход минут». Надо чутко и бережно прикасаться к миру видимому и невидимому, к вещам и явлениям, которые «довоплотиться строчкой рады, тоской по Вечности полны...». И тогда Мироздание раздвинет «ставни бытия», даст услышать, как «дождь идет за окном Вселенной», покажет, как «вокруг вбивает сваи время», создавая эпохи и цивилизации, затеет «огромную случайную игру неба над зеркалом воды», расскажет о судьбе деревьев, которые стоят «по пояс в снегу, как кони, что замерли вдруг на бегу», научит «удить рыбу прямо из печали», отпустит идти «сквозь отраженья, отзываясь на шорох сна», высечет «из подсознания искры узнаванья» первооснов бытия, доверит краеугольный «камень книги миропревращений», подарит святую простоту «солнце-рожденного мига миропознания», извечно явленного в Слове.

Великолепна ярость бытия.

Пусть конь несет

И порваны страницы –

И с них на волю пущены слова,

Они летят – как искры и как птицы...

А с ними летит душа – на свободу, потому что Слово – это еще и про-

водник за границы материального, телесного, рационального – в сферу духовного, не имеющего пределов.

*Душа-невольница
рождением разогрета
Влетает в тело, как ребенок в дом.
Вбегаем, а потом страдает тяжело,
Вериги из материи приняв...*

Если душа попадает в стихию живого Слова, становясь его сотворцом, ее уже не держат «земные вериги». Вершатся новые смысловые реальности, новыми созвездиями заселяется поэтический космос.

Любовь в таком космосе – это тоже чувство над-земное, поднимающееся над законами и законами житейского, бытового, несовершенного. Любовь – абсолют: «любовью в вечность движутся планеты». В книге мало «классических» стихотворений о любви именно потому, что и это чувство, эта стихия – полнее всего проявлена для поэта в измерении небесном.

*Хотя любовь – занятие земное
Но что земное – вовсе не любовь...*

Отсюда и неизбежное понимание того, что на земле не бывает идеальной любви. Да и вообще идеалы недостижимы. Диалектика бытия требует после приливов – отливов. Мелей. Заводей печалей. Углубленного самоосмысления («как трудно идти между «я» и «не я»).

*Путешествий по кругу вечных
безответных вопросов.*

*Куда уносится, куда уходит жизнь,
Когда открыты в сумрак тихий двери,
Когда в саду, в пруду, лягушка-тишь
Сидит и ждет, в кувшинку
глазки вперив?
Куда уносится, куда уходит жизнь?*

И чем длиннее пройденный земной путь, тем больше разочарований, размышлений о часто неравной борьбе между добром и злом, о непостижимой игре светотеней, об оборотной стороне Вечности – о скоротечности земного существования, о бренности человеческих чаяний («амфоры, что плывут на корабле, будут через две тысячи лет на дне моря, и вместо вина жизни в них будет лишь ил забвения...»).

*Как странно чувствовать, любить,
Когда кругом – одни распятыя,
И смерть, раскрыв свои объятия,
Смеется над уменьем жить...*

Чуткая поэтическая душа откликается всем печалям и несовершенствам мира так же, как и его жизнеутверждающей гармонии. У поэта, не замкнутого на себе, а разомкнутого в мир, во Вселенную – «раны вдохновения» обнажены всегда, ведь творчество – это не «комнатное хобби», это способ существования, дыхания. Это судьба. Мужество пропускать через себя «жизни поток алый, кровавый...» Приговор и оправдание. Обреченность в жизни земной и обретенность себя в Вечности.

*Сердце – усталый камыш.
Там, на просторе дыханья,
ты шелестяшь,
Словно кораблик, волною шумишь.
Плещется в борт твой
Жизни поток алый кровавый.
Какого меча, пули какой
Или обмана ты ждешь?..*

Одиночества «многия печали», как неизбежная плата за избранность многознания, за отрыв от усредненно общепринятого – сквозная тема «Механики небесных жерновов», редко, впрочем, явленная открыто. Хотя поэт и проговаривается порой – «у меня на душе столько снега скопилось давно» – он скорее аллегорически рассказывает о том, как одинок путь поэта, как трудно встретить единомышленника на небесных дорогах.

*Крот из норы
Не хочет взгляда в небо,
Пусть птица удивляется ему...*

Бывают грустные минуты, неизбежны потери и разочарования. Но очарование поэзии Станислава Айдиняна в том, что сквозь вдруг сгущающиеся тучи в его стихах обязательно пробивается солнце. Исцеленье от всех печалей – «там, где свет, там где юность, там где детство». То есть в мире первозданных надежд, непосредственной радости существования, в мире чудес и доброты:

*Для тех, кто в чудеса не верит,
Чудес и вовсе не бывает,
И если никого не любишь,
То сердце глухо к чудесам.*

Мир по сути своей – ребенок, трудный, порой капризный и жестокий, и все-таки – открытый добру, любви, милосердию. Главное – преодолевая все беды и ужасы бытия, оставаться на его светлой стороне, не забывать о небе над головой.

*Я небу учусь у детей и стрекоз,
Не ангел ли тучу по небу пронес?
Откуда летела, кружась, стрекоза?
Ей ангел шепнул; – Опускаться нельзя
На жаркое поле близ старых берез.
Не ангел ли время на небо унес?*

Жизнь скоротечна, смерть неизбежна. Но, возможно, жизнь и смерть, переплетены теснее, чем мы себе представляем. Их единство и есть диалектическая суть Вечности.

*Жизнь коротка! –
Сказал я эху скал.
И от вершины ветер побежал,
Неся ответ, что смерть еще короче...*

Экзистенциально-философская лирика Станислава Айдиняна насыщена интересными образами, ассоциативными сопереживаниями. Он умеет в одном стихотворении сказать нечто очень важное о сути жизни, ее таинственных переплетениях, и идя еще дальше – неуловимо коснуться тончайшего шва, связывающего бытие и небытие:

Объединение русскоязычных литераторов Финляндии

*Куда-то подевался день,
Рассыпались во прах минуты,
И в потонувшие каюты
«Титаника» упала тень,
И череп улыбнулся Солнцу,
Чей луч проник в иллюминатор.
На череп тот глядели рыбы,
Не понимая ничего...
А водоросли плавно плыли,
Колбясь средь песка и ила,
Они росли на чемоданах
И прорастали сквозь пенсне.
Часы давно остановились,
Давно не светят большие люстры,
Но череп улыбнулся солнцу,
И значит – жизнь живет везде...*

Читая книгу Станислава Айдиняна «Механика небесных жерновов» – как будто пересекаешь вместе с автором Вселенную на поэти-

ческом астральном корабле, перелистываешь эпохи города, поднимаешься на горные вершины человеческого духа, падаешь в бездны и вновь возносишься в небо, открывая новые горизонты сознания. Удивительное ощущение свежего воздуха в легких, радостное и родственное чувство полноты.

*Я словно на вершине мира,
Где цикл закончился земной,
И ледовитые громады –
Как памятник любви чужой.
Здесь не солжешь,
Застыло время
На нам неведомом пути,
И я вдеваю ноги в стремя,
Чтобы небесный путь идти...
Добрый путь.
Долгий путь.*

Москва-Копенгаген

